

"Когда смерть разлучит нас... (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Мари Явь

Когда смерть разлучит нас...

Пролог

— Итак, слушай внимательно и записывай слово в слово... только на латыни! Вот увидишь, совсем скоро этот язык станет языком мира мудрости. И факт остается фактом, тайну этой книги не должны познать те, кому с разумом не по пути.

Сегодняшней ночью на странице пергамента останется один из страшнейших секретов, которые я не могу унести с собой в могилу... душа моя тяжела, она требует освобождения от оков темных знаний. Напиши предупреждение в начале этого раздела. Напиши, что только отчаявшийся осмелится перевернуть эту страницу. Напиши, что решившийся на безумие сие, должен оставить всякую надежду и страх (хотя, что такое первое без второго и второе без первого?) за порогом этого раздела... Видит небо, я их предупредила. А потом приступай к заглавию. Обозначим этот раздел... «Воздаянием». Ведь те, кто дошел до этих слов ищет именно воздаяния — награды или кары. Для себя — первое, для врага — второе. И как мы знаем, делами воздаяния редко занимаются тщеславные боги, а сам человек по своей природе слишком слаб, чтобы заплатить каждому по счетам. И если вдруг несправедливо обиженный не получит своего воздаяния от легкомысленной Фортуны, что ж... пусть будет так, что к нему в руки попадет эта книга, и он откроет ее на этой самой странице. И сделает окончательный выбор: свобода на земле и рабство на небесах или же уничтожение при жизни и раздолье духа после нее. Ведь даже гении и демоны не награждают смертных вниманием за так, и ежели кто решил воспользоваться их услугами, пусть помнит, что они потребуют у него взамен свободу. Решай что важнее, твоя гордость или твоя душа.

Ночь сегодня совершенно безлунная, не так ли? Очевидно, даже Нюкта нынче на моей стороне. А значит, речь пойдет о тайне всех моих тайн. Напиши же первое имя из списка этих лихоимцев-небожителей. Его зовут Эохайд Брес.

Твое удивление логично. Ведь ни греки, ни римляне не знакомы с этим именем. Но как я говорила, боги чужеземцев так же реальны, как и наши. Ведь (и это тоже будет нашим секретом) не боги создали людей, но люди богов. Они сотворили их по образу и подобию своему. Наделили их своими пороками и качествами, они олицетворение самых низменных людских желаний и мечтаний... но вернемся к книге.

Эохайд Брес — сын Элаты — на манер всех фоморов невероятно скуп, корыстен, хитер и жесток. И конечно же, эти пороки нашли отражение на его лице. Ты думаешь, он чудовищно уродлив? Отнюдь.

Брес настолько красив, что люди, выдумавшие его, теперь почитают его образ эталоном. И все прекрасное, будь то цветок или человек, сравнивают с ним, говоря «Разве что только Брес прекраснее». Почему ты удивляешься? Тебе кажется странным, что что-то настолько омерзительное душой может иметь прекрасный облик? Но что такое плотская красота? Она не обладает даром созидания, она лишь сбивает людей с толку, лишает их покоя, ей хочется обладать, из-за нее ведут войны, убивают, предают... Или ты думаешь, что наш бог любви — Эрот — прекрасен? Напротив, он стремится к красоте, так как сам ее лишен.

Потому, напиши, что ежели какой отчаявшийся человек надумает призвать Эохайда, пусть даже не думает поднимать на него глаза. Хотя бы до тех пор пока не получит от него слово. Не думай, что слова — пустой звук для богов, они важны для них почти так же как воздух, ведь

они появились из слова. Им нужны молитвы и хвалебные гимны смертных, они живут ими.

Что еще будет интересно узнать человеку, которому в руки попадет эта книга, или же лично тебе? Эохайд Брес не является богом в полном смысле этого слова, люди не молятся ему, у него нет храма, святилища или жертвенника. Возвысился же он за счет своей удивительной красоты, которую так ценят праздные боги, но которая людям во все времена принесла столько бед. Особо же ценит его жестокая богиня Инанна, покровительница плотской любви и войны. Но зная ее непостоянство, Брес копил силы и слуг, потому редко отказывает в сделке человеку, даже самому ничтожному.

А теперь отложи перо в сторону. То, что я скажу дальше, не должно стать знанием многих, но лишь одного.

У каждого божества есть свой идол, которому он неосознанно поклоняется, с которым неразлучен, который олицетворяет его. Этот предмет может быть сущей мелочью, с которой, однако, ее владелец неразрывно связан. Как это похоже на людей, не так ли? Но к чему я говорю тебе это? У Бреса тоже есть вещь, с которой он не расстанется ни ночью, ни днем. Завладей человек такой вещью и его свобода и душа останутся при нем. Вместе с тем, он может потребовать у божественного заимодавца исполнение своего требования, обещаясь вернуть идола.

Я учу тебя мошенничеству? О ты еще так неисправимо глупа, дорогая моя, я учу тебя жизни.

Но раз ты такая усердная в добродетелях, вернемся к нашему труду. Записывай, что потребует несчастному, решившему сговориться с воплощением самого порока.

I часть

1 глава

Старая слепая ведунья, сказавшая все это, была опасно проницательна и знала многое о других из того, чего они сами о себе не знали. Однако было и то, что Морта (а именно так звали вещунью) не знала, запомняла или просто не видела смысла озвучивать.

И ныне, надиктовывая подопечной свои личные «веды», Морта, возможно, из-за жадности ко времени или пергаменту, не стала вдаваться в подробности, касательные героя ее истории. Она обозначила лишь самые примечательные черты его образа.

Брес, кажется, надежно укрепившийся в фаворе ревнивой и вспыльчивой Инанны, был и в самом деле непристойно жаден, корыстен, жесток и красив. И если для разумных людей он брал десять баллов из десяти по шкале «упаси-Фортуна-от-встречи-с-тобой», то для небожителей последний «талант» Эохайда перевешивал все его недостатки. Хотя терпели его небеса по другой причине — он был под покровительством одной из самых могущественных богинь. И на правах ее любимой игрушки он творил, что хотел и где хотел. Но продолжалось это недолго и причина тому не внезапное похолодание в широтах их постели, а дикая, неудержимая скука, которая как болезнь обрушилась на Бреса, заковывая его в границах собственных покоев. Он не хотел видеть ни лица родного пантеона, ни любые другие, делящие с ним просторы вселенной. Это же относилось и к его любовнице. Но что удивительнее всего, это касалось и его самого.

Узнай об этом его покровительница, и она ужаснулась бы, понимая, что ее любимец сошел с ума: Брес возненавидел собственное отражение. Кто знает, сколько прошло дней (недель, месяцев, лет?) с тех пор, как он приказал вынести из своих чертогов все до одного зеркала, да

вообще, любые блестящие, отполированные предметы, которые могли бы пусть даже мимолетно запечатлеть на своей поверхности его образ.

Нарциссу бы его проблемы.

Объяснял же сам себе эту антипатию Брес так: в Лету канула уже уйма времени... десятки, возможно, сотни лет. И на протяжении всех этих лет он чуть ли не через каждый час видел свое отражение. В медном зеркале, в воде, в стекле, в блеске золотых монет, на грани драгоценного камня, в чужих глазах... Знал бы кто, как он смертельно устал от самого себя. Именно так и никак иначе. От мира устать невозможно, Эохайд это знал, ведь тот непрерывно меняется, неустанно подбрасывая богам новые причины удивляться. Да, удивляться всегда будет чему. Но только не своей долбаной, никогда не меняющейся внешности! Она приелась ему до тошноты.

Но Брес знал, что божественные соседи поднимут его на смех, узнав корень его тоски. Потому сын Элаты предпочитал жизнь молчаливого затворника, хотя некогда пренебрегал и даже страшился одиночества. Однако иногда, крайне редко и с разной степенью периодичности, дабы окончательно не утратить рассудок, он позволял навещать себя Энки.

Как бы ни были сложны и запутаны семейно-родственные связи между богами, этого молодого юношу он считал своим братом, а если не братом, то другом, не другом, так учеником. Как бы то ни было, Энки всегда смотрел на Бреса широко распахнутыми глазами доверия, трепета и восторга (а именно так, по мнению Эохайда, смотрели младшие братья на старших, на отцов и на учителей). И хотя Брес презрел свою внешность, отказаться от своей души он не мог. Потому иногда рассуждал вслух перед публикой в лице одного лишь Энки, и встречая его одобрительные возгласы, безоговорочное согласие и восхищение, как бы любовался отражением своего изменчивого, загадочного, непостижимого внутреннего мира. Что нравилось ему несомненно больше, чем статичное выражение пусть и красивого, но опостылевшего лица. Ну, и кроме прочего, Бресу необходимо было хоть чье-то поклонение, при условии что Инанна ему уже приелась.

Так и теперь, он благосклонно принял Энки у себя. И потому юноша уже несколько часов к ряду сидел в углу, терпеливо ожидая слов, как подаяния, тогда как Брес, развалившись на ложе, придавался внутренним терзаниям. И, кажется, он был бы исключительно рад, наступи сейчас внеплановый конец света, апокалипсис, рагнарёк, пралая... что там еще успели придумать для них люди? Это бы, наверняка, несколько его отрезвило, ну а пока...

Подкидывая к потолку старинную серебряную монету, изрытую символами рун и орнаментом рисунка, Брес ловил ее налету. Чтобы та повторила свою траекторию. И опять. И снова. Собственно, все его существование олицетворялось этим бессмысленным подкидыванием и ловлей монеты.

Последовательность взлетов и падений прервала вошедшая рабыня, которая принесла своему господину ужин (завтрак? обед?). Полупрозрачная, бледная, смотрящая в пустоту и немая слуга, все действия которой были отрететированы и точны, ни одного лишнего движения, взгляда, звука. И когда она ушла, оставив на столе владельца этих чертогов амброзию и нектар, Брес с неохотой поднялся с ложа. И не успел он с презрением покоситься на яства, как Энки, совершенно неожиданно, нарушил тишину.

— Люди... что ты думаешь о них?

Брес неторопливо повернулся в ту сторону, где не так давно скрылась рабыня.

— Я никогда не видел их, никогда... не разговаривал, но так много слышал! — Продолжил с едва сдерживаемым воодушевлением парень, всматриваясь в старшего брата, который, напротив, упрямо отводил взгляд. — А ты... какими они кажутся тебе?

— Мимолетными. Сумасшедшими. Счастливыми. — Отрывисто ответил Брес, охватив в этих трех примитивных словах всю многогранность сути такого удивительного существа как «человек». Энки настороженно вслушивался, ожидая хотя бы толкования. — Каждый день у них последний, а если не последний, то и последний близко. Что касается, их сумасшествия: они мечутся между двумя противоположностями, не в состоянии обрести середину, достичь блаженной умеренности. От лета к зиме, от наслаждения к страданию, с похорон на свадьбу, с рассвета до заката, с момента рождения и до смерти. Глупцы живут в аду, но даже не знают этого. Потому и счастливы.

Без особого удовольствия, Брес приступил к трапезе, разложенной на деревянных блюдах, жестом приглашая Энки составить ему компанию.

— А я бы... если бы была такая возможность, наверняка, воспользовался ей, чтобы просто поговорить с человеком...

— Ты предпочитаешь разговор с всеведущими богами беседе с людьми? Какой в этом прок? Что ты сможешь узнать у тех, кто сам себе придумал господ, заковал в цепи рабства с улыбкой на лицах и исправно платит им дань? Просто чтобы снять с себя ответственность за все творящееся у них дома. Обладающие абсолютной свободой они намеренно от нее отрекаются, чтобы вспоминать о ней, писать о ней песни, желать ее. Нет, этот народ...

— Непостижим! — Заключил с горячностью Энки, на что Брес кивнул головой в сторону выхода.

— Хочешь поговорить с человеком? У меня их сотни, выбирай себе в собеседники любого.

— Нет. Нет, то не люди. Это же просто тени... Немые, слепые призраки. То что я слышал... читал...

— О, так ты читал. — Насмешливо протянул Брес, придирчиво оглядывая принесенные блюда, решая, с какого бы начать.

— ...говорит о них, как о существах исключительно... исключительно... неповторимых! Ведь даже любую глупость они могут оправдать и выставить в таком свете, что ты поверишь в то, что эта глупость была необходима и неизбежна. То как они мастерски управляют словом, восхитит кого угодно. Вот послушай, что я вычитал...

Но Брес не слушал. И причиной тому служили не чрезмерная утомленность необоснованной восторженностью Энки или же непомерная гордыня, диктующая, что слушать нужно только лишь себя, потому что только ты — знание, а остальные — мнения. Нет, отстать от угнетающей разговора, его заставило острое ощущение собственной необходимости.

Это чувство он помнил и теперь казалось, что даже ждал. Не для того, чтобы в очередной раз потешить собственное самолюбие (чувство осмысленности и нужности наполняло его теплом, согревая), а для того, чтобы положить конец скуке.

Его вызывал человек. Да, очередной глупый и недостойный его внимания смертный, которому однако он не откажет. От возможности посетить этот суетный и меняющийся со скоростью мысли мир он отказывался редко и, обычно, не по своей воле.

Что сказать, людей и иже с ними Брес презирал, однако к устойчивому в своей неизменности миру богов он испытывал чувства куда более отталкивающие. В связи с этим он дал собственное определение красоты. Красота, окружающая его была достойна небожителей, бесспорно, но эта красота быстро становилась обыденностью и уже утрачивала право называться столько громко... В общем-то, красота, по его мнению, заключалась в изменчивости. И тут он не мог грешить против людей, непостоянство — их конек. Тем не менее, если это и повышает их статус в его глазах, то совсем не на много. По части глупости их, все-таки, тоже не обскачешь.

И не имеет значения, перед каким условием он будет поставлен уже буквально через минуту. Нет никакой разницы, что потребует у него этот человек взамен на свою свободу. Просто еще один раз ощутить ветер в волосах, вдохнуть обжигающий воздух, почувствовать, как собственная сила разливается в скованном тоской теле...

Глупцы-смертные сами не знали, что взывая к нему, они тем самым дают ему безграничную власть. Их коленопреклоненные молитвы делали его буквально всемогущим. Разве это не забавно?! Он никогда и не был всемогущим, но именно их вера в то, что он всемогущ, делала его таковым!

Люди говорили: ты — бог, ты могуществен, ты нам поможешь, а его суть просто с этим соглашалась. Он говорил: ну, если вы настаиваете, пусть будет так.

И вот он — всемогущий и гордый — отходит от стола, оставляя трапезу и недоуменного Энки за своей спиной, чтобы снизойти до них, своих глупых, смертных богов.

— Ты... что, уходишь?

— Да.

Сейчас Брес не умел да и не хотел рассказывать брату/другу/ученику о собственных душевных волнениях. В этом тихом «да» заключалось на деле громкое «свободен!». Вот оно, люди отреклись от свободы в их пользу. И, наконец-то, ему тоже перепал кусок этого пирога.

— А если... к тебе придут? Инанна?

— В таком случае, оставайся здесь и передай ей... — Брес помедлил на пороге, обернувшись к Энки. — Я занят.

Парень сглотнул, но, вопреки страху и несогласию играть роль гонца с плохими вестями, молча покивал.

* * *

Несколько часов ранее.

Круг обязанностей Айрис был необычайно широк. От няньки до заклинателя змей, и между этими полюсами можно было поместить еще с десятков разнородных мелких ролей, которые ей приходилось играть в жизни Морта — своей наставницы/матери/кормилицы.

К примеру, перед рассветом она была писцом, и вот, не успела она спустить рукава и оттереть пальцы от чернил, как пришло время готовить завтрак. Из повара Айрис перевоплощалась в прислужницу, поднимаясь наверх шаткого жилища, в гинекей, с каким-нибудь немудреным блюдом. Но благо, Морта была непривередлива. Ее мудрость, помимо познания темнейших

тайн бытия, заключалась еще и в простом отношении к потребностям своего тела.

Люди — тщеславны, но не голод, говорила она. Голод просто требует утоления, а чем — ему нет дела. Потребность же урвать кусок послаще и побольше — муки жажды роскоши.

Слепая старуха, чьи ранее искрящиеся, черные, как горящие угли, глаза ныне заволакивали два мутных бельма, ела неторопливо, царственно. И обязательно в молчании, давая своей подопечной усердно и сосредоточенно сшить листы пергамента, написанные за эту ночь.

Странная прихоть, называемая Мортой правилом, гласила, что писать собственные «веды» она будет исключительно ночью. Ведь, известно, что тайны, как и нечистая совесть, боятся солнечного света. И, казалось, старуха за свою долгую жизнь накопила предостаточно и первого и второго.

Сколько ей лет никто не знал, даже Айрис. Ведь когда ее, еще совсем девочку, старуха заметила на невольничьем рынке, выглядела Морта точно так же как и сейчас. Разве что еще полностью не ослепла. Но вот прошло десять лет, а внешность вещуньи сохраняла в неизменности те дряблые, ужасающие, отталкивающие черты, с которыми Айрис познакомилась в судьбоносный для нее день.

Да, выглядела Морта ужасно, как и подобает людям, стоящим одной ногой в могиле, а другой на земле и то лишь с той целью, чтобы служить соседям живым напоминанием о приближающемся конце и тщете всего земного. Кажется, любой атеист, посмотрев на нее единожды, мог без лишних доказательств уверовать во всех богов разом и побежать в ближайшую кумирню.

К слову сказать, сама Морта в богов не верила, она их знала. По именам и, может быть, даже лично, а то как еще объяснить ту страсть и убежденность, с которыми она рассказывала о небожителях. И неважно принадлежали те к греческому пантеону или римскому: боги существуют до тех пор, пока в них верит хотя бы один человек, и это аксиома.

Итак, Морта была стара, страшна, как троянская война, и слыла ясновидящей — этот набор не самых лучших качеств обеспечивал ей почтительный страх и уважение всех жителей полиса до гроба. И Морта этим умело пользовалась, потому в ее уже весьма ветхом жилище всегда водились овощи, вино, масло, ткани. Приходившие к ней за советом кумушки расплачивались не простым «спасибо». Однако дань эта не хранилась долго, утекая в руки нищим попрошайкам или жрецам, которые тоже были частыми гостями в их доме.

Да, дом их никогда не пустовал. Не исключением стал и этот день, у которого Айрис мечтала урвать хотя бы пару часов сна. После бессонной ночи ее глаза болели и слипались, тело было одеревенелым, все движения — неторопливыми. И вот теперь, выведя старуху в сад под раскидистый платан и опустившись рядом с ней на покрывало, Айрис задремала. Очнуться ее заставили настойчивые прикосновения костлявой руки к плечу, что означало — пришло время взять на себя роль сторожевого пса.

И действительно, во двор неуверенно, словно спрашивая разрешения, шагнула женская фигура, удерживая перед собой корзину с «данью». Поспешно поднявшись и поправив одежду, Айрис направилась к ней на встречу, стараясь при этом выглядеть дружелюбно, что было практически невозможно. И нет, конечно, дело не в том, что женщина нарушила ее сон или что отсутствие этого самого сна поместило на и без того нелогично бледное (при таком-то климате) лицо болезненные тени. Айрис не могла выглядеть для своих суеверных соседей дружелюбно по определению.

Так и теперь, прежде чем произнести приветствие, женщина метнула едва уловимый взгляд на лицо и волосы девушки. Отметка злых богов — песь- коснулась ресниц и брови с левой стороны лица Айрис, а над ухом на фоне темных волос сидела тонкая прядь.

— Она ждет вас. — Услужливо проговорила Айрис, тем самым создавая нужную атмосферу: наставница знает все обо всем, а уж о приходе какой-то Агаты, она знала еще до того, как та сама решила к ней зайти.

— Пусть примет в дар оливковое масло и хлеб. — Почтительно ответила Агата, после чего вручила Айрис корзинку, а сама неторопливо, словно приближаясь к алтарю самой Геры, прошла к покрывалу, на котором сидела маленькая, костлявая старуха.

Спускаясь в кладовую, Айрис смотрела себе под ноги, но не видела ступенек. Перед глазами стояло знакомое лицо женщины, приходившейся матерью той, которую Айрис некогда называла своей подругой. Но то было давно, четыре года назад. И как бы небрежно Айрис не относилась к времени, тот год, день и час она запомнила с ненавистной теперь отчетливостью. И этот визит Агаты к наставнице... хотела бы она не знать, что именно означало появление матери Таи сегодня. Но ведь весь полис только об этом и говорил последние несколько дней.

Догадки превратились в несомненное знание, когда Айрис вернулась к платану, присаживаясь рядом с Мортой. Старуха еще разговаривала со своей посетительницей, тогда как девушка принялась расчесывать длинные, седые и очень тонкие волосы ведуньи.

— Да будет благословен богами союз твоей дочери и этого замечательного юноши. — Прохрипела Морта, величаво смотря в пустоту. — Как его имя еще раз?

Айрис напряглась. Бить по больному не было в привычке Морты, и если она прибегала к этому методу, его стоило воспринимать как горькое лекарство, а не нож в спину. Подлая — это не про Мортю. Просто старуха знала, что Айрис до сих пор не переболела своей растоптанной любовью и потому при каждом удобном случае напоминала девушке о ее унижении и утрате, дабы когда-нибудь это воспоминание стало привычным. Дабы она свыклась с ним, и не вздрагивала каждый раз на слове:

— Сет.

— Ох, я много слышала о нем. — Ласково отозвалась Морта, кивая. — Да, замечательный юноша. Поговаривают, что он первый красавец у нас, не так ли?

— Как и Тая первая среди девушек. Прекрасная пара. А какие у них будут малыши! — Агата утирала слезы умиления. — Если бы вы только могли видеть...

— Сердце мое видит куда больше. — С пугающей улыбкой Морта приложила ладонь к груди. — Не тревожься, они получают то счастье, которое заслужили. И, конечно, я помолюсь богам за твоих детей. Будь спокойна.

— Спасибо. Спасибо, госпожа. — Прошептала женщина, целуя старческую руку. — Прошу тебя, навести мой дом сегодня, и тогда мы отметим двойной праздник.

— Умирающим калекам не место на празднике жизни, дитя мое. — Прошамкала беззубым ртом Морта. — Торжество юности и любви оскорбит мое присутствие.

— Как можешь ты говорить так, госпожа. Как можешь...

— Но успокойся, дочь моя, отказывать тебе в этот день не посмели бы даже боги.

— О, спасибо, спасибо!

— Праздник твоего дома посетят мои глаза и моя десница этим вечером. — И Морта сделала жест в сторону замершей с гребнем в руках Айрис. — Прими же ее как меня саму.

— Непременно. — Поклонилась Агата, изо всех сил пытаясь скрыть сожаление. — Великая честь принимать тебя у себя дома.

— Да воздастся тебе за твою добродетель. — Ответила на ее лесть старуха. — А теперь ступай, слуги ждут твоих распоряжений касательно свадебных яств и украшения жилища.

Айрис взглядом провожала женщину и лишь когда та скрылась из виду, решила на слова. Все-таки перебивать наставницу и уж тем более оспаривать ее решения при посторонних — табу. И дело не в страхе перед тайной силой колдуньи, а в элементарном уважении. Морта была для нее матерью, отцом, учителем и царем в одном лице, потому перечить ей не было в привычке девушки. Однако...

— Чем я это заслужила?

— О, я знала, что твоя благодарность будет похожа на возмущение.

— Это и есть возмущение. Ты же знаешь, что он... они сделали со мной! Через что я прошла из-за них!

— Именно поэтому ты должна бежать на свадебный пир в числе первых. — Усмехнулась остро старуха. — Я как хороший врач, Айрис. Пыталась лечить тебя, ставила припарки и давала горькие настои, но если конечность загноилась и зараза не уменьшается, а растет... как бы больно это ни было, конечность отсекают.

— Ты выставяешь меня на посмеище. Опять. Зачем только я рассказала тебе...

— Ты ничего мне и не рассказывала. Я сама все увидела.

— И ты тоже смеешься надо мной. А ведь все ее подруги... мои бывшие подруги ушли в новые семьи, растят детей. Тогда как я... уже почти смирилась с тем, что мне это не светит. Я уже поверила в то, что действительно проклята. Я веду жизнь затворника не случайно. И дело даже не в тебе, не в Сете. Дело в «сейчас»: я одинокая, жалкая старая дева с белыми отметинами в волосах. И ты посылаешь меня на этот пир, зная, что меня высмеют там. Как и четыре года назад. Ты просто заставляешь меня снова через это пройти.

— Не делай из меня злодейку. — Бесстрастно ответила Морта. — Настоящее зло я причинила тебе, если бы не повелела туда идти. Ты жалела бы об этом всю свою оставшуюся жизнь. Потому что должна увидеть это собственными глазами, осознать, что корабль ушел, что пути назад нет.

— Лучше уж жалеть о том, что не пошла туда, чем о том, что все видела собственными глазами.

— Конечно. Считай, как хочешь, дорогая моя. — Махнула рукой ведунья. — Но выбора у тебя нету... хотя, постой. Можешь выбирать между собственным свадебным хитомом, которую уже вряд ли когда-нибудь наденешь, или рубищем, в котором ты обычно шатаешься по полису от

моего имени.

* * *

Четыре года назад.

Это был ее первый в жизни настоящий поцелуй — тот момент, когда понимаешь, что «гореть» не только свойство огня. В большей степени это относится к женскому телу, к которому впервые чувственно и нежно прикоснулся мужчина.

Тихая, послушная и стеснительная Айрис никогда ранее не попадала в такой эмоциональный шторм. Теперь? От чувств перехватило дыхание, стук сердца отдавался во всем теле, которое искало чужих прикосновений.

Руки ее возлюбленного настойчиво подтолкнули девушку на траву, заставляя откинуться на спину. Над ними растянулось звездное полотно ночного неба, а могучие стволы оливы обступили таящуюся юную пару.

— Ты доверяешь мне? — Спросил хрипло Сет, заглянув в темные глаза девушки, которая робко кивнула. — Будет немного больно...

— Нестрашно. — Ответила она, даря добрую улыбку. Всю себя. — Продолжай. Я... люблю тебя.

— Да. Я тоже тебя люблю. — Поспешно уверил юноша Айрис, стягивая с нее тунику. — Замерзла?

— Все хорошо. — Продолжала повторять девушка, обвивая шею любовника руками. — Ты очень красивый... очень-очень.

Было видно, как в сумраке глаза эфеба засияли от удовольствия. Ему всегда было исключительно приятно слышать комплименты в свою сторону, без разницы фальшивая лесть это или же правда, идущая от сердца.

— Ох, ты бы себя сейчас видела... — Улыбнулся Сет, прикоснувшись большим пальцем к покрасневшимся щекам Айрис. — Не бойся. Я буду очень осторожен. — И словно в доказательство своих слов снова нежно и долго целовал. — А потом... мы сообщим обо всем моим родителям...

Не скрывая счастливой улыбки, Айрис отвечала на прикосновения и поцелуи со всей страстью первой настоящей любви. Той самой, которая может и горы свернуть, достать звезды с неба, которой океан — по колено. И теперь она понимала, что не зря пришла сюда, что проповеди Морты были просто завистью старой умирающей калеки. Старухе не понять ее, молодую, любящую, любимую...

Пронзительный свист спугнул с деревьев птиц и заставил влюбленных замереть.

— Эй, идите все сюда! Гляньте, что я нашел! — Крикнул хмельной голос и через секунду из-за деревьев показались люди.

Айрис встрепенулась, нащупала рукой тунику и спешно прикрыла свою наготу. Ее большие глаза следили за приближающимися фигурами девушек и парней, которые пришли в сад с факелами, освящая теперь застигнутых врасплох юных любовников. Шумная компания смеялась и улюлюкала, словно затравливая дикого зверя.

— Глядите-ка, кто тут у нас. Сет! И главное с кем! Это же меченая! Я же говорил тебе, Тая. — Продолжал хохотать заводила, которым оказался старший брат Сета — Хели. — Я давно знал, а ты в облаках витала. Ну теперь смотри. Гляди, а? Как тебе это нравится?

Лихорадочным взглядом Айрис нашла в толпе лицо подруги, которое теперь исказила ярость.

— Нет... нет, послушай, я не знала... я не знала, что ты тоже... любишь его. Ты же говорила, что... он тебе даром не нужен. Ты же... — Ища помощи и защиты, девушка посмотрела на своего возлюбленного.

Сет уже успел встать с земли, поправить одежду и теперь смотрел на шумных и, вероятно, пьяных друзей с растерянностью и страхом.

— Спорю, родители об этом еще не знают! — Продолжал Хели, тыкая в сторону Айрис факелом. — А я-то думал, куда ты все бегаешь. Да ты с ума сошел, братишка! С кем, с кем, но с ней?! Ты еще не успел ее поймать? Если да, то все — прощай потенция. Ты что, не знаешь, что она проклятая! Да ведь боги специально для таких вот недогадливых на ее лице об этом написали!

Айрис сжалась, притянула колени к груди и пристально посмотрела на Сета. Не понимая, не желая понимать, почему он до сих пор молчит. Но, видят боги, лучше бы он так и продолжал молчать.

— Хели, ты пьян. Недоумок. — Хохотнул резко Сет, направляясь в сторону небольшой компании. — Такой трах мне обломал.

— Ч-что... Сет? Куда ты... я не понимаю... — Пролепетала за его спиной униженная и опозоренная девушка.

— А что тут не понятного? — Кинул через плечо парень, демонстрируя собой полную противоположность того нежного и преданного Эрота, которого она обнимала несколько минут назад. — Я давно хотел тебя поймать, к тому же, ты сама была не против. Да что я говорю, ты готова была мне прямо здесь отдаться, как шлюха последняя. Неужели ты думаешь, что я буду представлять тебя родителям как свою будущую жену? Ты же никто! Рабыня! Да и вообще, на лицо свое глянь, тогда дойдет, почему тебе не стоит вообще на замужество рассчитывать.

Его слова поддержали дружным хохотом, который, кажется, грозил небо сорвать прямо ей на голову. И, возможно, в то мгновение именно об этом Айрис и молила богов. Что угодно, чтобы не слышать эти слова, этот выворачивающий душу наизнанку смех.

Но они смеялись. Так долго, оглушительно и беспощадно. И хохот гнался за ней вслед, когда Айрис пыталась сбежать с их глаз. Смех преследовал ее. Все четыре года.

2 глава

Айрис только просыпалась, а на свадебный пир уже съезжались гости.

Морта воскуряла в ойкесе благовония богам. Терпкие запахи и дым назойливо лезли в нос, заставляя Айрис встрепенуться и закашляться. И когда первый страх того, что их дом подожгли, прошел, девушка свободно вздохнула и нашла взглядом свою дряхлую наставницу.

— Надумала меня послушаться? — Проскрипела Морта, сидя к ней полубоком перед домашним алтарем. — Забыла наш неписанный закон? Я служу богам, ты служишь мне.

Вместо ответа, Айрис утомленно закрыла лицо руками. Воспоминания лезли и душили настойчивее дыма.

— Четыре года или сто лет — все равно больно будет. — Продолжила ведунья, проходя к очагу, чтобы подбросить хворосту. — Так смысл ждать?

— Жестокая. Ты же знаешь, что я лишь испорчу им праздник. Они бы куда радушнее встретили наводнение, извержение вулкана, ураган и засуху, чем одну единственную меня. Зачем ворошить осиное гнездо, Морта?

— Ворошить, чтобы его уничтожить и больше нечего было ворошить. Вам всем нужно оставить ту историю в прошлом. Вы были всего лишь глупыми детьми.

— Были? Говоришь так, словно все что «было» уже прошло. Ну так ничего не прошло... — Морта повернула к ней свою голову, безошибочно находя своими слепыми глазами. — Но, видимо, пройдет уже сегодня.

— Дорогая моя, я тебя хоть раз упрекнула в том, что ты не послушала моего совета в тот раз? Хоть раз я ударила тебя, беззащитную, жестоким «а я ведь говорила?».

— Собираешься исправить это сейчас?

— Ты, кажется, не понимаешь, что в это мире мы с тобой остались одни. — Начала бормотать Морта, вороша очаг. — А я уже почти разучилась жить. Вся моя мудрость принадлежит тебе. Но пока я еще дышу, я остаюсь мудрее и старше. А это значит...

— Это значит, что я все-таки надена праздничный хитон, а не рубище.

— Умница. — Морта обнажила свой беззубый рот в улыбке. — Возьми бутылку вина для новобрачных.

— Как скажешь. — Отозвалась покорно девушка, уходя наверх.

Да, времена бурной молодости, по мнению Айрис, уже минули. Больше она не решалась перечить Мorte ни словом, ни делом, выполняя поручения любого рода безоговорочно. Так почему бы и сейчас не рассматривать этот визит к брачующимся как просто очередное задание наставницы? Сделать вид, что это не личное. Что все уже действительно в прошлом.

Убирая волосы и закрепляя в них мелкие белые цветы, наряжаясь в расшитый хитон, украшая запястья и предплечья браслетами, Айрис продолжала внутреннюю бессмысленную борьбу. И конечно, в итоге вынуждена была сдаться, признавая: она ничего не забыла. Что, и рада бы, но сердцу не прикажешь.

А еще, что помимо ненависти и обиды, источивших ее душу, ее куда в большей степени мучит любовь. Ну разве не забавно?

Сев на дифрос и прикоснувшись рукой к своим губам, Айрис тоскливо расплакалась. Что делала крайне редко и в одиночестве, словно стесняясь своего «преступления».

Этих губ, дрожащих под ее пальцами, больше никто и никогда не касался. А тот единственный, которого она к ним подпустила, растоптал и унизил. И если любовь такая... если именно этому поклоняются люди, сочиняя высокопарные гимны, то в тартар такую любовь. Гори она огнем!

Судорожно вздохнув и отерев щеки, девушка окинула бессмысленным взглядом комнату, которую делила с Мортой. Как ведунья и сказала, она ни разу не упрекнула ее ни в чем. А смысл в упреках, если человек уже самостоятельно вверг свою душу в огонь стыда и самоуничтожения? Морта понимала, что ее «упреки», все равно что дождичек утопающему.

Нет, упрекать — никогда. Она могла, упоминать знакомые имена вскользь. Говорить как будто отстраненно о нем или его невесте. Слегка задевать, но не бить наотмашь.

И теперь... Сет и Тая — муж и жена? Уже или почти?

Когда Айрис появится и увидит его после столько лет, насколько сокрушающе отреагирует на встречу ее память? Ее не интересовала реакция толпы, лишь своя собственная.

Разрыдается? Упадет? Будет проклинать или оправдываться? Эта мешанина из гнева, жалости и любви внутри нее, как кости в стакане — кто знает, какая выпадет.

И все же она войдет туда, одинокая, проклятая скорее людьми, чем богами, рабыня слепой, еще не мертвой, но уже и не живой колдуньи. Рабыня, которой некогда ее никчемную любовь швырнули в лицо. И что поможет ей устоять под его взглядом? Под взглядом его семьи? Его жены? Под взглядом их общего, обретенного счастья, которое продолжится вечно и которое никто не нарушит. Счастья, которому она будет тут же противопоставлена, как черное белому. И тогда, глядя на них, она задумается о том, что понятие справедливость придумали все же люди, но никак не боги. Те, кто вершит нашими судьбами, с этим словом не знакомы. Справедливость — наивная мечта, которую этот мир в глаза не видел. О которой не слышал даже.

Так может... стоит их познакомить?

Взгляд заплаканных темных глаз ушел в сторону, на груды из пергаментов. И стоило преступной мысли закрасться в ее душу, как с женских губ соскользнул вздох облегчения и надежды.

* * *

Первое, что увидел Брес, распахнув глаза — безграничный простор своего дома, от которого он теперь был так неизмеримо далеко и в то же время, казалось, мог коснуться его рукой. Звездное небо.

Мир замер на мгновение, словно возмущенный его визитом, вмешательством в инородную реальность. Время застыло на целую секунду, которую Эохайд потратил на созерцание вечных небес.

Впереди — горы, позади — море, вокруг — каменистые поля и ни души.

Втянув холодный воздух, перенасыщенный озоном и кислородом, полной грудью, Брес расправил плечи, опустил голову вниз и нашел взглядом плебея, стоявшего на коленях перед защитным кругом из кровавых символов.

Что ж, плебей оказался не таким дураком, как было принято у Бреса судить о всех людях.

Нищий человек, поправший все голоса разума, совести и страха, вытер испачканные кровью руки о рубище, а потом поднялся. И несмотря на то, что лицо его было скрыто тенью капюшона, Брес с разочарованием понял, что перед ним стоит женщина.

От женщин он устал почти так же, как от своего отражения. Потому что видел их с такой же частотой, и были они на один манер холеные, роскошные, гибкие, назойливые и готовые на все. И если от своего отражения он еще мог спастись, то от них — нет. Не от Инанны, не от этой попрошайки.

Запустив руку в свои густые волосы, мужчина замер в ожидании, пытаясь предугадать первые слова, которые она ему преподнесет. Исходя из всех предыдущих встреч со смертными, она еще долго будет приходить в себя, ну а потом, если не забудет зачем, собственно, пришла, потребует у него... к примеру, денег! Золота столько, сколько она весит. Нет — в два раза больше. Дальше? Если уж ты бог, изволь, будь добр, сделать ее прекрасной подобно Селене. Нет? Тогда отомсти за нее мужу-изменнику и пусть его шлюха окосеет. А ей подыщи свеженького, молодого любовника... хотя нет, зачем же его искать...

— Представься. — Раздался тихий голос из-под капюшона. Голос человека продрогшего на ветру и, вдобавок, обиженного на весь свет.

Она не торопилась поднимать на него свой взгляд. Что ж, счет два-ноль в пользу плебея: она не просто дурой не была, ее можно было назвать даже весьма... предусмотрительной.

— Мое имя Эохайд Брес, но ты должна это знать, ведь именно ты пригласила меня сюда. — Ответил он ей, замечая как фигура вздрогнула. Словно борясь с желанием взглянуть. — Вероятно, ты знаешь, что платой за любую твою просьбу будет твоя свобода, которую я заберу сразу же после того, как мойры перережут...

— Монету. — Фигура вытянула руку в требовательном жесте.

Брес замолчал, сраженный наглостью и льдом женского тона. До этого самого момента ему казалось, что женщины вообще не умеют так разговаривать. Тем более с ним.

— Монету? — Повторил он размеренно. — За одну единственную монету ты готова продать свою свободу? Проси больше, хотя бы две.

Он усмехнулся собственной шутке, но женская ладонь дернулась в жесте нетерпения.

— Мне нужна твоя монета. Та, с которой ты никогда не расстанешься. Это мое требование. Давай ее сюда.

Брес подозрительно прищурился. Какого дьявола она знает о его монете?

При иных обстоятельствах он ответил бы отрицательно. Необходимость расставания с серебряной вещицей, пусть даже та не представляла особой ценности, причиняла беспокойство. Незнакомое доселе чувство пульсацией отдавалась в пальцах, которые сжимали ту самую монету. Попрошайка потребовала ее не случайно, конечно нет. Это ловушка. Но знание этого не избавляет его от участи оставшегося в дураках.

— Зачем тебе моя монета? — Попытался отмежеваться Брес, делая свой голос неприкрыто соблазняющим. В пекло его гордость, он предложит ей что угодно, но не отдаст этот долбаный серебряник. — Я могу дать тебе сотню, тысячу и не серебряных, а золотых. И почему ты отказываешься смотреть на меня? Взгляни, возможно, тебе не нужны будут деньги...

Не взглянула, очевидно, изначально дав себе установку, смотреть лишь под ноги, памятуя обо всех несчастных, которых сгубило любопытство.

— Я знаю, что мне нужно. Ты отказываешься заключать сделку? — Отрывисто и даже несколько раздраженно спросила женщина.

Отказывается ли он? Да если бы это было возможно, его бы уже здесь не было. Но как только Брес переступил границу миров, он уже на все согласился.

— Моя монета в обмен на твою душу. — Проговорил Эохайд, едва удерживая себя от рычания. В этот самый момент он понял, что эта деньга была необъяснимо дороже ему сотни людских душ.

Серебряный кругляш за долю секунды преодолел расстояние между их ладонями. Женщина поймала идола с удивительной ловкостью для того, кто за все время беседы даже не взглянул на своего собеседника.

А вдруг случится чудо, и мойры оборвут ее нить уже через секунду? Но нет, с каких пор он стал рассчитывать на чудеса?

Настороженно прищурившись, мужчина следил за тем, как человек подносит самую дорогую для него вещь к своим губам, омывая серебро долгим, горчим выдохом. А когда женщина начала шептать что-то хорошо заученное и страшно убедительное, все в груди волнительно сжалось. Брес смотрел на ее манипуляции как немощный ребенок, у которого взрослый отбирает любимую игрушку. И ненавидел ее за то, что она заставляет его чувствовать себя настолько жалким.

И сколько ему придется ждать момента воссоединения? Казалось, эта монета ничего для него не значит, но теперь, стоило ей исчезнуть из его рук, как Бресу кажется, что у него забрали небывалое по силе оружие. И он хотел вернуть его себе как можно скорее. Так когда? Год? Десять лет? Двадцать? Судя по голосу, женщина еще молода, а значит до момента ее смерти могут пройти и все пятьдесят.

Вот он, тот самый момент, когда Брес понял, что время — важная часть и его жизни тоже.

Нищенка же, не отвлекаясь на его терзания, достала длинную прядь обрезанных волос, обвязав ими монету. Брес напрягся сильнее, когда ее рука пренебрежительно кинула серебро в чашу, где на доннышке чернела уже почти свернувшаяся кровь.

— Мое. — Произнесла она отчетливо, указывая на чашу, в которой блестела монета. — Мое. — Она указала не себя, намекая на душу. После чего гордо распрямила плечи и указала на Бреса. — Мое.

* * *

Постепенно нарастающий мужской смех, превращающийся в гомерический хохот, отрезвил Айрис. Нагнувшись, она подняла чашу и достала из нее монету. Первую она неглубоко закопала, вторую спрятала в складках одежды. И все это под неудержимое веселье ее нового фамильяра (умереть, не встать — это действительно работает).

— Твой? Твой?! Ха-ха-ха! — Кажется, от хохота сотрясались горы и небеса, но Брес был неумолим.

А Айрис не торопилась ему объяснять, что это — просто часть ритуала, а не слова ее мечты. Будь ее воля — она бы с радостью их опустила.

— В этот самый момент, смертная, над тобой смеется женская половина божеств всех существующих пантеонов. — Заявил он под конец, тяжело вздыхая.

— Четверть.

— Что?

— Женских божеств в общей сумме всех пантеонов, не половина, и даже не треть. А четверть. — Поправила Айрис тихо, запахиваясь в рубище, пронизываемое ветром. — Странно, что этого не знает их любимец.

Перед глазами стояла безынтересная земля. Откуда-то сбоку доносился соблазнительный голос мужчины, который покорила своей красотой эту «четверть».

— О, буду знать. А теперь, дорогущая, позволь откланяться. Можешь молиться на эту монету, хранить ее в изголовье, разрешаю целовать ее и даже представлять всякие непристойности. Но постарайся ее не потерять, потому что после твоей бесславной кончины, я потребую ее назад.

— Не стоит переживать. — Проговорила Айрис, подбираясь ближе к защитному кругу, начертанному на каменной неровной плите. — Свою монету ты получишь еще до рассвета. — Требовательный вопрос, облаченный в напряженное молчание, заставил ее продолжить: — Неосознанно, но неизбежно любой бог привязывается к какой-нибудь материальной вещи, которая с тех пор становится его олицетворением. Сами того не зная, он или она наполняют вещь смыслом, душой и в итоге сковывают себя с этим предметом... мы называем его идолом. Если идол попадет в руки знающего, что с ним делать, то божество или демон будет обречен служить ему. Так вот, дабы не наступить на те же грабли во второй раз, советую тебе держать ее все время при себе и никому о ней не рассказывать.

— Когда я соберусь прислушиваться к советам людей, я дам тебе об этом знать в первую очередь. — Отозвался раздраженно мужской голос. — Как ты и сказала, я всегда носил ее при себе. Даже я сам не знал о том, что долбаная монета — моя слабость. И какой в этом толк, если я все еще стою здесь?

— Это ненадолго. Просто, если бы вещица попала в руки другому человеку, он попросил бы у тебя гораздо больше за твою свободу...

— Гораздо больше? Больше, чем что? Ты еще не назвала цену!

Соскоблив с камня слой запекшейся крови, тем самым разрушив защиту, Айрис проговорила:

— Все что от тебя требуется — посетить со мной один пир. И претвориться на нем... — Девушка неловко замолчала на последнем слове. Выпрямившись, она повернулась к Бресу спиной. — В общем-то, моим...

— Боги-боги, да что с тобой не так? — Протянул Брес, оглядывая фигуру, замотанную в тяжелую, грубую ткань. — Ты всего две минуты назад смотрела на мою монету так, словно хотела с ней переспать, а сейчас боишься произнести «любовником»?

Поморщившись, Айрис едва удержалась от резких слов, а что еще сложнее — от прямого взгляда на наглеца.

— Рада, что ты такой понятливый. Не придется дважды объяснять. Исправно сыграешь эту роль, и уже сегодня отправишься восвояси.

— Глупая женщина. Ты проделала столько работы и довела себя до заикания, просто чтобы похвастаться перед своими подругами мужчиной, который уже завтра о тебе забудет? Которого ты еще даже в глаза не видела?

Ладно, она изначально знала, что идет на войну. С самой собой. Этот восхитительный тон умолял только об одном — повернуться и насладиться видом, который некогда поставил на колени даже могущественную Инанну. Сколько удовольствия сулил этот голос, сколько блаженства. Бери, говорил он, подтверди, что я «твой».

— Бойтесь... бойтесь данайцев, дары приносящих. — Бросила Айрис через плечо, после чего быстро двинулась вниз с холма, в сторону города. — Идем, но... сохраняй дистанцию.

Все еще озадаченный той легкостью, с которой нищенке удается им манипулировать, Брес замешкался, прежде чем сдвинуться с места. Очевидно, все сказанное ей было правдой. Это касается и монеты и того, что она отпустит его на все четыре стороны после пира, который им предстоит сейчас посетить. В любом случае, совет касательно его идола, он уже принял к сведению. Брес поклялся, что как только монета вновь окажется в его руках, он сделает все, чтобы защитить вещицу от чужих взглядов.

Посмотрев в спину человеку, идущему впереди, Эохайд недобро усмехнулся. Все-таки он ошибся, женщина была невероятной дурой. Из всего обилия благ, которыми он мог бы откупиться, она попросила прикинуться ее любовником. Неужели она так жалка и уродлива, что даже за деньги с ней никто не захотел идти на этот пир? Из-за безнадежности пришлось прибегать к таким ухищрениям?

И все же она обвела его вокруг пальца, это ж надо...

Но, так уж и быть, он милостиво наградит ее порядочность тем, что не свернет нахалке шею сразу после того, как получит свое добро назад.

Так рассуждал сам с собой Брес, не предавая значения тому, что чувствует себя в этот самый миг полностью излечившимся. В отличие от Айрис, тело которой сжала болезнь. Фигурально. Ее трясло от холода и волнения. Спину прожигал чужой взгляд, усиливая лихорадку. Все еще боясь своего скорого будущего и в то же время желая положить конец противоречиям, она то сбавляла, то ускоряла шаг.

А еще эта невозможность обернуться. Знание, что хватит всего одного взгляда, чтобы позабыть даже собственное имя. И Айрис боролась... не с любопытством, на самом деле. Куда труднее было сопротивляться гордости, которая уверяла на все лады, что она-то в эту сеть не попадется. Кого она только не видела за свою короткую, но насыщенную жизнь! И красавцев, от которых дух захватывало, и таких же уродов...

И все же Айрис упрямо смотрела под ноги, отсчитывая шаги, концентрируясь на мелькании сандалий в поле зрения. Когда она ступила на улицы города, то отметила удивительное затишье, которое его сковало. Весь свободный люд, который предпочел бодрствование сну, теперь гулял на свадебном пиру. А тот должен был начаться в доме отца невесты, а закончиться в доме мужа. Куда Сет внесет Таю на руках, показывая таким образом особое положение жены в его доме, в его судьбе.

Кусая губы от досады на саму себя, Айрис брела короткой дорогой, извивавшейся тонкой зловонной змеей между жилищами граждан полиса. И, казалось, в тревоге она позабыла о спутнике, который следовал за ней молча и незаметно. Созерцая, наблюдая, всматриваясь...

— Госпожа! — Тихое восклицание заставило Айрис отшатнуться назад. Дорогу ей перегородила рабыня, которая теперь упала на колени. — Благослови.

В отличие от свободных граждан, рабы, если не любили, то проявляли некую солидарность по отношению к ней. Айрис раздавала им хлеб и овощи, полученные Мортой от клиентов, а невольники называли ее «к????» и при встрече падали в ноги, прося благословения. Конечно, если только по близости не было жрецов.

Прочитав священные слова, Айрис коснулась головы женщины, давая понять, что в этой смиренной позе больше нет никакого смысла. Что она может встать и пропустить ее.

Рабыня лишь приподняла голову, впиваясь глазами в темноту, дышащую за спиной Айрис.

— Благословлена ты богами, госпожа, если за тобой следует сам Дионис.

Она уже было обернулась, но ее отрезвил циничный смешок Бреса:

— Дионис? И рядом не валялся.

— Видишь его? — На самом деле это следовало читать как: «можешь ли ты отвечать на вопросы при этом?».

— Вижу, как тебя. — Женщина умиленно сложила руки на груди.

— Ладно... Опиши его.

Что тут скажешь? нужно было знать хотя бы общие черты того, кого она собирается всем представить как своего мужчину.

— Не скупись на слова, дорогая. — Промурлыкал так неприкрыто вызывающе Брес, что у несчастной женщины сбилось дыхание.

— Адонис — копия, намалеванная калеккой, по сравнению с вашим спутником, госпожа. Ласковый свет луны и звезд, жаркое сияние солнца...

— Хорошо-хорошо. — Торопливо оборвала дифирамбы Айрис. — Опиши мне его внешность.

Будь ситуация не так безумна, даже рабыня отказалась бы подчиняться такой нелепой просьбе. Но эта женщина, кажется, была благодарна предоставленной возможности любоваться им, описывать...

— Поэт не справился бы с этой задачей, что говорить о косноязычной рабыне, недостойной взирать на него. — Айрис молча стерпела и это. — Он высок, статен и строен. Молод, словно встречает лишь двадцать пятую весну. Его волосы темные и длинные, не в пример нашим мужчинам. А глаза даже в такой темноте сияют лазурью ласкового моря. И все в нем так мило женскому сердцу, что кажется... кажется, и неволя счастьем называлась бы рядом с ним...

— О, вот оно как... — Вздохнула тяжело девушка, покивав сама себе.

— Помни, что в любой момент можешь подтвердить ее слова. — Любезно подсказал Эохайд, чей голос звучал все так же непристойно, но теперь эффект добавляло отсутствие всякого расстояния. Мужчина стоял прямо за спиной.

— Идем. — Бросила глухо Айрис, обходя рабыню, которая провожала их остекленевшими

глазами человека, достигшего катарсиса.

До шумного дома состоятельной, родовитой семьи невесты оставалось всего несколько метров, звуки музыки и веселья уже касались Айрис, и все равно ей казалось, что от момента истины ее отделяет непреодолимая, пугающая пропасть. И с каждым новым шагом эта пропасть лишь растет.

* * *

Ее очевидное волнение веселит.

Поглядывая на вышагивающую впереди него женщину, Брес уже открыто позволял себе улыбаться. Так дрожит от предвкушения и трепета, ожидая и не в силах дожидаться момента, когда сможет представить его своим недалеким подругам. Какая тщеславная...

Перед воротами, за которыми уже несколько часов подряд пили, ели, делали возлияния богам, оглашали похвальные гимны молодоженам и небожителям, Айрис неловко остановилась. Скинула сначала капюшон, достала из-под полы дорожной одежды запечатанный кувшин с вином, после чего сняла рубище, оставаясь в белоснежном, тонком хитоне.

Поправив цветы в волосах и браслеты на запястьях, она, что-то решив для себя, вошла. Вошла, но не как подобает победителю, готовому сразить собравшихся беспечных гуляк одним лишь видом плененного бога. Женщина, на деле оказавшаяся молодой девушкой с печатью извечной тоски на по-благородному бледном лице, вступила на территорию праздника как рабыня.

И Брес шагнул за ней, отстранено понимая, что внимание смертных больше не досаждают ему. Потому что в этом самом внимании он только что им уподобился, назойливо разглядывая ее, желая тем самым вызвать ответное любопытство. Тщетно.

— Фалернское. Для стола. — Улыбнулась скупой Айрис, протягивая подоспевшему привратнику принесенный в дар кувшин вина.

— Проходи и раздели радость с хозяевами дома, госпожа. — Поклонился ей тот, не преминув оглядеть следующего за ней незнакомца. — Этот господин...

— Он со мной. — Отмахнулась девушка, словно необходимость подтвердить их связь даже на словах, угнетала ее.

Крытый проход — пастада — вел в андрон, комнату для приема гостей, в которой расположились достойные граждане и их жены, наслаждающиеся теперь вином, разговорами и музыкой. Не останавливаясь ни на мгновение, Айрис отыскала взглядом невесту, которая как и полагалось сидела отдельно от жениха, в окружении своих подруг. Достойные мужи находились в стороне, возлежа на ложах, ели и вели неторопливую беседу, достойную философов.

Но стоило Айрис войти в гостиную, как разговоры стремительно стихли, а вскоре умолкли и звуки арфы. И Брес с удивлением понял, что онеметь этот праздник заставил не он. Не его божественное явление, а именно эта высокая, худая девушка с лицом, не умеющим улыбаться и глазами, его не признающими.

И то, как гости смотрели на Айрис, говорило о том, что она либо невероятно важная и желанная персона, либо же эти господа предпочли бы обнаружить в своих постелях змею, чем ее — на свадебном пиршестве.

Оглядев собрание, Брес убедился — безусловно, второе.

Занятно.

Когда внимание потревоженных гостей приклеилось к Эохайду и закрепилось там надежно и, кажется, навсегда, Айрис вышла вперед, стараясь держать спину прямо и голову гордо. Что удавалось с трудом. Сосредоточенно и внимательно Брес всматривался в нее, ожидая слов, действий, которые объяснили бы ему происходящее. Так же сосредоточенно и внимательно Айрис всматривалась в окаменевшую Таю.

Безусловно, невеста была предупреждена заранее своей матерью о такой досадной возможности — визит приживалки, а по совместительству, ее заклятого врага. И до последнего Тая надеялась, что Айрис хватит ума не приходить сюда, не выставляя себя на посмешище в очередной раз. Пожалеть хотя бы себя, если жалости к ним у нее не осталось.

Но нет, своим возмутительно дерзким появлением, она заставила их всё вспомнить и скривиться. Праздник был безвозвратно испорчен.

— Я была звана сюда твоей матерью, Тая. — Отозвалась Айрис, почтительно склоняя голову перед Агатой, стоявшей рядом с дочерью. Потом она выразила почтение отцу невесты. — Примите мои поздравления и пожелания безграничного счастья. Хотя в этом, как я вижу, уже нет нужды.

И ответила ей звенящая тишина, которую нежеланная гостья напрасно сочла за протест, возмущение и негласное указание на выход. Отдышавшись и приведя мысли в порядок, она в итоге осознала, что причиной молчания были не ее слова. А стоявший за ее спиной наследник жестокой крови фоморов.

Что ж, сегодняшним вечером этот дом благополучно перенес два серьезных удара. Хотя... насчет второго она сомневается, все-таки гробовое беззвучие едва ли было хорошим знаком.

Первым очнулся отец Таи, широким жестом приглашая гостей к столу.

— Приятно видеть тебя, Айрис, и твоего...

— Кто это?

Вот оно. Этот голос. Этот взгляд. Момент истины.

Повернув голову в сторону Сета, Айрис готова была признать, что время сделало его еще более красивым. Теперь он не был похож на молодого, наивного эфеба, некогда тайком добивавшегося свиданий с ней. Теперь перед ней стоял мужчина. Рослый, крепкий, женатый. Возмущенный не ее появлением, а появлением в паре с другим.

И глядя теперь в эти глаза, Айрис знала, что если она захочет осуществить месть прямо здесь и сейчас, ей достаточно просто улыбнуться. Всего лишь показать, что она не разучилась исполнять это мимическое движение, что оно, кроме того, подкреплено еще и эмоционально. Она жива, снова любит и любима. Наперекор всем и всему.

Но, будь все проклято, она не могла. Попав в плен этих знакомых, некогда любимых глаз, Айрис вновь ощутила себя зажатой, загнанной и окруженной со всех сторон. В ушах зазвучало эхо уже казалось забытого хохота... Страх сковал горло, не давая вымолвить ни слова. Милосердное небо, зачем она пришла сюда?!

Следя за ее мучениями, Брес мысленно обреченно вздохнул. И это та самая женщина, которая какой-то час назад обдурила его и притащила сюда против его же воли? Ему хотелось бы поверить в то, что ее подменили и эта онемевшая, перепуганная и готовая зарыдать девчонка — не тот расчетливый и упрямый человек, не так давно диктовавший ему свои условия.

Но уговор есть уговор, Брес согласился на роль ее мужчины, так почему бы, собственно, уже не начать представление?

— Я ее жених. — Проговорил медленно и отчетливо незнакомец, подходя к девушке вплотную и обвивая ее талию одной рукой. Айрис почти не сопротивлялась, скорее всего, просто не могла, когда он настойчиво притянул ее тело к себе. — Ну же, любимая, что ты так растерялась? Представь меня этим почтенным господам.

Словно ведро холодной воды взбудрило Айрис это фривольное прикосновение. Отрезвило и удержало от падения. Потому, рассматривая сейчас ошарашенные лица, которые уже готовы были превратиться в откровенные рабелепные, Айрис не торопилась отходить от Бреса.

— Ах да... — Ее голос звучал сипло и все еще волнительно, но она постаралась взять себя в руки: — Просто... мы же с тобой как будто сто лет знакомы, вот мне и кажется, что тебя знают все. Эохайд.

Брес порочно улыбнулся, разглядывая сгрудившихся людей, которые поспешили подойти ближе. И против обыкновения их пристальное внимание нравилось ему.

Ох, он уже понял, какую игру затеяла эта маленькая глупая женщина, по уши влюбленная в того замершего с кубком в руках недоумка. О, люди-люди, как вы примитивны и в то же время непонятны. Вместо того чтобы попросить собственный остров с рабами, поклонниками, сокровищницами, с тысячью таких же вот Сетов, Айрис потребовала стать Бреса соучастником ее маленькой женской мести.

Эта непостижимая женская месть! Ни нож, ни яд, ни злые слухи, которые порой ранят сильнее оружия, не добились бы того, чего получила она, просто приведя на эту свадьбу другого мужчину. Не просто мужчину, а лучшего среди смертных и бессмертных.

Сладчайший момент, пусть же Айрис насладится им. Вот она стоит перед своим бывшим возлюбленным, который некогда безболезненно отрекся от нее, молодая, гордая, красивая, в объятьях мужчины, с которым несчастному Сету было стыдно просто находиться в одной комнате. И Брес надеется, ему отлично видно от чего он некогда отказался.

Еще, конечно, он должен увидеть лицо невесты, то есть соперницы, которая так опрометчиво решила, что лучше этого сопляка — Сета — мужчин нет на свете. Ну так пусть взглянет, сравнит и признает, что ее муж не годится быть даже рабом того, кто называет Айрис своей невестой.

— Жених? — Эхом повторила Тая, осматривая незваного гостя медленно с ног до головы.

Изумление, досаду и возмущение невесты такой несправедливостью разделили все ее подруги, даже ее мать. Айрис же, наблюдая за ними теперь, вспоминала ту рабыню, встреченную по пути на свадебный пир. Невольница была многим суевернее и глупее этих образованных аристократок, и все же теперь разницы в выражении их лиц не было никакой. Похоть не разбиралась в социальных статусах, она разила одинаково метко и беспощадно как раба, так и господина. И вот теперь эти достойные женщины уподобились рабыням, пожирая глазами того, кто стоит за ее спиной. И выглядели они при этом столь беспомощно и отчаянно, что

Айрис возблагодарила небеса за ту силу духа, которая до сих пор не позволила ей обернуться.

— Ты удивлена? — Айрис не собиралась заверять ее в своей лжи. Казалось, ее обман раскрыт. То, что присутствующие увидели в глазах «лазурных, как ласковое море», несомненно, явило им правду. Эти глаза говорили: «мне нет до нее никакого дела».

Ожидая худшего, Айрис внутренне сжалась.

— Я удивлен! — Раздался извечно пьяный (по крайней мере в трезвом варианте Айрис еще его не слышала) голос Хели, который вышел вперед, беспородно расталкивая гостей. — Ты все-таки явилась сюда, Айрис. А смелости тебе не занимать, начинает казаться, что у тебя есть то, чем обделен мой брат. — Хели заулыбался, как умалишенный, после чего протяжно заявил: — Яйца!

Славно, его шутку не оценили. Но гробовое молчание молодого мужчину не смутило, потому он развязно продолжил, присвистнув:

— А как нарядилась! Начинаешь понимать, почему Сет бегал к тебе тайком...

— Хели! — Прошипела раскрасневшаяся Тая, но мужчина ее проигнорировал.

— И все же Сет — одно, а этот Нарцисс — совсем другое. Где вы познакомились, а? Сколько ты ему заплатила?

Айрис испуганно замерла, не зная, как отреагирует Брес на заявление о том, что его купили как шлюху. Но его ответ был совершенно противоположным гневу: Эохайд рассмеялся.

— Твои слова много о тебе говорят, человек. Но не стоит всех мерить по себе: если женщины подпускают тебя только за деньги, это еще не значит, что все должны платить за любовь. — В яблочко. Судя по тому, как побагровел Хели, Брес ударил по больному. — А что касается того, как мы с ней познакомились... как сейчас помню этот чудесный, солнечный день. Я прибыл сюда из-за моря и как только сошел с опостылевшей и тесной палубы, стал искать покоя и простора. Внимание за время моего путешествия так мне опостылело (ну, ты понимаешь, о чем я), что я спешил удалиться от людей. Я шел по песчаному берегу, наслаждаясь ясной погодой и тишиной. И неожиданно, обходя прибрежные скалы, увидел купающуюся девушку. Боги, что это было за мгновение! — Брес наклонился, его руки обвили спутницу в собственническом жесте. Голос стал ниже и тише: — Окажись поблизости Венера и ее бы, уверяю, не заметили. Ты даже представить себе не можешь, насколько прекрасно это тело. Я повидал много женщин, но то что творит со мной она... Это не за какие деньги не купишь.

Айрис знала, что этот смущающий спектакль на деле был его мстью, но все что она могла делать — молча сгорать со стыда. И когда мужские руки скользнули по изгибам ее талии, пришлось сцепить зубы и приказать своему телу окаменеть. Но какой там...

— Да-а. — Протянула Айрис, когда вернула себе дар речи. — Ты выглядел в тот раз, как невинный девственник. И когда подсматривал, зазевался и так неудачно упал, что распугал всех чаек.

— Но не тебя, ведь так? Мое внимание тебе очень даже польстило.

— Еще бы! Особенно, когда ты встал на колени, умоляя сделать своим рабом...

— Ладно. Думаю, это уже лишнее. Гостям такие подробности безынтересны. — Прошипел

Брес, едва сохраняя свою натянутую улыбку. Он поклялся себе не убивать эту девицу и только теперь понял всю мудрость присказки «не зарекайся».

Хели слушал их раскрыв рот и смешно наморщив лоб, служа как бы отражением всех остальных лиц. Среди хрупкой тишины раздавались шепотки, разочарованные вздохи и звучные глотки поглощаемого вина — кто-то решил от досады напиться до беспамятства.

Айрис кинула мимолетный взгляд на Сета, убеждаясь: ее месть удалась. Услышав отповедь Бреса, Сет, в отличие от своего брата, поверил каждому его слову. И теперь зависть, досада и сожаление раздирали его бессмысленными «а ведь если бы я...».

Так вот в чем был ее главный недостаток, усмехнулась мысленно Айрис, ей просто не повезло оказаться четыре года назад ничей. Ведь, как выяснилось, Сета с особой силой тянули к себе именно чужие вещи.

— Да вы меня за идиота что ли держите!? — Вскипятился Хели, швыряя кубок на пол. — Да я скорее поверю в то, что земля круглая, чем в то, ты в нее втрескался! Не нужно при мне петь гимны ее красоте, я знаю ее с тех пор как она со своей старухой сюда притащилась, а это уже... шесть лет! И до этого я не замечал за ней ничего особенного... если так подумать, то даже денег, которыми бы она могла расплатиться с тобой за такую сложную работенку. Ведь чтобы ее трахнуть, необходимо сначала глаза закрыть!

Хозяин дома, как и отец жениха, после такой гневной отповеди потеряли всякое терпение.

— Уведите его!

— Гости, простите моего сына, и отнеситесь к его страсти к вину с пониманием. Молодость не знает меры...

— А может дело в том, что ты не в силах лечь с женщиной в принципе? — Усмехнулся Брес, неприкрыто наслаждаясь гневом Хели. — Ведь в таком случае даже боги тебе не помогут, что говорить о деньгах.

К брату Сета подошли два мавра, беря его под руки, но тот продолжал упираться и кричать что-то неразборчиво, но убежденно.

— Эй, импотент. — Окликнул его Эохайд и, когда нетрезвый взгляд впился в его лицо, прижал онемевшую от стыда Айрис сильнее к своей груди. — Гляди и завидуй.

С этими словами, Брес обхватил подбородок женщины рукой, повернул ее голову вбок, наклонился и накрыл дрожащие губы своими.

Она замерла. На несколько долгих секунд ее тело покинуло всякое движение: сердцебиение, дыхание, дрожь разом стихли. И потому Брес, не практикующий некрофилию, отклонился, заглядывая в глаза обмершей девушки. Она же не могла отключиться от одного лишь поцелуя...

Нет. Айрис не потеряла сознание. Живая, она все же в роковую секунду его страстного прикосновения поняла, что в мире на одного сумасшедшего стало больше.

В голове проносились проклятья. Ей, правда, не стоило затевать эту глупую месть, которая бумерангом к ней же и вернулась. Она посмотрела на него, и теперь, кроме прочего, размышляла о том, что Персею с Медузой Горгоной было в разы проще. Тут не помог бы

зеркальный щит.

Его взгляд поймал ее, лишая свободы, лишая даже просто желания быть свободной. О, ему не стоило ждать ее смерти, серьезно... она была готова отдать свою душу в его руки прямо сейчас. Все это видел Брес в блестящих, больших, напуганных и очень темных глазах. В этих глазах он увидел себя. И это отражение ему понравилось... кажется, он нашел себе достойное «зеркало».

Когда Брес повторно наклонился к ее лицу, Айрис не сопротивлялась, и теперь уже совершенно осознано. В голову пришла безумная мысль, что его губы, такие решительные и настойчивые, в отличие от слов не лгали.

Понятия «реальность», «свидетели», «стыд» отошли на десятый план и стояли сразу после восторженного «о-всемилющее-небо-этот-мужчина-целуется-как-бог». Даже эта неудобная поза, кажется, была намеренной деталью поцелуя. Никакого движения с ее стороны, покоренная и ослабевшая женщина имела право лишь смиренно принимать его поцелуи, соглашаться с его властью.

И когда Айрис одурманено подалась вперед, Брес допустил преступную мысль, в которой недвусмысленно фигурировали тот стол, стоявший слева от него, и эта женщина, посмевавшая игнорировать его до сего момента. Однако этому желанию, будь все проклято, не дано было осуществиться.

— Значит, вот как ты занят, Эохайд Брес.

3 глава

Гадая ранее над тем, какой именно страх близок его сердцу, Брес приходил к выводу, что в отличие от людей и прочих богов, абсолютно бесстрашен. Ни одна по-настоящему пугающая перспектива, доводящая иных бессмертных до истерики, не страшила его.

Утрата свободы? Брес и сейчас не считал себя свободным в полном смысле этого слова. Он был слишком зависим от прихотей своей могущественной любовницы. Да и вообще, свобода представлялась ему муками праздности, которые как раз заставили его уйти в затвор, но никак не благом.

Кромешное одиночество? Опять же, нет. Брес считал самого себя своим лучшим другом и собеседником. Исчезнет публика? Ну так что ж, он был выше изменчивой толпы. Хотя в глубине души мужчина понимал, что природа, превзойдя саму себя в сотворении этого прекрасного тела, избавила его от такой участи. Уж что-что, а одиночество не грозит ему.

Боль? Смерть? Он знал об этих понятиях понаслышке. Богам чужды изъяны людей, а смертность и слабость тела — первые в списке человеческих недостатков.

Но сегодня ему пришлось разувериться в собственном бесстрашии, потому что Брес неожиданно понял: всю свою жизнь он боялся услышать эти самые слова произнесенные таким голосом и тоном. Потому что они сулили что-то пострашнее мук одиночества, боли, смерти.

— Ина! — Воскликнул растерянно Брес, поспешно отшатываясь от девушки, которая какую-то секунду назад была единственным, что он хотел.

Эохайд слышал, как Айрис пытается отдышаться и прийти в себя. Ей удалось это сделать в рекордно сжатые сроки. Всего несколько мгновений, и она поняла, что явлению, жестоко оторвавшему их друг от друга, люди дали название Инанна. Появление богини осталось

незаметным для гостей пира — время застыло в просторном андроне, а может и во всем мире, как только сама жестокая величественность, облаченная в женское тело, ступила на территорию смертных.

Инанна выглядела божественно. Ее взгляд цвета грозового неба вместил в себя всю сокрушительную силу неукротимых стихий, тем самым делая незаметным отсутствие женственной привлекательности. Пусть и не желая это признавать, Айрис мысленно понимала, что стоит убрать обилие драгоценных камней и тканей, сияние которых образовывало вокруг богини ауру роскоши и важности, стереть нимб силы и власти, и останется только смуглая, сравнительно немолодая и не слишком симпатичная женщина. К тому же сейчас взбешенная сверх меры.

— Не ожидал... увидеть тебя здесь. — Уже тише проговорил Брес, откровенно ненавидя сложившуюся ситуацию.

— Вижу. Твои ожидания были направлены совсем в иную сторону. — С этими словами Инанна обратила свой прожигающий до костей взгляд на Айрис. — Дай-ка взглянуть, на кого ты меня променял в этот раз.

— Это не то...

— О чем я подумала?

— Читаешь мои мысли! — Заметил заискивающе Брес, после чего кинул взгляд на Айрис. Ладно, из двух зол, как говорится. Пусть не обессудит, но девчонка просто не знает, на что способна Инанна в порыве гнева. — Да ты взгляни на нее! Неужели она сравнится...

— С кем? С Венерой?

Проклятье, она и это слышала.

— Ина, я знаком с этой женщиной всего несколько часов.

— Это многое о тебе говорит. Несколько часов, а ты уже полез ей под юбку!

— Дай мне сказать!

— Что именно? Что это был твой сто первый «последний раз»? Хотя, вероятно, требовать от тебя верности — безумие. Не для этого ты создан.

— Нет, я...

— Я прощала тебе богинь и нимф, но людей? Человеческих женщин?

— Да не собирался я с ней трахаться! — Рывкнул Брес. — Это договор, ясно? Я заключил с ней сделку! Ты же знаешь, что мне запрещено появляться здесь без причины! Я спускаюсь на землю лишь с одной целью, этот раз — не исключение!

Тяжело дыша, Эохайд следил за тем, как лицо его любовницы меняет свое выражение. Его слова заставили ее усомниться в своей правоте (то бишь в его измене), что можно было бы счесть своей несомненной победой. Но он знал подозрительную Инанну слишком хорошо, потому не смог вздохнуть свободно, даже когда между ними улеглось молчание.

— Она потребовала, чтобы я изобразил ее любовника на этом пиру! — Продолжил утверждать

ее в своей правоте Брес. — Хочешь узнать историю целиком? Ладно. Этот пир — свадьба вон тех двух. А эта девица до сих пор сохнет по жениху, который некогда ее выкинул. Она решила отомстить ему таким вот образом и потому притащила меня сюда в качестве своего мужчины.

Он просто озвучил правду! И как бы Бресу ни жаль было эту девчонку, над которой Фортуна уже не раз успела подшутить, себя ему было жаль многим больше. Рациональным, по его мнению, было считать, что благополучие прекрасного бога и жизнь жалкого человека находятся в разных ценовых категориях. Потому теперь он всем своим видом и словами уверял Инанну в том, что он — невинная жертва козней этой коварной человеческой женщины.

И когда осуждающий, испуганный взгляд черных глаз коснулся его, Брес раздраженно от него отмахнулся. Она поступила бы на его месте точно так же.

— Серьезно? — Богиня вздернула подбородок, колеблясь на грани между прощением и карой.

— Зачем мне обманывать тебя, Ина? — Видя ее нерешительность, Брес пустил в ход очарование. Он приблизился к своей любовнице на шаг, понизил голос, посмотрел так, словно уже видел, как обнимает ее, раздевает... — Ты же знаешь, как мне дорога твоя любовь, ты сама... ведь нам так хорошо вместе.

Айрис зажмурилась и стиснула зубы так сильно, что в ушах начал нарастать спасительный звон. Только не слышать этого голоса, который не так давно с той же нежностью и убежденностью заверял гостей в обратном. Нет, она не сошла с ума настолько, чтобы поверить в миф, который сама же придумала, пусть даже ложь звучала весьма убедительно из уст Бреса.

Однако эта ситуация... Она не столько оскорбила Айрис, сколько напугала. Потому что была поразительно схожа с той, четырехлетней давности. Трогательные заверения в любви, ласковые поцелуи и в следующую секунду — хлесткая пощечина отречения. Какая ошибка с ее стороны думать, что второй раз на те же грабли ей не наступить.

— Ты же знаешь, я не лгу тебе. — Прошептал горячо Брес, удерживая взгляд богини своим. — Давай вернемся домой? И продолжим разговор. Наедине.

Победа. Триумф. Да, Ина сдалась, теперь уже наверняка и полностью. А что касается монеты... Брес вернется за ней завтра.

— Что ж... — Вздохнула судорожно Инанна, не скрывая своего предвкушения. И прежде чем с чистой совестью отдаться удовольствию, она кинула на соперницу добивающий взгляд. Этот взгляд и погубил Бреса. — Ну-ка... смертная, покажи мне свою правую ладонь.

Мужчина мысленно выругался и обернулся через плечо, следя за тем, как Айрис покорно поднимает дрожащую руку вверх.

Тут же глаза Инанны с новой силой загорелись гневом и нашли любовника.

— Значит, сделка? И как ты объяснишь отсутствие клейма на ее ладони?!

В том-то и беда, что он не мог объяснить! Об его слабости — проклятом идоле — никто не должен знать, тем более кто-то настолько непредсказуемый, коварный и слепо желающий получить над ним безграничную власть.

— Я уже сказал, милая, это просто сделка...

— Это правда. — Брес сам от себя не ожидал такой реакции, но он вздрогнул, когда прозвучал этот тихий, надтреснутый, невероятно утомленный голос. — Если позволите, я произнесу свое слово.

О, нет, только, мать его, не это. Предчувствуя собственное разоблачение, Брес напрягся и уставился на Айрис немигающим взглядом: «молчи, чтоб тебя!»

— Почему бы и нет? — Бросила ядовито Ина. — Говори.

— Он не солгал вам. Это действительно сделка. Просто на других условиях.

— На каких же?

Момент истины настал. Прощай свобода, которой он не предавал значения.

— Я не могу разглашать детали контракта, это только между его участниками.

— А я, соплячка, могу порешить тебя прямо здесь и сейчас, наплевав на контракт и его детали! — Угроза прозвучала громогласно и в полной мере устрашающе.

Но, казалось, совершенно девушку не задела.

— В вашей власти, — Ответила Айрис все так же едва слышно и спокойно, — делать со мной, что хотите. Правда от этого не изменится. Ваш фаворит не виноват перед вами.

Инанна глянула на нее свысока и расправила плечи, словно кошка, которая распушила шерсть, желая казаться еще более величаво и внушительно. Богиня сомневалась (снова), а Айрис молчала. Потому Брес взял ситуацию в свои руки.

— Слышишь? Ты можешь верить мне, Ина. Я желаю только тебя, а до нее мне нет никакого дела! — Женщина перевела свой пронизывающий взгляд на его лицо. И то, что выдал Брес в следующий момент, казалось, спасет его, а на самом деле сгубило: — Ну, хочешь, убей ее.

Ему думалось, смерть — лучший выход. Мертвые не говорят, потому его тайна будет надежно сохранена этой женщиной. Второй плюс: Инанна, уничтожив свою «соперницу», выместит свой гнев на ней, а не на нем. В-третьих, смотря в данный момент на Айрис, создавалось впечатление, что смерть для нее — милость. Так что пусть поблагодарит его за снисхождение.

— Убить? — Хохотнула Ина, и Айрис, словно тоже углядела в его словах шутку, покривила губы в ухмылке.

— Как еще мне доказать тебе, что мои слова — чистая правда?

— Убить?! — Повторила нараспев Ина, начиная откровенно смеяться. Но не весело, а зло, оскорбительно. — Что ж, теперь я уже не сомневаюсь...

— Отлично.

— Я не сомневаюсь в том, что ты полностью заслуживаешь то, с чем я явилась сюда изначально! — Развела она его надежды решительно. — Я все ждала, когда ты изменишься, Брес, когда ты повзрослеешь. Когда станешь мужчиной в полном смысле этого слова. Твои постоянные измены и все новые и новые прихоти терпеть было нелегко, но сносно. Но я не стану и другим не позволю терпеть в тебе малодушие, подлость и непомерную низкую гордыню.

— Не станешь... не позволишь... как это понимать? — Пробормотал недоуменно Брес, еще не веря в то, что в данную минуту решается его судьба. Крики Инанны обычно означали его скорое прощение.

— А понимать это следует так! Ты с этой самой секунды изгнан с небес. Тебе и это нужно объяснять? Я проклинаю все низкое, бесчестное и гадкое в тебе. А ты этим переполнен сверх меры, потому можешь считать, что я проклинаю тебя. Хочешь знать, зачем я так поступаю? Нет, причина не в твоей измене. Ее не было, я верю. Но верю не тебе, а этой женщине, которая непонятно зачем защищает тебя. Ценой своей скоротечной, нищенской, убогой жизни. То есть самого дорогого, что есть у человека! И почему, объясни мне, почему же злодейка, заставившая тебя пойти против твоего желания и совести, кажется мне благороднее, смелее и честнее, чем ты, бог? Думаешь, ты достоин носить это слово, этот венец? Думаешь, люди должны тебе поклоняться? Да самая жалкая из этих людей лучше тебя, Брес. Лучше! — Обличающе кричала Ина, тыкая пальцем в Айрис.

— Брось, ты же так не думаешь на самом...

— Все, что я слышу от тебя — сплошные оправдания! Тебе стоит многому научиться. Признавать свою вину, к примеру.

— Моей вины нет в том, что...

— И остальные со мной, несомненно, согласятся. С этих самых пор ты изгнанник, Эохайд Брес. И ты не сможешь вернуться до тех пор, пока не искоренишь свои гнусные пороки. Давно пора было заняться твоим воспитанием...

— Ладно-ладно, не горячись, Ина, я же знаю, ты не серьезно. — Поспешно проговорил Брес, решая для своего же блага, наступить на гордость: — Я уже все осознал и раскаялся.

— Мое слово твердо. Ты не вернешься в круг своей божественной семьи до тех пор пока... — Она задумалась, восстанавливая дыхание. — Раз ты так не ценишь человеческие самоотверженность и смелость, раз для тебя растоптать женщину — ничего не стоит, твоим проклятьем будет прибывать на земле до тех самых пор, пока ты не спасешь пятерых из них. Пять женских душ.

— Пять душ..? спасти..? Что?!

— Но это, конечно, еще не все. Ты! — На этот раз она обратилась к онемевшей Айрис. — Твоя храбрость достойна похвалы, однако не думай, что я прощаю тех, кто перешел мне дорогу. Я не милосердна, и люди знают это, потому и трепещут. Я не стану противиться своей сути из-за того, что чистота твоего сердца и отвага меня растрогали. Потому следующим пунктом проклятья будет твое непременное участие в нем. — С этими словами Инанна протянула к ней руку. И когда ее ладонь легла на щеку Айрис, девушка болезненно вздрогнула. — Ты станешь отличным напоминанием того греха, за который он расплачивается. Олицетворением совести, которой у него никогда не было. Ты будешь как эриния, безжалостно преследовать его весь срок наказания... Однако, я знаю, как тяготит человеческую душу земная жизнь. Потому, дабы твоя душа не превратилась раньше срока в тень, нить твоей жизни будет перерезаться на двадцать первом году. И так из раза в раз, пока пять женских душ не обретут покой в небесных чертогах вопреки приговору судьбы. — Инанна остро ухмыльнулась. — Кажется, ты тоже заинтересована в том, чтобы это закончилось как можно скорее.

Не было никаких страшных заклинаний, дыма и запаха серы. Просто в один миг, торжественно

озвучив свой приговор, Инанна исчезла, выглядя при этом вполне довольной собой.

Брес не видел в ее пересыщенных негодованием глазах сожаления или быть может тоски... хотя бы ее предчувствия! И он не верил, отказывался верить, что от него можно так просто отречься!

Потому он еще долго стоял посреди зала, слушая нарастающий гул голосов. И только спустя минуту понял, что обступивший его шум — не рев внутренних гнева и возмущения.

— Господин. — Коснулся кто-то его плеча. — Ваша невеста... кажется, вам стоит поспешить за ней...

Брес даже не посмотрел на говорившего, повернувшись в сторону Айрис. Но девушки уже не было рядом, потому, все еще растерянный, но желающий покарать виновницу, он рванул следом. Всеобщее недоумение провожало его многоголосым ропотом.

Нагнать несносную Эохайд сумел лишь у ворот, тут же бесцеремонно хватая ее за предплечье.

— А теперь можешь начинать моли...

Его дикое рычание перебила оглушающая пощечина. Ладно, такой аргумент трудно переспорить, особенно тому, кто на женщину руку ни разу не поднял.

— Да как ты...

Больно! Проклятье!

Резко выдохнув Брес, подвигал челюстью, пытаясь привыкнуть к ощущению, которое раньше казалось ему чем-то фантастическим. Боль? Нет, только не в его жизни. А о том, что боль когда-нибудь обожжет его лицо, он и вообразить себе не мог.

— Убирайся. — Прочедила холодно девушка, швыряя ему монету. Та отскочила от его груди, падая в грязь.

— Да ты ума лишилась?! — Прокричал ей в спину Брес. Прочедив сквозь зубы ругательство, он наклонился, чтобы поднять идола, после чего бросился за Айрис. — Тебе не мешало бы... — Он вновь дернул ее назад и на этот раз перехватил женскую руку прежде, чем та успела угостить его очередной оплеухой. — Не мешало бы упасть на колени и умолять меня пощадить твою жизнь!

— Упасть на колени? Да я буду последней, кто признает тебя достойным этого! — Ответила с жестокой насмешкой Айрис, вырывая свою руку. — Ты и раньше-то этого не заслуживал, а теперь, стоя на земле, а не на небесах... чем ты отличаешься от обычного подлеца?

— Тем, что я необычный!

— Катись в тартар, там тебя по заслугам оценят!

Она вновь стремительно пошла вперед. Брес вновь последовал за ней.

— Да вы обе не в себе! Делать меня козлом отпущения?! Ты сама притащила меня сюда! Я не напрашивался тебе в спутники! Если бы не твоя задетая гордыня и желание примитивной мести, ничего этого не произошло бы! И ты и я жили бы счастливо, не зная друг о друге! Обвинять во всем произошедшем ты можешь только лишь себя!

Айрис остановилась, резко оборачиваясь. Ее темные глаза сверкали.

— Ты понятия не имеешь, что я сейчас испытываю. Обвинять? То, что творится в моей душе не так называется! Я презираю себя за то, что доверилась тебе. Почему же при заключении договора ты не предупредил о том, что если дело дойдет до разборок с твоей любовницей, ты трусливо отступишься?

— Не называй меня трусом. — Проворчал недовольно Брес.

— Не понимаю, что она нашла в таком слабовольном, самовлюбленном подлизе?

— Кроме прочего, милосердие, которое сейчас не дает мне тебя убить.

— А чего ты ждешь? Давай! Ну? — Она вызывающе стукнула его кулаком в плечо. — Валяй! Начни свое искупление прямо здесь и сейчас! Ведь, поверь, убив меня и избавив тем самым от необходимости тебя видеть, ты сделаешь мне огромное одолжение.

Удары этой гребаной совести были слишком ощутимы!

— Успокойся, женщина! — Брес схватил ее за плечи, отстраняя от себя. — Ты не имеешь права прикасаться к этому телу так!

— А чего ты еще заслуживаешь, после того как предложил своей любовнице убить меня?

— Я продемонстрировал ей таким образом свою верность!

— А она не оценила. Какая жалость.

— Как еще я мог доказать, что мне нет до тебя никакого дела?

— Да тебе ни до кого нет дела! Ты что, так и не понял, за что тебя прокляли? Инанна прежде всего не богиня, а женщина. И смотреть на то, как ты с легкостью отрекаешься от другой, от той, которой минуту назад клялся в любви, было для нее сюрпризом не из приятных. Может и не осознано, но она провела параллель между собой и «самой жалкой из женщин», и вот ты здесь. — Тяжело дыша Айрис презрительно усмехнулась, окидывая его быстрым взглядом. Разочарованным, насмешливым, унижающим. — Добро пожаловать в мир смертных. Уверяю, тебе здесь не понравится.

— Не смотри на меня так. — Пробормотал Брес, отворачиваясь.

Ее глаза, наполненные страстью, нравились ему куда больше. То отражение его, всемогущего и прекрасного, не шло ни в какое сравнение с нынешним.

— Да мне никак не хочется. — Бросила Айрис. — Не ходи за мной.

Естественно, он пошел.

— Интересно ты рассуждаешь! Ты обязана вытащить меня отсюда, ясно тебе? Я не собираюсь страдать из-за того, что тебе приспичило впутать меня в свои разборки с тем недомерком! Проклятье! И зачем я пошел сюда?! Клянусь небом, я никогда больше не буду заключать договоры с женщинами.

4 глава

А пока Брес зарекался и сыпал оскорблениями, преследуя виновницу своего проклятья, сама виновница разила себя проклятьями посильнее тех, которые мог выдумать божественный разум.

Посылая Айрис на свадебный пир, Морта, очевидно, хотела закрепить в ее голове понимание того, что человек может и должен преодолеть все свои страхи. Что не стоит бежать от них, что их надо встречать лицом к лицу, бороться с ними, побеждать их отважно и хладнокровно.

Однако вместо того, чтобы стойко перенести унижения, Айрис решила смухлевать: пойти на этот пир, но не в гордом одиночестве, без сожаления обрекая себя на растерзание. Если уж этот визит был неизбежен, она должна была появиться на нем не как затравленная, несчастная жертва, а как женщина, у которой вся жизнь еще впереди. И, гляньте-ка, у нее за это время появился тот, кто готов сделать эту жизнь счастливой.

И, кто знает? возможно, увидев в глазах Сета сожаление и раскаяние, она и сама поверит в то, что на этом человеке свет клином не сошелся. В то, что жизнь не сломана окончательно. В то, что она еще может быть счастлива.

Полный. Провал.

На все ее надежды небеса ответили решительным «не дождешься». И в добавок ко всем житейским неурядицам приложили еще и проклятье в лице этого причитающего, как скорбная вдова, божка, главным качеством которого была пустая красота без вкуса, цвета и запаха.

И как бы ни сильна была их взаимная антипатия, Айрис не могла не согласиться с ним в одном: нужно было как можно скорее решить возникшую проблему. Никто из них не хотел оставаться в сложившейся ситуации дольше еще на один день. И тут, казалось, Айрис знала выход: Морта.

Направляясь сейчас домой, Айрис была абсолютно уверена в успехе, помня и почитая то, кем являлась наставница. Уж она-то найдет способ сорвать проклятье, которое обязывает Айрис умереть на двадцать первом году, а Бреса находиться на незнакомой и враждебной земле до скончания вечности. Ведь факт остается фактом — его ремеслом было губить женщин, а не спасать.

Итак, она уже предвкушала спасение и расставание с головной болью под именем Эохайд, но все же не торопилась говорить Бресу о своем плане. Айрис не хотела утешать его, веря, что он полностью заслужил свой страх.

Их путь был долгим и нервным. Брес, видимо, не привыкший преодолевать такие расстояния на своих двоих, под конец отстал, потому последние метры были преодолены в немой тишине.

Когда же мужчина зашел в жилище, намереваясь сказать о том, что он так просто ее не оставит, Айрис находилась в ойкосу. Остановившись на пороге, он отыскал взглядом в полумраке девушку. Та стояла на коленях перед постелью, на которой возлежало неподвижное тело.

Догадка пронзила Бреса, и он уже было хотел попятиться назад, подальше от смерти и тления, которых откровенно боялся ввиду своей природы. И все же любопытство или упрямство вынудило его приблизиться на пару шагов.

Он посмотрел на старуху, которая пустыми глазами смотрела в потолок. Словно предчувствуя свою кончину, она успела облачиться в ритуальное одеяние и украшения и теперь просто

ждала погребения. Немая, недвижимая, ужасающая.

— Она... еще даже не успела остыть. — Прошептала хрипло Айрис, проводя кончиками пальцев по седым волосам. — Она знала.

Кинув на нее быстрый взгляд, Брес еще раз сказал себе, что пора уносить ноги, потому что к духу смерти, нависшем над ними, вот-вот добавятся женские слезы. А их он просто не выносил. Однако все, что сделала девушка — легла рядом с покойницей и закрыла глаза.

— Выйди.

И он не посмел сказать ни слова против.

* * *

Дабы не оскорблять Аполлона, похороны осуществлялись в темное время суток. Потому Брес проснулся в саду до рассвета от ритмичных звуков работающей лопаты. Лениво поднимаясь с земли, держась за могучий ствол раскидистого платана, Эохайд оглядел место в котором оказался. И будь все проклято, но воспоминания не оставили ему ни мгновения блаженного замешательства; мужчина быстро вспомнил подробности вчерашнего вечера.

Неподалеку в сумраке рядом с уже отцветшим миртовым деревом, быстро, словно наказывая себя, готовила могилу для почившей старухи Айрис. На девушке уже не было той тонкой одежды и драгоценностей, которые украшали ее вчера. Ее платье было простым, а волосы — в беспорядке.

И когда Брес приблизился, не решая нарушить священное молчание, он отметил, что глаза ее воспалены и окружены болезненными тенями.

— Нет. — Произнесла она в итоге по привычке тихо, но решительно.

— Чего?

— Мне не нужна помощь.

— Как будто я готов был тебе ее предложить. — Бросил задето Брес. Он и в правду только что думал над тем, что справился бы с этой задачей куда лучше. Каменистая, сухая почва не поддавалась лопате, отчего руки девушки уже были в кровавых мозолях.

— Колодец во дворе за домом. — Добавила Айрис, тяжело дыша и по прежнему отказываясь на него смотреть.

Могло бы показаться, что она читает его мысли. Думая над тем, возможно ли это, Брес направился за дом, торопясь утолить жажду. Провозившись с журавлем с несколько минут, Эохайд вспомнил те беззаботные дни, когда все необходимое доставлялось в его покои по щелчку пальцев. Однако теперь, вода полученная собственными усилиями показалась ему намного слаще.

Размышляя, вспоминая, пытаясь найти выход, Брес простоял на заднем дворе, наверное, с час. Пока его не застало врасплох явление Авроры, которая на своей крылатой колеснице проскакала над спящим городом, пронзая ночную тьму первым, ярким лучом. Так вот как рассвет выглядит с земли...

Потрясенный, Брес быстро направился обратно к миртовому дереву, чтобы показать чудо пробуждения нового дня невежественной человечке. Странное дело, но у него даже не возникло мысли, что нечто настолько пленительно-прекрасное и волшебное может быть рядовым событием или же достоянием каждого.

Обойдя дом, он приблизился к Айрис. Та стояла над могильным холмом, опираясь на лопату. Плечи ее подрагивали то ли от тяжелого дыхания, то ли от плача, то ли от холода. Как бы то ни было, Брес отважился заглянуть в ее лицо. Было несколько любопытно увидеть это лицо неприкрыто страдающим.

Айрис смотрела на горизонт, в сторону моря, где еще упрямо чернел вчерашний день. Ее глаза были сухими и излучали завидную безмятежность.

— Почему ты не плачешь? — Несколько растерянно пробормотал Брес, не собираясь долго выбирать тему для разговора.

— Прости? — Когда она посмотрела на него, глаза в глаза, он отвернулся. Ненавистное отражение! Почему в ее глазах он кажется самому себе уродом?

— Вы, женщины, кидаетесь в слезы даже без повода. А ты увидела смерть. Разве это не пугает тебя?

Ему нет дела до ее жалости к старухе, без этой карги мир не обеднеет. Но как же страх? Это чувство точно должно было коснуться ее смертного сердца.

— Да. Видеть смерть страшно. — Пробормотала она, прекращая его мучить взглядом и обращая глаза обратно к горизонту. — Но избегать ее вида нет смысла. Смерть должна находиться перед глазами у каждого, ведь Аид вызывает нас не по некому временному списку. Тем более когда мы выяснили, что мне тоже недолго осталось.

Закинув лопату на плечо, Айрис побрела к дому.

— Недолго? — Брес поспешил за ней, начиная ненавидеть ее привычку оставлять его за своей спиной. — Сколько тебе? Семнадцать? Восемнадцать?

— Я не знаю точно. Больше двадцати. — Ответила она, проходя по комнатам и собирая мешковатую суму как будто в дорогу.

— Больше? То есть... ты можешь умереть в любую минуту?

— Кто знает.

— Нет. Ина не могла так поступить, ты же не успеешь помочь мне... — Обеспокоенно начал Брес, замирая, когда остановилась Айрис.

— Кто сказал, что я буду тебе помогать?

— Но ведь...

— Разбирайся со своими проблемами сам. — Бросила девушка сухо. — Теперь нет смысла рассчитывать на мою помощь. Если бы Морта была жива... она знала всех богов и их слабости наперечет, потому быстро нашла бы выход. А ныне от нее осталась лишь недописанная книга.

Ох ты ж, чертова карга! Нашла время, чтобы уйти на покой! однако...

— Отлично! Книга? Где она? Там точно...

— Там ничего нет.

— Откуда ты можешь это знать?

— Потому что я писала ее. — С этими словами Айрис прошла к лестнице, поднимаясь в верхние комнаты. — Я не помогу тебе. Даже не потому что не хочу, хотя что уж тут скрывать, я не хочу. Моих знаний недостаточно, даже чтобы себе помочь.

— И что же... — мне теперь делать?

Силы небесные! он — прекрасное, могущественное божество — правда хотел задать этот вопрос слабой человеческой девчонке?

Остановившись перед входом в гинекей, Брес напряженно следил за тем, как девушка открывает сундуки, начиная доставать оттуда еще несшитые между собой «тетради» отдельных глав книги. Их оказалось не так уж много. Листы пергамента ровные и испещренные мелким-мелким набором букв латинского алфавита были бегло ей просмотрены и в итоге завернуты в лоскут выскобленной, растянутой телячьей кожи.

— Ты куда-то собираешься? — Решил он спросить, когда в тревожном молчании прошло несколько минут.

— В Александрию.

Это прозвучало так, словно она намеривалась просто перейти на другую улицу, а не плыть на корабле в течение долгих дней. Вместе с крысами, вонючими матросами, опасностью чумы и катастрофической нехваткой продовольствия и воды.

— И что там, в Александрии?

— Кроме прочего: философы, библиотека, Мусейон, гимнасий.

— Что ж, ладно...

— Я не беру тебя с собой. — Отрезала Айрис, делая видимость чрезвычайной занятости.

— Не берешь? Меня не надо «брать», тем более кому-то вроде тебя. Я в состоянии и сам добраться...

— Ты не понял. Чтобы попасть на корабль нужно иметь при себе много денег. Очень много. Только так ты убедишь экипаж корабля в том, что вместо еще одной бочки с перстной водой они должны взять на борт тебя. А таможенный налог? У тебя ведь при себе одна единственная монета и та — серебряная.

— Мне льстит твое беспокойство.

— Я лишь говорю, что не буду платить за тебя.

— Я бесценен, женщина. Так что если и есть такие деньги, которые могли бы покрыть мою стоимость, ты их в глаза не видела! — Последние слова он уже кричал ей вслед, потому что Айрис, забрав тетради и суму, покинула гинекей и ушла во двор.

Игнорирует его! Словно он внезапно стал походить прозрачностью на воздух. Словно вчера не она, а другая, мысленно умоляла трахнуть ее прямо на том симпозиуме.

Брес нашел Айрис у колодца: она наполняла водой большой бурдюк. Девушка уже успела посетить кладовую, забрав оттуда хлеб, припеченные края которого выглядывали теперь из сумы.

— Но ведь у тебя в Александрии ничего нет! — Разрушил неуютную тишину Брес, ходя вокруг колодца.

— А что у меня есть тут? — Айрис заткнула бурдюк пробкой. — Охалка недоброжелателей, число которых возросло после вчерашнего. С сотню постыдных воспоминаний, на которые я натываюсь чуть ли не на каждом углу. Злобы, презрения, отвращения, как из рога изобилия. Больше меня тут ничто не держит.

Словно подтверждая свои слова, она решительно распрямилась, закинула суму на одно плечо, а на другое — бурдюк и с той стремительностью, на которую вообще способен человек, не спавший всю ночь, пошла к морю.

— А как же дом?

— Хочешь, забирай себе. — Бросила Айрис через плечо, после чего добавила: — Не ходи за мной.

Естественно, он пошел.

5 глава

Уже через час они сидели в порту, по одиночке ожидая отправление одного керкура (прим.: торговое судно). Молча и словно не замечая друг друга, они следили за тем, как матросы грузили тюки с товарами и бочки с вином и водой на борт.

Айрис, как и предупреждала, заплатила исключительно за себя. Брес же даже не пытался договориться с начальником экипажа о месте на корабле, вероятно, думая, что этот вопрос решен и так. Ведь он везде к месту и нигде не лишний.

— Ладно. — Протянул тихо Брес и Айрис напряглась, готовая на любое его слово ответить резким «нет». Однако, как вскоре выяснилось, обращался он не к ней. — Хорошо, Ина, ты победила. Слышишь? Я раскаиваюсь! Ты же не можешь на самом деле обречь меня на эти муки — жизнь под одним небом со смертными? Среди этой вони, нищеты и уродства? Конечно, нет, ты милосердна и знаешь мою привязанность к тебе. Да и что говорить, ты и сама не сможешь долго без меня обходиться...

Айрис обреченно закатила глаза. Даже умоляя о прощении он не унижал, а восхвалял себя. Что ж, ему придется очень скоро разувериться в том, что мир вращается вокруг него.

— Ты же слышишь меня, любимая?! — Повысил голос Брес. И потому, и без того приковывающий к себе взгляды, он стал буквально центром внимания всего порта. — О, великая, коварная, могущественная, прекрасная, гордая...

Он произнес еще с сотню торжественных эпитетов, и остановила его не явившаяся Инанна, а попытка Айрис уйти. Схватив ее за руку, Брес заставил девушку сесть обратно.

— Пусти. — Она раздраженно вырвала руку, потирая запястье.

— Будь добра, сиди на месте. — Настойчиво проговорил Эохайд. — Я не хочу, чтобы эти люди сочли меня сумасшедшим.

— Поздновато ты спохватился. — Прошипела девушка, но все же осталась. Просто потому что на запруженной людьми площади было трудно подыскать место лучше.

— Совсем скоро... — Брес вздохнул, поморщившись от запаха рыбы и тины. — Совсем скоро, она одумается и заберет меня отсюда. Она никогда не могла переносить долгой разлуки со мной. Инанна импульсивна и жестока. Принимая решения, она подчиняется порыву и потому вскоре начинает жалеть о своем поступке. Она сотню раз грозилась наказать меня, однако, всегда одумывалась. Я нужен ей. Лучше меня она не найдет.

Айрис слушала эти хвалебные гимны собственному эго вполуха, больше занятая размышлениями о предстоящем путешествии. Неизвестность, лежавшая по ту сторону Средиземного моря, пугала ее и в то же время манила. Собственно, если бы в случае с рабами можно было бы говорить о мечте, то для Айрис такой мечтой была далекая, почти что сказочная Александрия.

Наслушавшись в свое время от Морты рассказов об этой далекой земле, некогда принадлежавшей грекам, у Айрис сама собой возникла привычка: когда она шла по узким улицам своего полиса, то представляла, что идет по Александрии. И улицы становились шире, прямее, чище. Пустые разговоры знакомых и сплетни кумушек обретали новое звучание, становясь похожими на эхо речей седых философов. Богатые жилища свободных граждан делались подобием александрийских дворцов.

Теперь, когда Морта пересекла реку Стикс, Айрис была вольна поступать по своему желанию. Наставница, купившая ее некогда на невольничьем рынке, оставила завещание, согласно которому Айрис переставала быть рабыней после смерти своей госпожи. Отныне она была совершенно свободна. А еще... спасибо Инанне, угроза скорой смерти (с которой она была категорически не согласна, но кого, в конце концов, интересуется ее мнение?) ошутимо отрезвляла и поторапливала. Айрис понимала, что если уж сейчас не решится на это опасное предприятие, то уже никогда не увидит Александрию.

— ... слышишь меня, смертная? — Брес наклонился к ее уху, вырывая из плена раздумий. — Я говорю, что когда это случится, ты окажешься в опасном положении. Я верну себе милость Инанны, силу и власть, и в тот час могу решить покарать тебя за те беды, которые мне причинило твое тщеславие. Так что тебе лучше относиться ко мне почтительно и по возможности не злить. А больше всего меня злит пренебрежительное отношение ко мне.

Отодвинувшись от мужчины, Айрис сардонически хмыкнула.

— А ты до сих пор не спустился с небес на землю. Нет смысла рассчитывать на ее милость. Потому что ты ей не нужен такой.

— Какой? — Оскорбился Брес. — Она любит меня...

— Не смейся. Любит? Она любила не тебя, а положение вещей, согласно которому ты ей принадлежал. Потому и вышвырнула тебя без жалости. Думаешь, ей есть дело до твоего нынешнего состояния? Скорее всего, твоя Инанна рассматривает твое отсутствие, как утрату красивой безделушки, которая ранее очень шла ей. Была частью ее наряда. И все ее мысли теперь о том, как бы достойно ее заменить. Пусть Инанна и понимает, что с предыдущей ничто

не сравнится, она рано или поздно найдет что-нибудь подходящее ее глазам и овалу лица... И новинка увлечет ее надолго и всерьез, стирая воспоминания о досадной потере подчистую.

Замерев и уставившись в пространство перед собой, Брес представлял все ей сказанное, чувствуя в душе бурю несогласия. Руки его чесались, как хотелось вцепиться в тонкую шею смертной, посмевавшей просто помыслить о такой перспективе, не то что сказать вслух... И все же он не шевелился, в глубине души понимая, что это все про них, про Инанну, про него.

— А ты ее не любишь тем более. Сомневаюсь, что богам вообще известно значение этого слова, но дело даже в другом. Ты кичился местом в ее фаворе, тебе ее интерес льстил. Вероятно, даже скучая в ее обществе, ты гордился собой. Мол, она добивается моего внимания, а мне откровенно наплевать — вот, как я умею. Так что тем, что ты сейчас взбиваешь пыль дорог нашего мира, ты можешь быть обязан еще и показной холодности к женщине, которая сильнее, важнее и старше тебя. Женщины отлично чувствуют тот момент, когда становятся не нужны своим мужчинам... кто знает, может она почувствовала его уже давно и просто ждала подходящего повода, чтобы выкинуть тебя из своей жизни, спальни, мира. И вот, дождалась.

С минуту обдумывая такую вероятность и понимая, что она, к несчастью, очень похожа на правду, Брес пытливо прищурился.

— И когда ты стала так хорошо разбираться в вопросах любви. Вчера ты не показалась мне такой уж искушенной.

Айрис прикусила губу от досады. То, что произошло вчера останется на ее совести как позорнейшее из поражений. Ведь она сдалась ему без боя в тот сокрушительный миг, когда их взгляды встретились, когда встретились их губы...

— Возможно... возможно, именно потому что я неискушенная, я имею право рассуждать об этом. В отличие от тебя, для которого любовь стала повседневностью и потеряла всякий цвет и вкус, я смотрю на нее как на чудо, желанное, но недоступное. Я знаю ей цену. — Мотнув головой, Айрис поспешила увести тему в иную сторону. — Вместо того, чтобы ждать помощи от изменчивых небес, тебе стоит взять ситуацию в свои руки. Ждать и причитать — удел женщин и детей, мужчин же характеризует действие, непрерывное преодоление препятствий. Именно об этом тебе и пыталась сказать Инанна.

— О, гляжу, ты не только в любви, но и в мужчинах разбираешься. — Насмехался Брес.

— Лучше тебя. — Огрызнулась Айрис. — Ты настоящего мужчину, очевидно, в глаза не видел. И даже не пытайся найти его в зеркале.

— А где же мне его искать? Может, в твоём Сете?

Стиснув зубы, девушка резко отвернулась, словно от болезненного удара.

Наступила та особая неживучая тишина, которая тревожит сильнее криков и оскорблений. Которую жизненно необходимо нарушить, даже при условии, что первый ее прервавший будет неофициально признан проигравшим в споре.

— Что ж, ты отлично справляешься с ролью моей совести. — Протянул Брес, неохотно признавая, что перегнул палку. — Возможно, у тебя найдется еда, женщина? Я дико голоден.

Он спросил, не надеясь получить ничего, просто чтобы сказать хоть что-нибудь. И крайне удивился, когда Айрис достала краюху из сумы и отломала ему порядочный кусок. На деле

девушка была просто рада посидеть несколько минут в тишине, пока рот Бреса будет занят едой.

Мужчина принял ломоть осторожно, даже опасливо. Долго смотрел на него, поднес к носу, после чего все же попробовал откусить. Жесткий, несвежий, пахнувший сыростью, испеченный из крупно смолотых отрубей.

— А что-нибудь съедобное в твоей сумке не завалилось? — Проворчал он, не сопротивляясь, когда Айрис забрала хлеб из его рук и убрала обратно, стараясь не проронить ни крошки.

— Жди. — Бросила она лишь и вновь принялась следить за погрузкой корабля.

В молчании прошла еще одна минута.

— Чего?

— А?

— Чего ждать? — Нетерпеливо спросил Брес, все это время думая, что она вот-вот соберется сходить на ближний рынок и принести свежих фруктов или молока.

— Жди, когда голод сделает этот несъедобный хлеб амброзией и нектаром.

Эохайд возмущенно нахмурился, однако, когда он уже собрался озвучить свое недовольство, девушка отвернулась и, кажется, опять забыла о его существовании.

Вздыхнув и сев ровно, Брес вспомнил Энки. А точнее, его желание поговорить на равных с человеком. Знал бы он, какая это мука, на самом деле, ведь людей не переговоришь...

— Простите меня, господин.

Тонкий голосок заставил его и Айрис обернуться в сторону подошедшей к ним женщины. Говорившей оказалась не слишком молодая, но красивая гречанка, привлекательность которой добавляли драгоценности, богатая одежда и недвусмысленная улыбка.

— Вы... супруги?

— Нет. Я его впервые вижу. — Ответила первой Айрис и, словно в подтверждение слов, отодвинулась на край нагретой на солнце каменной плиты.

— Ох... и правда. — Рассмеялась игриво аристократка, за которой следовала темнокожая рабыня. Теперь невольница остановилась поодаль, а ее госпожа села между Бресом и Айрис. — Простите, господин, что я вообще могла допустить такую мысль.

Отвернувшись от их разговора, Айрис поджала губы, пряча улыбку. Намек на то, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет заполучить такого мужчину, что ей вообще должно быть по закону запрещено даже просто сидеть с ним рядом, веселил.

— Вы не против, если я составлю вам компанию в вашем ожидании? — Пропела с придыханием женщина, придвигаясь к Бресу так, что их бедра соприкоснулись. — Вы тоже направляетесь в Александрию?

Брес ответил не сразу. Сначала он посмотрел на Айрис и потом, убедившись, что ей будет слышно каждое слово, проговорил:

— Это моя мечта, госпожа, но кажется на корабле больше нет места.

— Какие глупости! Для вас и нет места? Для живого воплощения Аполлона место всегда найдется.

— Вы так считаете?

— Я считаю, что нет ни единой проблемы, которую бы не решили деньги... — Женщина недоуменно обернулась, когда ее фраза была прервана смешком. — Десма. Передай главному на этом корабле, что со мной поедет еще и этот господин, и... вот это.

С этими словами она протянула рабыне увесистый мешочек, в котором позвякивали монеты. Очевидно, не медные.

— Вы не против, если... я хотела бы вам предложить свою каюту. Путь долгий, и я умру от скуки, если поблизости не будет того, с кем можно... поговорить. — Продолжала без особого стеснения гречанка, даром что не просила уединиться для продолжения «разговора» прямым текстом. — Меня зовут Мелита.

— Красивое имя. Мелита. — Повторил намеренно сладкозвучно Брес, давая Айрис в очередной раз убедиться, что с исполнением роли преданного любовника у него никогда проблем не возникало. И действительно, стоило ему просто посмотреть на женщину, произнести ее имя, сказать пару посредственных комплиментов, и та верила ему безоговорочно. И вот сейчас, скажи Брес, что небеса все это время были зеленого цвета, и эта Мелита бы удивилась лишь тому, как она раньше этого не замечала. — И что ждет вас в Александрии? Муж, быть может?

— Муж? — Она кокетливо рассмеялась. — Нет. Я вдова.

— Вы еще так молоды и красивы, чтобы быть вдовой.

— Я знаю, что это в любое время можно исправить. — Промурлыкала в ответ Мелита, взглядом предлагая место своего мужа. Прямо сейчас. — А что насчет вас? Вы...

— Один, как перст. — Ответил Эохайд, окинув едва дышащую Мелиту взглядом не отставляющим альтернативы: — Хотя... думаю, уже нет.

* * *

Путь пугающе огромного судна проходил по воле богов гладко вот уже четвертый день, который сейчас догорал на западе. И Айрис, предоставленная сама себе все эти мучительно долгие дни, признала, что ее жизнь уже подходит к концу. Что она, здоровая, молодая, полная жизни все равно обречена умереть.

Мысль о смерти не отпускала ее с начала путешествия, и как бы Айрис ни пыталась отделать от нее, мысль эта возвращалась снова и каждый новый раз имела большее воздействие.

Примитивный страх небытия постепенно сменился негодованием: ведь она ничем не заслужила такой участи!

Затем негодование уступало место гневу: все случилось из-за того, что у одного посредственного божества не оказалось ни капли благородства. И в отличие от Айрис его наказали всего лишь неудобствами. Это даже не было проклятьем в полном смысле этого слова! Его не послали на немислимые муки, которые боги обычно так щедро раздают

смертным. Его не лишили свободы, даже напротив — предоставили полную независимость от прихотей верховных богов, в частности — от его любовницы. Что касается уважения и почитания — так на земле число его поклонников куда многозначнее. Брес никогда бы не добился столько слепого обожания и упивания одним лишь его взглядом от небожителей. Старость и смерть не грозят ему, потому что спустившись на землю, он тем не менее не заразился «человечностью», он не потерял свою божественную суть. Он и на земле остается царем и богом, и берет лучшее от своего положения. В эту самую минуту. И Айрис могла поклясться, что меньше всего сейчас Бреса заботит несправедливость, которой она обижена.

Ее, еще никогда и не вкушавшую сладкие плоды удовольствий этого мира, приговорили к смерти в столь юном возрасте, а его, который всегда был баловнем Фортуны, просто выселили из божественных чертогов.

Теперь, направляясь в Александрию, Айрис надеялась, что страна, преисполненная мудрости, поможет ей разрешить эту несправедливость. Однако, в глубине души она понимала, что надежды эти так и останутся надеждами вплоть до ее смерти. Которая казалась Айрис такой близкой... ближе, чем долгожданный берег.

Кутаясь плотнее в дорожный плащ, девушка забилась в угол, образованный ящиками. Достав из сумки оставшийся хлеб, она отломала небольшой кусок, и спрятав остаток, принялась за поздний ужин.

Именно этот хрупкий, почти что священный момент выбрал Брес, чтобы нарушить ее одиночество. Он еще долго оставался незамеченным, следя за тем, как, низко склонив голову, Айрис трепетно, чуть ли не молитвенно ест свой отвратительный ужин. Отщипывая от крошки по крошке, она подносила ее к губам, еще долго пережевывая, как будто наслаждаясь вкусом. И смотря на это, Брес чуть было не поверил, что за четыре дня несъедобный хлеб действительно стал амброзией, а не еще более отвратительным и твердым, как камень, сухарем.

Его божественное присутствие разоблачили, когда Айрис потянулась к бурдюку за глотком воды.

— Чего тебе? — Поразительно, но ее вопрос звучал не вызывающе и раздраженно, а неизменно тихо и спокойно. словно его присутствие лишь несколько удивляет ее, но не возмущает.

И если еще секунду назад Брес хотел было рассказать ей о том, как устал от пустой болтовни и ласк навязчивой женщины, что вышел подышать свежим воздухом и поговорить с ней, с Айрис, — а ведь это почти одно и то же, и, если она не против, пригласить ее присоединиться к их столу, теперь найдя себя, неизменно уродливого, в ее глазах, бросил:

— Решил напомнить о том, чтобы ты не особо расслаблялась. Ведь прибыв в Александрию, ты обязана будешь дни и ночи напролет искать средство, которое избавит от проклятья не только меня, но и тебя.

— А разве с тобой этот вопрос уже не решен? — Усмехнулась она непонятно.

— В каком смысле?

— Я думала, что Мелита решила все твои проблемы. Ведь, видит небо, денег у нее столько, что она может подкупить самого Зевса.

И это было еще одной несправедливостью. Почему-то теперь Инанна не думала приходить и

карать женщину, которая прибрала Бреса к рукам. По непонятным причинам на Мелиту гнев богини не распространялся.

— Да, денег у нее много... — Протянул тихо Брес, улыбаясь, словно углядел в слова девушки ревность. Однако ее безразличные глаза смотрели мимо него, следя за слаженной работой матросов. — Но деньги не помогут мне, и ты это знаешь. Я хочу услышать от тебя план действий. Когда ты собираешься приступить к решению этой проблемы?

— А если никогда?

— Это еще как понимать?

— Раз уж мне жить осталось меньше года, почему бы не потратить это время на себя? Все двадцать лет я жила для других и свои последние дни собираюсь посвятить, уж извини, не тебе.

— Ты... ты в своем уме? — Проговорил Брес, начиная выходить из себя. — Ты так просто смиришься с тем, что тебе придется умереть... — он произнес это слово, не скрывая священного ужаса — ...и даже не попытаешься это остановить?

Айрис задумалась.

— Несправедливо, тебе тоже так кажется?

— Да, пожалуй.

— Как показывает мой жизненный опыт, все мои попытки борьбы с несправедливостью заканчиваются весьма плачевно. Кто знает, как обернется эта?

— Приди в себя! Если ты умрешь, что... — будет со мной?

Чтоб его, Брес снова чуть было не оговорился. Ну почему, боги, почему у него складывается нелепое впечатление, что слабая девчонка не просто поможет ему избавиться от уже начинающего надоедать проклятья, а что она и только она одна сможет это сделать. Что он без нее ничто?

Эта мысль показалась Бресу настолько преступной, что, казалось, успеет он ее озвучить, и основы мира пошатнулись бы.

— ...что тогда ты собираешься делать все оставшееся время? — Закончил он, пытаясь выглядеть ненавязчиво.

— Ну, например, то, что тебя никаким боком не касается. Хотя если ты так и будешь мне надоедать, все что я буду успевать — искать уединения.

— Брось. — Его глаза изучающе прищурились. — Еще ни одна женщина не предпочла меня уединению.

— Вероятно, ни одну из этих женщин ты не предлагал убить своей любовнице. — Ее голос не изменился совершенно после его чувственного намека.

А ведь Бресу не так давно пришла в голову гениальная мысль: если уж они находятся в одной лодке, почему бы не просто помочь друг другу, но и насладиться возникшим положением? К тому же, с чего он должен страдать за то, чего не совершал? Если уж он обречен на это

проклятье, нужно его сначала заслужить. И, что уж скрывать, он уже почти простил эту смертную.

Присев перед девушкой, Брес, уже не скрывая своего интереса, заглянул в ее глаза, которые она старательно прятала.

— Что с тобой? Не хочется смотреть на меня?

— Просто... смотреть на тебя, это как смотреть на мертвую МОРТУ... заставляет думать о преждевременной кончине. Неприятно.

Брес отпрянул от этих слов, как от удара. Сравнение с мертвой уродливой старухой было непостижимо даже для его всеохватного ума. И потому, когда в отдалении раздался голос ищущей его Мелиты, Эохайд не стал прятаться. Ему было необходимо немного женского поклонения в качестве лекарства.

6 глава

Еще несколько дней утомительного, тошнотворного плавания, и вот с марса на мачте раздалось громогласное и долгожданное «земля». Еще пара минут лихорадочного ожидания, и в отдалении засветлели очертания знаменитого на весь мир Фаросского маяка, от которого в небо уходили черные клубы дыма. И в этот самый миг Айрис показалось, что последние минуты растянулись на часы, на дни... она не могла дождаться!

— Говорят, найти работу молодой девушке там не так уж и сложно. — Раздался за ее плечом голос, от которого ей, очевидно, никогда не удастся сбежать.

Айрис задумчиво смолчала. Кажется, скажи она «опять ты» и не ошибется с оскорблением, все-таки обзвать его обыденностью... страшнее для Бреса не придумаешь.

— Забавно слышать это от тебя.

— С чего бы?

— Ведь ты уже нашел себе ту самую работу. И, видимо, не находишь ее гнусной.

— В моем случае это поклонение. А в поклонении нет ничего постыдного.

Айрис не стала его разуверять, в конце концов, он — бог и все, за что бы он ни взялся, будет растолковано им как исключительно благородное и честное дело, даже если под ним подразумевается убийство беззащитной девушки.

— А вот как ты будешь оплачивать себе проживание в незнакомом городе... мне даже интересно.

— Понимаю, в это трудно поверить тому, кто всегда выезжал лишь на смазливой внешности. Однако, в жизни я научена не только строить глазки.

— Но ты ведь этому не научена.

— Может, я просто не хочу отнимать у тебя твой хлеб. Все-таки, совращать людей — твоя прерогатива.

— А спускать богов на землю — твоя.

— Ты и так был достаточно приземлен. Кто знает, может Инанна ошиблась. Может, тебе и не захочется покидать этот мир, вы ведь глядитесь друг в друга и находите себя поразительно похожими.

— Ну-ка, ну-ка.

— Мир уже симпатизирует тебе, совсем скоро, уверена, ты ответишь ему взаимностью, углядев в нем близкие сердцу порочность, испорченность и извращенность.

— Ох, постой. Так ты хотела увидеть меня разбитым, на коленях, слезно умоляющем о прощении? Раз уж я оказался в такой ситуации — получу от нее все до капли, и кто знает, возможно, к тому времени сердце Ины смягчится. От тоски и желания. А вот что с тобой, мне не понятно. Перспектива смерти не за горами. Бойся.

— Чувствовать себя несчастным просто от того, что когда-нибудь будешь несчастным, — бессмысленный расход эмоций. К тому же, если ты так и продолжишь преследовать меня, я буду искать смерти как отдохновения. Да, начинаешь понимать, почему тебя вытурили и не нашлось никого, кому бы такое решение пришлось бы не по вкусу.

— Говори, что хочешь, смертная. Но стоит мне исчезнуть, и ты затоскуешь и будешь искать встречи со мной.

— Звучит так, словно ты решил оставить меня в покое.

— Мелита умоляет меня посетить ее дом. А я милосерден.

— Воистину, я ведь думала, ты никогда не отвяжешься.

Но Брес «отвязался».

Стоило кораблю причалить, как Айрис в числе первых сошла на благословенную землю, тут же прячась в пестрой, галдящей толпе. И когда, спустя много-много минут обернулась, назойливого мужчины не оказалось за ее спиной. И нет, то, что она испытала при этом, не было похоже на разочарование!

Найти работу кому бы то ни было (и молодой девушке тоже) было довольно просто в Александрии, без разницы какими талантами поденщик обладал. Город этот был настолько многонационален и так стремительно рос, что нужда в смысленных, выносливых работниках никогда не отпадала. Подыскать же себе должность по вкусу можно было на Эмпорионе — огромной торговой площади, расположенной в восточной части города, недалеко от бухты.

И все же, прежде чем окунуться с головой в устройство своей дальнейшей жизни, Айрис задержалась на мгновение, чтобы просто насладиться мгновением. Мыслью, что ее мечта окружает ее прямо в этот самый миг, что наконец-то Айрис стоит на ней твердо обеими ногами. «Александрия» — музыкальность и величественность названия отражали суть города в полной мере.

Оказавшись же на запруженной людьми рыночной площади, Айрис растерялась. Деятельная, худо-бедно образованная, привыкшая считать себя не самым никчемным человеком на земле, теперь она казалась самой себе незначительной, невероятно мелкой. Избавившись от плена одного моря, она оказалась окружена новым — вечно клокочущим, беспокойным и громогласным. Многоязычная толпа стремительным потоком текла по площади, переговариваясь, торгуясь, ругаясь, предлагая.

Возможно, она переоценила свои возможности?

* * *

Мелита гордилась своим положением, но и в половину не так как своим домом и многочисленным штатом рабов. Все это добро, естественно, не было ей заслужено единолично, а досталось вместе с денежным состоянием, от скоропостижно скончавшегося мужа.

К мужу Мелита никогда теплых чувств не питала, зато была без памяти влюблена в его богатство. Не имея возможности жить отдельно от таких денег, она была вынуждена выйти за обрюзгшего зануду. И, кто знает, возможно, решив, что третьим лишним в круговороте этой страсти был именно муж, Мелита избавилась от ненужного элемента при помощи цикуты.

Как бы то ни было, сейчас она считалась богатой, еще сравнительно молодой, привлекательной вдовой, руки которой добивались многие патриции. Но буквально неделю назад Мелита поняла, что замуж не выйдет. А если и выйдет, то исключительно за этого мужчину, который смотрит на нее как на рабыню, заставляя именно так себя и чувствовать. Оскорбляло ли это ее? Отнюдь. Привыкшая к беспрекословному повиновению и уважению, она встретила его грубую страсть как долгожданную изысканную ласку. И теперь, поднимаясь к крыльцу своего дома, Мелита со сладостным отчаяньем признавала свое поражение: некогда она торжественно поклялась, что сердцем никогда золоту не изменит.

На пороге ее встречал управляющий и рабы, как будто соскучившиеся по своей госпоже за время разлуки. И Мелита, помнящая свое наставление, тут же решила узнать, уволен ли вороватый казначей и назначен ли на его место другой. Пусть она и не собиралась сегодня заниматься делами, а предпочла бы похвастаться перед новым фаворитом своими богатствами, вопрос денег всегда был для нее очень щепетилен.

Управляющий поспешно доложил, что все было исполнено по ее желанию. И что вот буквально несколько минут назад, пока госпожа отдавала распоряжения насчет разгрузки ценных товаров, он вернулся с новыми рабами, а так же нашел парочку смысленых писцов — ей выбирать, кого из них назначить хранителем своей сокровищницы.

— Если позволите мне сказать, госпожа, я рекомендовал бы вам обратить внимание на одну женщину...

— Женщину? — Возмутилась Мелита, проходя следом за старым управляющим в окруженный колоннадой двор. И она намеренно делала шаг медленным, дабы ее любовник, идущий следом, мог восхититься роскошью и красотой ее жилища.

— Не спешите с выводами, досточтимая госпожа! Представьте: вина не признает в принципе, не требовательна к пище и жилью, не придется давать ей денег на шлюх, кроме того она образована и рассудительна. Молода, потому может приступить к изучению иврита, вы же знаете, как важно поддерживать торговые отношения с этими евреями. Будь они неладны, скоро выелят нас из наших же домов...

Слова старика прозвучали в высшей мере убедительно, и потому, еще даже не успев осмотреть претендентов, Мелита уже решила на кого падет ее выбор. И все же с выводом она поспешила.

— Ты? — Воскликнула Мелита, когда ее взгляд выхватил из немногочисленного мужского ряда девушку. Голова той дернулась, лицо, обратилось к ней, давая вновь рассмотреть отмеченные песью ресницы и бровь. Кажется, она была удивлена не меньше. — Что ты тут делаешь?

Ох, ладно, она уже знала ответ на этот вопрос.

— Госпожа, это та самая...

— Я ухожу. — Перебила Айрис управляющего. Ее глаза нашли за спиной Мелиты улыбающегося Бреса. — Я ошиблась.

— Нет... но постой! — Спыхватился старик. — Ты не найдешь работу лучше! За такие деньги...

Не ответив, Айрис быстро вышла из ряда тут же повеселевших претендентов, направляясь к выходу. И проходя мимо Бреса, услышала:

— Быстро же ты соскучилась, смертная.

В тот же день, после долгих, изнурительных поисков, Айрис все-таки нашла место мелкого переписчика при библиотеке.

* * *

Мудрый сказал «мир тесен». О, знал бы он насколько!

Так рассуждала сама с собой Айрис, когда с того рокового момента, как она ступила на александрийскую землю, прошло две сумасшедших недели. Выплачивали жалование ей по количеству и качеству исполненной работы, а так как ни первое ни второе не оставляли желать лучшего, жалование это позволило ей довольно скоро найти себе недорогое жилье.

Хижина эта, конечно, несколько отличалась от дворцов Регики — царской резиденции, и стояла далеко от нее, на окраине Греческого квартала — Неаполя. Потому хозяйка брала за эту символическую крышу над головой такую же символическую плату. К тому же, не успела Айрис обрадоваться простору двух комнат, как Вергия — а именно так звали хозяйку — поспешила ее разубедить: Айрис заплатила лишь за нижнюю комнату, а верхняя, на которую вела внешняя лестница, также сдается в наем и, вероятно, скоро найдет своего хозяина. Конечно, если Айрис тяготится соседством, то Вергия может за соответствующую цену уступить ей и вторую. У Айрис таких денег не было.

Конечно, сытое житье с Мортой никак нельзя было сравнить с нынешним положением почти бесправного чужестранца, да еще в придачу ко всему — женщиной. И все же был во всем этом огромный плюс — ее должность открывала доступ к любым секциям богатейшей библиотеки. И Айрис активно пользовалась этой привилегией: рано вставая, поздно ложась, недоедая и порой забывая обо всем, она просиживала в обнимку со свитками часами. Из-за чего почти не вспоминала о своем знакомце, который, вероятно, был слишком занят «спасением» женских душ. Ну одной, это точно.

Но вот прошло две недели и им вновь пришлось столкнуться, хотя численность населения и соответствующие размеры города могли бы с легкостью избавить людей от нежелательных встреч.

— ... вероятно, вы не привыкли к таким условиям, господин. Но уверяю вас, там чисто и просторно. А еще открывается вид на море, на храм Посейдона, на дворцы Регики... Сверху все видно, взгляните сами. — Заискивающе тараторила старуха за дверью, заставляя Айрис, этим поздним вечером сидевшей за книгой, поднять от работы голову.

— А что там? — Раздался до боли знакомый мужской голос, от которого все внутри скрутило.

Сердце и дыхание замерли в страшном предчувствии.

— Ах, там... там живет ваш сосед... соседка. Она тихая девочка, не будет вам мешать, мой господин. Ее практически и не бывает дома, все время проводит в Мусейоне или Серапеуме... мужчин к себе не водит, не стоит переживать. Конечно, если вы хотите посмотреть..?

Конечно же он хотел посмотреть!

Сцепив зубы, Айрис смотрела на дверь, которая уже через секунду содрогнулась от громкого стука. О, если бы она могла претвориться отсутствующей, но запертый засов говорил об обратном. И потому Айрис поднялась и подбрела к двери, как на убой.

— Добрый вечер, Айрис. — Улыбнулась довольно дружелюбно Вергия, у которой нынче настроение было подозрительно хорошим. — Познакомься с этим господином, он будет жить наверху. Постарайся вести себя...

Нарастающий шум в ушах утопил слова старухи. Уставившись на Бреса осуждающим, утомленным от него и переписи взглядом, Айрис пробормотала:

— Счастью моему нет предела.

— Мы знакомы с Айрис. — Протянул тихо Брес, после чего, не дослушав радостные возгласы угодливой Вергии, шагнул вперед, заставляя Айрис отступить.

Мужчина закрыл дверь и резко задвинул засов.

— Неужели и Мелита тебя вытурила? — Нарушила стремительно наполняющуюся чувственностью тишину хозяйка комнаты: — Удивительно, она ведь мне не показалась такой умной...

— Я сам ушел, и ты знаешь об этом, смертная. — Перебил ее Брес, оглядывая тесное, убогое помещение. — Чем это пахнет?

— Чернилами. — После недолгого замешательства ответила Айрис. — Варятся из вишневого клея и золы...

— Неважно. — Оборвал мужчину, продолжая наступать. — Теперь уже нет смысла отрицать очевидное. И раз уж я здесь случайно оказался и обнаружил тебя...

— Брось. Я знаю, что ты притащился сюда нарочно.

— ...не собираюсь больше тратить время. — Брес кинул взгляд на растерзанную постель, которая оставалась такой все две недели. — Сойдет.

— Катись в тартар.

И опять он не понял ее интонации. Не яростная и раздраженная, а такая тихая, словно обреченная на вечную усталость. Покачав головой, как будто не в состоянии поверить, что он мог на это рассчитывать, Айрис обошла подставку с книгой, села на низкий стульчик, поправила фитиль светильника и вновь принялась за кропотливую работу.

И в окружении сумрака и тихих раздумий она выглядела... неплохо.

— Ничего, я не тороплюсь. — Решил в итоге Брес, проходя к кровати и бесстыдно на нее

заваливаясь. — Расскажи-ка мне, женщина, как твои успехи? Ты уже нашла способ снять это проклятье?

— Да.

— Правда? — Он впился в нее взглядом полным надежды. — Говори! И, клянусь, я одарю тебя по-царски, когда верну себе положение.

— Ну... не поверишь, тебе надо спасти пять женских душ. Не благодари.

В молчании затаились невысказанные гневные проклятья, плавно перетекающие в смертоубийство... или изнасилование.

Оглядев ссутулившуюся, хрупкую фигуру, Брес раздраженно вздохнул.

— Кажется, тебе скудно платят. — Пробормотал он, просто чтобы не сидеть в молчании, разбавляемом скрипом палочки.

— А тебе не платят вообще. И тем не менее ты здесь.

— Не льсти себе, смертная. Я не искал с тобой встречи. Я люблю почитание и обожание, а от тебя их, очевидно, не дождешься.

— Ты поразительно догадлив. Не прошло и месяца, как ты это понял.

— Все может в любой момент измениться, тебе лучше не обострять...

— И почему же ваше величество не остался у Мелиты?

— О, не прошло и месяца, а ты уже поняла, как ко мне надо обращаться. А что касается Мелиты... видеть одно и то же раболепное выражение ее лица изо дня в день — Прометей не знавал таких мук.

— И ты решил, что отлично справишься и без нее?

— Я уже отлично справляюсь.

— Я не стану платить за тебя.

— Я тебя об этом и не прошу.

— А чего тебе тогда надо? И встань с моей постели, мне еще спать на ней сегодня.

Чего ему надо?

Откинувшись на подушках и заложив руки за голову, Брес, преодолевая внутреннее сопротивление, признался самому себе, что даже если бы они не встретились сегодня, то это случилось бы завтра, через два дня, через три... Ведь он помер бы с тоски, если бы не нашел ее. Собственно, нет смысла отрицать — они нужны друг другу. Дело тут даже не в проклятии, просто Айрис единственная на земле, кто знает Бреса. Его суть, его положение, его проклятье. То же и с ним: только Эохайд знал, что произошло с ней на том пиру, частично знал ее прошлое, знал от чего она бежала в Александрию. Если они потеряют друг друга, то останутся совершенно, абсолютно, беспросветно одинокими.

— Эй, женщина... — Позвал через несколько минут Брес, и когда тишина стала сосредоточенной, продолжил: — Чего ты хочешь?

— Для начала, чтобы ты...

— Нет-нет-нет. Я спрашиваю про твою награду. Тебе нужен стимул, чтобы полностью отдаться поискам способа разрушить проклятье. И вот я хочу узнать, чего ты хочешь? — Тишина стала растерянной. Брес, взяв в руки серебряную монету, висящую у него на шее, пояснил: — Я могу в качестве платы за твои услуги показать тебе свой мир. Хочешь? Ни один живой смертный еще не был там. И если учесть, как ты восхищалась здешними дворцами, тебя накроет экстаз от одного взгляда на мои чертоги. Возможно, ты склоняешься к более материальным дарам? Я могу дать тебе денег. Очень много денег, ты столько даже не видела. Что скажешь?

— Скажу, что ты бредешь. — Пробормотала она, подавляя зевоту. — Для меня настоящий рай — это любое болото, главное чтобы тебя там не было. А что касается денег, так они еще никого богатым не сделали.

— Совсем с ума сошла? — Проговорил несколько обеспокоенно Брес.

— Деньги... деньги — странная штука. Сколько бы их ни было, их все равно мало. Так что да... они делают человека жаднее, скупее, корыстнее. Но не богаче.

— Исходя из твоих слов богатства вообще нет на свете.

— Почему же, есть. Собственно, с ним тесным образом связана моя работа.

— Ясно. Ты одна из тех ненормальных людей, которые ходят на философские дебаты, как на оргии. Возможно, ты даже удовлетворяешь себя сама, читая свитки. Прямо там в библиотеке, а?

— Куда тебя понесло, глянь-ка.

Утробно рассмеявшись, Брес заговорил тонко и с придыханием:

— Да! Да, еще! Я хочу большего! Мне нужно это! Сильнее!

— Громче, а то твоей Инанне не слышно.

— И кто у тебя любимый? Геродот? Протагор? Платон? А может тебе нравится разнообразие?

— Удивлена, что тебе вообще знакомы эти имена.

— А если бы пришлось выбирать? Скажи мне, женщина, кого бы ты хотела из них поиметь?

— Кого-нибудь, кто смог бы тебя заткнуть. — Она раздраженно встала и прошла к кровати. — А теперь иди отсюда. Мне завтра рано вставать.

— Знаешь... — Задумчиво пробормотал Брес, глядя в ее лицо. — Там у меня остался младший брат. — Айрис недоуменно нахмурилась. — И он был одержим одной мечтой... поговорить с человеком. И... кажется, я начинаю понимать, почему.

— Поразительно.

— Да, я считал его ненормальным.

— Поразительно, что младший брат умнее старшего. А теперь, будь так добр, уберись из моей комнаты.

7 глава

Многие годы подверженный скуке, которой не было ни конца ни края, сейчас Брес о ней даже не вспоминал. Казалось, спроси у него о том, как он понимает это слово, и Эохайд не нашел бы, что ответить. Он забыл о скуке, он забыл саму скуку. Он действительно не знал больше, что таит в себе это понятие.

Время от времени он, правда, мог сказать, что бремя проклятья нещадно давит на него, но это было просто бравадой. Проклятье не тяготило его совершенно, разве что только иногда уязвляло его гордость: Инанна так и не вспомнила о нем за этот месяц. И как бы Брес не хотел это признавать, было похоже, что смертная оказалась права — Ина не просто решила отомстить ему, богиня ко всему прочему устала от его холодности.

Прошло еще немного времени, и Брес убедился в том, что говорить правду — это, вообще, главное свойство смертной. Поначалу его это раздражало, потому что правда ее была весьма нелицеприятна. Потом начало удивлять, ведь все сказанное ей сбывалось.

Похоже ему действительно придется заняться спасением этих душ, что бы это ни значило. Мысль эта заставляла Бреса мучительно морщиться каждый раз, потому он поспешно отгонял ее, обещая подумать над этим завтра. А, как известно, завтра никогда не наступит — потому жизнь его текла сладостно безмятежно, полная чувственных наслаждений. Лишь одна тревога мешала ему спать спокойно первое время — Айрис могла умереть в любую минуту, ведь, исходя из ее слов, двадцатиднолетие девушки не за горами. А если оно вот-вот подойдет? Если оно наступает сейчас? Или пришло секунду назад, а он даже не знает об этом? Что если сейчас, разрывая спокойствие ночи, раздастся вопль Вергии, обнаружившей мертвое тело? Или он сам, зайдя к Айрис завтра, найдет ее умершей?

Такие мысли держали его в плену еще долго, заставляя каждый раз подниматься с кровати и идти к работающей допоздна девушке. Та встречала его как всегда «радушно», но, зная, что не сможет выгнать его силой, терпела его божественное присутствие молча. А Брес просто не мог, не умел объяснить ей, что боится ее смерти больше, чем она сама.

Однако и эти тревоги прошли спустя несколько недель. Каждый вечер встречая Айрис живой и почти здоровой, слыша от нее сделавшиеся привычными «приветствия», Брес уверил себя в том, что Ина пошутила. Она просто припугнула его проклятьем. И пусть он и в самом деле не может вернуться домой, сколько бы ни пытался, спасти женщин и смотреть на гибель самой близкой из них, она его не заставит.

С каких пор Айрис перешла в разряд близких и надежно там укрепилась, Брес и сам не знал. Просто в один момент он понял, что предпочтет скорее увидеть на месте умирающей смертной умирающую Инанну.

Возможно, такая мысль возникла в его голове, когда он в очередной раз без предупреждения и спроса в одну из темных, безлунных ночей проник в ее комнату. Брес знал, что застанет ее бодрствующей, ведь смертная была помешана на том, чтобы дописать книгу, некогда начатую Морттой. И теперь колдовские рецепты и заклинания дополнял исторический и географический раздел, посвященный Александрии.

Эохайд так привык видеть ее сгорбленную, сощурившуюся и едва дышащую над этой проклятой книгой, что, казалось, Айрис проводит так всю свою жизнь. Что положение ее тела

вообще никогда не меняется.

И, возможно, когда он зашел в очередной раз без стука, его больше всего удивил именно тот факт, что она не гробила себя писаниной. А может то, что она была совершенно обнаженной и, стоя к нему спиной рядом с кадкой с водой, обтирала свое тело. Ее волосы были подобраны и заколоты на затылке, а по телу скользили капли. Ее кожа покрылась мелкими мурашками от холода, потому Айрис иногда вздрагивала и переступала с ноги на ногу.

Брес замер, словно его застали врасплох. Мысль о том, что ему надо бежать, была единственно правильной, но совершенно невыполнимой. Он знал, что вернет себе дар движения, лишь когда Айрис обернется и обнаружит его возмутительное присутствие. Когда выставит его вон криком, который, скорее всего, разбудит всю Александрию. Но, небо, этот самый момент стоит того, чтобы вытерпеть любые муки.

Тусклый свет лишь одного светильника окружал ее таинственным ореолом. И Брес, кажется, уже успевший пресытиться видом женских тел, чувствовал теперь нелогичную слабость. Словно все происходило с ним в первый раз. Словно он вновь стоит на пороге открытия великой, неразгаданной тайны плотской любви. Словно никогда до этого не любовался красотой обнаженной женщины, вид которой заставлял предвосхищать скорое наслаждение.

А теперь... двойственность его желаний сводила с ума. Эохайд хотел, чтобы она повернулась, ведь он должен увидеть ее всю. В то же время, повернись она, и чудесному видению придет логичный конец, который будет сопровождаться воплем и, возможно, разбиванием глиняной посуды.

И ведь, боги, однажды он был так близок к этому телу, держал в своих руках. Возможно ли, что Айрис сейчас думает о том же? Эти воспоминания, которые не вытравишь из его мыслей, возбуждают ее?

С какой-то пугающей стремительностью весь мир сузился до этой самой комнаты, до этой самой женщины, упрямо его не замечающей. И если бы в этот момент с небес спустилась Инанна и объявила, что своею милостью его прощает, он послал бы сучку. Ведь ему будет куда лучше в объятьях смертной, чем на небесах...

Айрис провела смоченной тряпкой по своей спине. Ее голова слегка повернулась.

И, когда ее вечно уставшие, большие глаза заметили его, девушка испуганно вскрикнула, поворачиваясь. Но тут же поняв, что допустила ошибку, неуклюже закрылась руками и, попятившись назад, наткнулась на бадью. Опрокинула воду, резко отвернулась и принялась лихорадочно искать взглядом брошенный пеплон, в который в итоге завернулась, на ходу крича:

— Отвернись! Не смотри на меня! Что ты здесь делаешь?! Как ты здесь оказался?! Ведь было заперто! Заперто!

Поразительно, но стоило ей закричать, как Брес, словно неопытный молокосос, поспешно отвернулся и почувствовал, что ему... ему стыдно? Хотя смысла в его маневре не было никакого: перед глазами все равно стояло ее восхитительное, мокрое тело. Хрупкие плечи, изящно выступающие ключицы, небольшая, высокая грудь, худой, почти впавший живот, упругие бедра, длинные ноги. И ее обвинения справедливы, конечно, он похитил этот чудесный момент откровения, хотя хотел бы, чтобы она показала ему себя сама. Но знала бы она, как ему тяжело было все это время просто смотреть.

— Как ты... как..? — Айрис хватала ртом воздух, раскрасневшаяся и кажется уже готовая заплакать. И он утешил бы ее, если бы она позволила. — Зачем же... как долго... как же ты...

На самом деле, она, конечно же, не хотела знать ответов на эти вопросы.

— Для таких, как я, замки и двери — пустяковое препятствие.

— Что?

— Я просто... оказался здесь. Вот и все.

— Вот и все? — Переспросила она сипло, выглядя такой вызывающе незащитной. — Как это понимать? Ты... ты можешь оказаться, где хочешь... силой мысли?

— Никогда не задумывался над этим. Но, если тебе так удобнее считать, то да. — Проклятье! почему они говорят об этом? Ведь их обоих волнует сейчас совсем другое.

— Получается, тебе... тебе и не нужен был корабль, чтобы попасть в Александрию?

— Нет.

— Так зачем же... что ты ко мне привязался?! И тут... что ты делаешь?! — Брес краем глаза видел, как она запахнулась в грубое полотно сильнее, словно пытаясь скрыть от него то, что и так скрыто. — Что ты делаешь?!

— Я... — Аид и иже с ним, ему правда нужно было убраться отсюда. — Тебе нечего смущаться, Айрис. Ты... очень красивая... твоё тело прекрасно.

И это все, что сумел в тот момент придумать Брес, который некогда славился изысканными комплиментами, способными покорить сердце даже уставшей от поклонников Афродиты. А теперь... да, он действительно жалок.

— Пошел вон! — Прошипела Айрис, едва сдерживая слезы стыда.

И Брес пошел, даже не думая возмущаться такому непозволительному отношению к его сиятельной персоне.

С тех пор прошло несколько дней, прежде чем он отважился вновь показаться ей на глаза. И даже тем вечером проходя в ее комнату, Брес чувствовал себя преступником. Кто бы мог подумать, что его совесть проснется так поздно и то, не от осознания своих многочисленных пороков, а от мысли что он без разрешения увидел (только увидел!) тело Айрис.

На этот раз девушка, конечно, не была занята водными процедурами. Однако возникшая перед Бресом картина впечатление произвела куда более сильное. Склонившись над разложенной на полу картой, очень-очень близко друг к другу, сидели Айрис и какой-то взъерошенный птенец — смазливый блондин. Очевидно, появление Эохайда нарушило их культурную программу, и слава за это богам. А то, кто знает, до чего они могли бы вдвоем договориться в этой комнате, далеко от посторонних глаз.

Когда Брес встал напротив, положив руки на бедра, Айрис подняла на него свои напуганные глаза. С того случая с купанием она будет смотреть на него так постоянно, словно не зная, что можно от него ожидать. И правильно, ведь Брес сам этого не знал.

— А... — Нечленораздельно протянул ее гость, вперившись в мужчину взглядом полным

восхищения и зависти.

— Чего тебе? — Встретила его Айрис как обычно.

— Жду, когда ты нас представишь. — Ответил тихо Брес, подтверждая свои мирные намерения улыбкой.

Паренек поднялся.

— Это Кастор. Кастор, это мужик, живущий наверху.

О, так вот кем он стал для нее с некоторых пор. Хотя, возможно, так было всегда?

— Вы сосед Айрис? — Голос парнишки звучал тонко и тихо, словно появление Бреса сдавило ему горло. Или яйца. — А я...

— Кастор.

— Да... мы с Айрис познакомились в театре. Оказывается, она переписывает библиотечные свитки, а я ведь часто бываю в Мусейоне. Забавно, что мы до этого не встречались...

Несколько мгновений Брес молча рассматривал парня перед собой. Длинный, subtilный, костлявый — в общем-то, Кастор не был образцом греческих скульптур. И потому Эохайд намеренно задержал его возле себя на несколько мгновений, которые дали бы Айрис сравнить мужчин и понять, что Кастор может больше здесь не появляться.

— Эм... ну я... я уже собирался уходить. — Положил конец напряженному молчанию Кастор, обходя Бреса. — Я зайду за тобой завтра.

— До встречи. — Ответила ему Айрис, сворачивая карту в рулон и поднимаясь на ноги. И когда дверь закрылась, девушка обратилась к Бресу, давая понять: она уже забыла тот досадный конфуз. — Меня абсолютно не интересует, где тебя носило, но тут несколько раз к тебе приходили рабы от Мелиты. Еще немного и за твою голову назначат награду... или что там ей в тебе больше всего приглянулось.

Услышав эти слова, Брес с облегчением вздохнул: оказывается, все это время он был невероятно напряжен, даже не замечая этого за собой. Как будто ждал приговора, который странным образом его миновал.

— Что ж, подожду их здесь. — Ответил Эохайд, привычно заваливаясь на постель. Однако теперь он не мог сказать, что этот жест ничего для него не значит. Потому что мысль о том, что за эти дни в ее кровати мог побывать тот хлюпик, беспокоила... вернее, жутко мучила, тем, что была вполне вероятна.

— Не знаю каким образом, но ты все же платишь за другую комнату. Так почему бы...

— До нее далеко.

— А разве... разве тебе не хочется быть ближе к небу?

Теперь? Нет. Однако Брес предпочел смолчать на этот счет.

— И что будет завтра?

— Завтра? — Она быстро догадалась, что все его мысли теперь заняты ее новоиспеченным поклонником. — Из военного похода возвращается император Септимий Бассиан. Он посетит Александрию, и в честь этого в городе устраиваются гуляния.

— Ах да, что-то слышал... — Пробормотал Брес, подперев голову рукой и следя за тем, как Айрис складывает в суму свитки. — Ты его любишь?

— Что-что?

— Того мальчика? У вас какие-то амурные дела? — Он пытался предать голосу максимум пренебрежения.

— Кастор мой друг.

— А это не одно и то же, когда дело касается мужчины и женщины?

— Нет. — Бросила она, начиная ворошить листы папируса, словно пытаюсь отыскать какой-то конкретный.

— Дело в постели? В этом разница?

— Не... не только.

— Поясни.

— Разница заключается в том... — она вытащила нужный лист, бегло его осматривая, — в том, что дружба еще никому боль не причинила, а вот любовь... примеров, хоть отбавляй. Друг он всегда верен и всегда любит, а любовник не всегда верен и не всегда... является другом.

Она даже не спросила, успел ли он поймать ее мысль, проходя к выходу.

— Когда уйдешь — закрой дверь. — Кинула она только, оставляя Бреса наедине с подозрением.

Все оказалось куда хуже. Ведь из ее слов следует вывод, что к тому мальчишке Айрис прикипела сильнее, чем Бресу хотелось бы.

8 глава

Незаметно догорел светильник, облекая комнату в тайну. И естественным показалось для Бреса, что его мысли в этот момент изменили направление своего течения. Опасения и откровенное недовольство, которое он не хотел называть ревностью (ведь это звучало постыдно и его недостойно), уступили место какой-то сумрачной надежде. Брес знал, что может добиться любую женщину, а что касается своевольной смертной, то он готов пойти на какие угодно уступки и жертвы, чтобы заполучить ее, потому что сладкий момент ее поражения превратит его проклятье в благословение.

Просто увидеть ее покоренную, признающую его власть, умоляющую не покидать, не останавливаться...

Думая об этом, Брес негодуяще провел рукой по месту рядом собой. Одиночество никогда не было состоянием ему навязанным, он всегда был окружен вниманием. А теперь... но пускай, все же это ее кровать, что уже было победой, пусть не в войне, но в одном сражении точно. И услаждая себя мыслью, что этих простынь касалось лишь ее тело и его, мужчина уснул.

Естественно, мечты о покорении этой неприступной вершины пробрались в его сон. Он запомнил тело Айрис так отчетливо, что закрыв глаза мог вспомнить даже маленькую родинку на плече. Выступающие позвонки, ключицы, ребра. Какая же она худая. Кажется такой хрупкой, заставляя его быть невероятно осторожным, контролировать каждое свое движение, что отзывается болью во всем теле... в самом низу.

Скрип двери освободил Бреса из плена мучительно-сладких грез, заставляя прислушаться. Все его напряженное тело, переполненное нетерпением, замерло в предвкушении.

— Есть кто? Тут было открыто...

Брес не сильно расстроился, когда узнал в незваной гостье Мелиту. Ее дрожащий от холода и волнения голос, выдавал кроме прочего чрезмерное возбуждение. Что ж, не трудно догадаться, о чем думала женщина, направляясь сюда ночью в одиночестве.

Мелита негромко вскрикнула, когда ее резко втянули в темноту комнаты, захлопывая дверь. Беспомощная и напуганная женщина все же не сопротивлялась рукам, бесцеремонно снявшим с нее дорожный плащ, под которым было только ее непристойно возбужденное тело.

— Я... я искала тебя... почему ты ушел? — Прошептала она, подчиняясь мужчине, который поставил ее на колени на холодный, сорный пол. — Мне так одиноко... так плохо без тебя.

Брес не ответил. К тому же уже через минуту в словах не было никакой надобности. И спасибо этой темноте, которая поощряюще окружала его, позволяя отдаться желанной фантазии. Хотя, что уж говорить, сочное тело Мелиты не было похоже на то, которое он так отчаянно хотел.

Зная, как женщину возбуждает грубость, Брес обхватил копну ее завитых, надушенных волос, дергая на себя. И когда Мелита уже перестала сдерживать рваные стоны и бесстыдные просьбы, дверь в комнату распахнулась. И, воистину, лучше бы это была привлеченная шумом Вергия.

— Боги! — Сдавленно вскрикнуло за дверью, которая тут же закрылась.

Брес, тяжело дыша, кинул взгляд в сторону выхода, зная, что свидетель их преступления до сих пор стоит по ту сторону порога.

— Кто... кто это был? — Прошептала Мелита, тут же зайдясь стоном от очередного резкого движения.

— Моя жена. — Ответил Брес, чувствуя, как губы растягивает улыбка.

— Же... жена?! Но ведь... ах... ведь ты говорил, что...

— Я солгал.

* * *

Прикусив губу, прижав суму со свитками к груди, Айрис стояла под дверью собственной комнаты, не имея, однако, возможности зайти внутрь. Оглядываясь по сторонам, натываясь взглядом на все новые угрожающие тени, прислушиваясь к подозрительным шорохам и шагам, которые пробивались сквозь приглушенные стоны разнузданной женщины, Айрис понимала, что оставаться на угрожающе тихой, ночной улице не может ни минутой дольше.

И потому, рассмотрев свое положение как совершенно безвыходное, Айрис обошла хижину, поднимаясь по внешней лестнице вверх. Дверь комнаты не была заперта, собственно, от воров Брес был защищен не замком, а отсутствием всякого имущества.

Заперев дверь на засов, девушка быстро огляделась. Пустая комната очень походила на ту, которую занимала сама Айрис. С разницей лишь в том, что кровать тут была нетронута.

Скривившись, Айрис потратила некоторое время на то, чтобы отрешиться от назойливых звуков грязного соития, которое шло полным ходом этажом ниже.

Никогда особо не брезгуя, она и теперь без долгих колебаний легла на кровать, веря, что голова Бреса еще не касалась этих подушек. Ведь мужчина предпочитал в качестве ложа ее постель. И в качестве борделя ее комнату.

Вопреки потрясению, измученная работой и бессонными ночами, Айрис достигла царства Морфея быстро. И прежде чем уснуть, пообещала завтра же подыскать новое жилье.

* * *

Никогда не привыкший выставлять женщин вон сразу после того, как проведет с ними ночь, Брес и сейчас не настаивал на уходе Мелиты. Но, очевидно, здешняя обстановка аристократке претила, а может она была оскорблена открывшейся «правдой». Как бы то ни было, его маленькое лукавство заставляло Бреса улыбаться каждый раз, стоило ему вспомнить шок, почти ужас любовницы. На деле же он сам не понимал, что дернуло его сказать эту глупость. Однако, стоило ему эту глупость озвучить, и внутри разлилось блаженное тепло...

Лежа на не своей кровати и смотря в не свой потолок, Брес предположил, что Айрис по принципу талиона забрала себе его комнату вместо своей, узурпированной им. И дабы убедиться в своей правоте, он навестил свои нищенские «покои».

И вид, открывшийся ему, пришелся ему по вкусу.

Дабы насладиться картиной полностью, Брес принес светильник и зажег его в отдалении от кровати, чтобы свет лишь слегка касался спящей. Скованная сновидением, повернувшись к нему лицом, закинув руку за голову, с туникой, которая задралась и обнажала ноги, Айрис была прекраснее Венеры. Теперь уже без шуток.

Сев у противоположной стены, сложив руки на коленях, Брес смотрел. Только смотрел, понимая, что еще никогда созерцание не доставляло столько удовольствия. А еще, что наслаждение можно получать и в муках. Например, в воздержании и терпеливом предвкушении. Ведь когда-нибудь он спросит ее «моя?», и она ответит ему сразу, безоговорочно, утвердительно.

Брес сидел долго, тихо, лишь иногда поправляя фитиль светильника. И просидел бы так до самого рассвета, если бы одно единственное движение не спугнуло его сдержанность. Женщина плавно шевельнулась, перекатившись на спину, и провела рукой по телу словно в приглашающем жесте полном томления. Ее пальцы задели тунику, сбивая широкий ворот в сторону, почти обнажая грудь.

Убеждая себя в том, что не перейдет границу, Брес подсел ближе. Через несколько минут он уже сидел у самой кровати, млея от мысли, что Айрис спит на территории, условно принадлежащей ему. О, если бы она могла видеть его настоящий дом! Как бы он хотел предложить ей себя настоящего, необъятно богатого, сильного, почти всемогущего. Увидеть ее

восхищение... он в нем нуждался, но не мог вызвать его вот уже целый месяц. Какая жалость.

С ее приоткрытых губ соскользнул вздох, похожий на тихий стон. И уставившись на этот соблазнительный женский рот, Брес полностью познал смысл выражения «танталовы муки». А ведь когда-то он целовал ее, а она отвечала. И ради чего он так необдуманно пренебрег ее страстью?

Все еще веря, что держит ситуацию под контролем, мужчина наклонился, замирая в миллиметре от женских губ. И каким бы жалким ублюдком он в этот момент не выглядел, Брес чувствовал себя почти счастливым. А потом теплый, нежный выдох прикоснулся к его губам, заставляя мужчину податься вперед.

Айрис проснулась не сразу. Эохайд сначала едва ощутимо, затем откровенно, а под конец нескрываяемо жадно поцеловал ее, проводя ладонью вдоль женского тела, которое в ответ выгнулось ему навстречу. И все еще находясь в полусне, девушка простонала, а ее руки потянулись к нему, обнимая, привлекая к себе. О, боги, что это был за момент! Ее тихий, жалобный стон прозвучал как призыв к действию, тому самому, о котором Брес мечтал с возрастающим отчаяньем. А теперь она была в его руках, полностью в его распоряжении, готовая и жаждущая...

— Сет. — Выдохнула Айрис сонно, находя взглядом склоненного над ней мужчину.

Словно оглушенный прозвучавшим именем Брес замер, всматриваясь в темные глаза. Которые медленно, очень медленно наполнялись осознанностью, пониманием ситуации, страхом. А потом Айрис дернулась, разбивая безопасную неподвижность. Ее желание сбежать было естественным, но и в половину не таким сильным, как его желание вытеснить собой мечты о мальчишке, который, будь все проклято, все еще стоит между ними.

И после всего, на что сопляк ее обрек, она еще смеет мечтать о нем? Вспоминать его? Хотеть его? Когда рядом тот, кто только ждет снисходительного взгляда, слова, не обжигающего безразличием, кто лучше этого Сета во всем, кто может дать ей больше, несравнимо больше, чем какой-то смертный недомерок.

Следующий его поцелуй был яростным, наказывающим, требующим ответа, покорности и согласия. И когда Айрис отвернулась, хватая ртом воздух, чужая рука обхватила ее за подбородок, вынуждая принимать жестокую ласку. Она продолжала отбиваться до тех пор пока мужчина не оказался сверху, а его руки резко задрали подол туники, обнажая судорожно сведенные бедра.

Когда Брес оставил ее губы, первым порывом было протестующе закричать, однако твердая ладонь зажала ее рот. Напрягшись от страха и отвращения, Айрис чувствовала его рваные поцелуи на шее, на плечах, на груди, и слышала хриплый полусумасшедший шепот.

— Айрис... Айрис, стань моей... тебе будет хорошо... ты даже представить себе не можешь, как хорошо тебе будет со мной...

Зажмурившись, она не сдержала тихого всхлипа. Эти слова были мучительно похожи на те, которые Сет произносил ей в саду в тот раз. И слышать теперь их от того, кто уже однажды отвернулся, было настоящей пыткой.

Тяжело дыша, едва сдерживая себя от насилия, Брес поднял взгляд к ее лицу. Мокрому от слез.

— Нет. Проклятье! Нет! — Прорычал он, слетая с кровати. — Ну что? Что ты хочешь?! — Не доверяя себе, Эохайд отошел в самый угол и повернулся к кровати спиной. — Твой Сет бросил тебя, ты уже давно не нужна ему! К тому же он остался там, в прошлом, за морем, а ты здесь, и я... — Внезапное осознание того, что сам некогда уподобился Сету, предложив Инанне в качестве доказательства собственной верности забрать ее жизнь, пронзило Бреса резкой болью. Значительно позже он поймет, что люди эту боль называют мукой совести. — Возможно, ты хочешь, чтобы тебя трахнул этот мальчик... Кастор? По нему видно, что он к женщине еще ни разу не прикасался, кроме боли и унижения он не даст тебе ничего! А я покажу тебе то, чего еще ни одна смертная не видела. Я подарю тебе чистое наслаждение. Ни с одним мужчиной ты никогда не испытаешь ничего даже отдаленно похожего. Я хочу показать тебе всю прелесть положения моей женщины.

— Я тебя прощаю.

Брес растеряно обернулся. Увлеченный своей обличительной речью, он даже не заметил, как Айрис встала, поправила одежду, взяла свои вещи и теперь направлялась к выходу. Оставляла его за своей спиной. Опять!

— Что? Прощаешь?! Ты меня прощаешь?! Да ты хоть знаешь, что сделала со мной? Во что ты меня превратила?! — Прорычал он ей вслед, пытаясь тем самым вывести на скандал. На крик. На рукоприкладство.

Пусть ударит его, ведь он заслужил! Пусть накричит, он хочет услышать в этом крике толкование ее непонятого, глухого «я тебя прощаю». Потому что эти слова ужаснули его своим тихим звучанием и убежденностью.

Словно она прощала его не только за грубость и несдержанность, а за все то зло, которое она по его вине была вынуждена пережить. Словно отпускает ему все его грехи, что были до нее, что будут после. Эти чудовищно безжизненные слова прозвучали, не как прощение, а как прощание.

Гораздо позже, размышляя над этим самым моментом, Брес поймет, что должен был удержать ее. Как угодно: угрозами, просьбами, цепями. Но подчинившись реву уязвленной гордости, он предпочел отпустить Айрис и даже убедить себя в том, что на самом-то деле, ему до нее нет никакого дела. И что во всей ойкумене тысячи женщин нуждаются в его внимании, и кто она против них со своей спесью? Неужели он станет ее, рабыню, человека, умолять о снисхождении к себе? Он и так по воле Инанны пал ниже некуда, не хватало только чтобы его унижительное положение довершили мольбы обращенные к человеку.

Называя Сета сопляком и мальчишкой, Брес даже представить себе не мог, как недалеко сам ушел от того, что стояло за этими понятиями.

9 глава

Септимия Бассиана, прозванного Каракаллой, народ не любил. Даже знать и префект, устроившие в честь его отнюдь не триумфального возвращения праздник, были не в восторге от мысли, что коварный, жестокий и переменчивый император вместе со своей одичавшей армией, солдаты которой до сих пор не получили ни денария, остановится в Александрии на неопределенный срок.

Потому теперь, когда властитель Римской империи торжественно проезжал по главной улице усыпанной цветами, приветственные «ave» и восторженные крики подкупленных плебеев

перекрывали голоса недовольного люда.

В отличие от аристократии простых граждан Александрии куда сильнее беспокоил не тот факт, что в их прекрасном городе осядут не получившие своей добычи звери, а что Каракалла ославился как кровосмеситель и братоубийца. О том, что он убил Гету, знали или догадывались все поголовно, но молчали, потому что войны за престол не были такой уж новинкой для римских императоров. Однако связь императора с собственной матерью горожане воспринимали неприкрыто возмущенно. И потому в сторону императора то тут, то там сыпались оскорбления, сравнения его с Эдипом, а его мать — с Иокастой и призывы немедленно убраться, захватив с собой своих псов.

Каракалла из Александрии не убрался, но судя по хмуро надвинутым бровям, недружелюбный настрой своих подданных к сведению принял.

— Первый раз в жизни вижу императора! — Попытался перекричать рокот толпы Кастор, наклоняясь к Айрис. — Не думал, что это будет так!

Так громко, ярко, многолюдно, всеохватно, помпезно.

Айрис смогла лишь ответить согласной бесцветной улыбкой. Благо шум избавлял от необходимости разговора. Ведь независимо от темы, беседа была бы в данный момент совершенно бесполезна, и дело тут совсем не в визите императора и ее волнении по этому поводу.

Смотря на раздираемую противоречиями толпу, часть которой посылала к небу восторженные «виват-виват», а другая часть, стараясь перекричать первую, изощрялась в оскорблениях и проклятьях, Айрис казалось, что она заглянула в свою душу. Нынешней ночью произошло то, что разрушило гармонию ее мыслей, порождая полнейшую анархию. И вот теперь часть ее кричит «виват», а другая «убирайся».

Невнимательно следя теперь за движением золоченой колесницы, Айрис пыталась понять, что именно мешает ей всем сердцем возненавидеть высокомерного мужчину. Помимо того, что Брес уже однажды оставил ее в беде, несмотря на заключенный уговор, что был обеими руками «за» ее смерть, что, являясь просто избалованным, назойливым, ленивым божеством, он не признает остальных, ставя свои желания во главу угла... помимо всего этого вчера он готов был добиться своего примитивной силой. Прямо после того, как отымел Мелиту на полу комнаты, которую Айрис уже привыкла называть своим домом. И его нетерпеливые, требовательные прикосновения казались Айрис намеренным оскорблением и долгожданной мезтью. И все же сейчас, вспоминая его, она не чувствует праведной ярости, хотя, казалось бы, имеет на нее все права. Не странно ли?

Досаду, жалость к себе, растерянность, страх... но не гнев, не ненависть. А ведь в случае с Бресом третьего не дано, его можно было либо ненавидеть, либо боготворить до гроба. Как бы то ни было и в первом и во втором случае смерть обещала быть скорой.

И вот теперь, размышляя над своим положением, Айрис хотелось оттянуть момент встречи с Бресом. Дом представлялся ей теперь местом казни. Ведь увидев мужчину, Айрис не сможет отвертеться, ей придется решить окончательно и бесповоротно, как отныне смотреть на него, что говорить, как себя держать.

Потому, когда следом за своим предводителем усталыми, озлобленными тенями прошагали его легионы, и Кастор спросил, проводить ли ее домой, Айрис ответила отрицательно.

— Знаешь, мне хочется погулять... долго-долго гулять и ни о чем не думать. — Виновато проговорила она, чувствуя, как рука Кастора, словно поощряя, мягко обнимает ее ладонь.

— Значит, будем гулять допоздна! И в кои-то веки ни о чем не думать!

* * *

Александрия нарядилась в праздник, опьянела, зазвучала смехом и песнями. И каждый житель города от раба до префекта урвал от этого пиршества свой кусок. Брес не был исключением, хотя, сказать по правде, он не знал, что именно празднует, но подчиняясь общему настроению и собственным потребностям тратил день на вино и женщину.

— О, Яхве... — Прошептала смуглая красавица Мирьям, смущенно смотря на мужчину, стоящего у оконного проема. — Я никогда не... никогда раньше не делала это так, понимаешь? С незнакомым мужчиной.

— И как ощущения? — Поинтересовался Брес с кривоватой улыбкой.

— Я хочу еще. — Едва слышно призналась женщина, закрывая лицо ладонями. — Но ведь я тебя совершенно не знаю...

— Нестрашно. — Ответил он, приближаясь к кровати нарочито медленно. — Я себя не знаю тоже.

Женщина рассмеялась; хотела игриво, но вышло несколько нервно, пугливо. Мирьям заключила его в объятия, даже не желая задуматься над словами, которые беспокоят Бреса на протяжении всего утра, незаметно переходящего в день. Кем он стал теперь, после своего падения? Во что она его превратила? И под «она» Брес с некоторых пор подразумевал не Инанну.

Ина отобрала у него положение, но ведь даже без небес (которые ему наскучили, что уж тут скрывать), без своих чертогов и богатств Брес оставался богом. Так считали люди, так считал он сам. Ведь не он для небес, а небеса для него. А теперь... Эохайд откровенно не понимал, почему этот мир до сих пор живет, дышит и даже не замечает, что на их глазах свершилась чудовищная катастрофа: он захотел смертную, а та отвергла его. Отвернулась и сказала, что прощает. Это было так непостижимо и несоизмеримо с его представлением о законах жизни, что Брес верил: совсем скоро наступит то, что люди в священном ужасе называют концом света. Реки потекут вспять. День станет ночью. Звезды упадут на землю. Ведь поведение Айрис стоит в одном ряду с этими аномалиями.

Отвергла его, да, но это еще полбеды. Поразительно, конечно, что нашлось что-то хуже этого, но думая сейчас о своей милой попытке покорить смертную, Брес помимо злости и возмущения ощущал то, что люди называют виной. Потому те слова, обращенные к Мирьям, были полны тревожной истины: он себя не узнавал. Теперь каждую минуту Брес с ужасом ожидал от своей души новых эмоциональных сюрпризов. Возможно, еще несколько дней, и он пойдет к Айрис просить прощения. Начнет петь ей хвалебные гимны и дарить подарки. То есть вести себя так, словно они поменялись местами, словно это он — простой смертный, а она внезапно приобрела в его глазах небывалую ценность и достигла недостижимых высот, стала хозяйкой его судьбы и прочая, и прочая...

Получается, что Айрис забрала у него куда больше, чем Инанна. И следовало бы ненавидеть за это смертную, а он думает лишь над тем, что она сейчас слишком далеко от него. Где-то там, среди толпы, а может отделенная от нее стенами комнаты. В любом случае, рядом с

блондинистым сопляком, который рассматривает ее как жертву своего первого раза. И пусть боги отметят силу воли, удерживающую Бреса на месте.

Эохайд не помнил, как долго пытался вытеснить вопиюще жалкие мысли красотой женского тела. Казалось, ему это почти удалось, и все же сейчас Мирьям заворачивалась в пеплон, а мужчине казалось, что он что-то упустил.

— Кто она?

Пусть Мирьям и сказала, что торопится домой к мужу, ей хватило времени, чтобы задавать вопросы такого рода.

— Она?

— Женщина. Ты... — Любовница вновь смущенно зарделась, словно знала, что не имеет права на ревность и все равно ничего не может с собой поделаться. — Ты несколько раз произнес ее имя.

Отличная новость, оказывается кроме всего прочего, ему перестает подчиняться собственное тело.

— Айрис. — Повторила едва слышно Мирьям, «разгадав» суть его замешательства: такой мужчина вполне оправдано может запутаться в женских именах.

И прежде чем задуматься над ответом, Брес уже его дал. С его языка как-то сама собой сорвалась та самая глупость, которую он некогда сказал Мелите.

— Жена? — Прошептала растеряно Мирьям. — О, Яхве... у тебя есть супруга? Но как... как же...

Как же у нее вышло получить тебя? Как же ей удастся оставаться в твоих мыслях, даже когда ты находишься в объятьях другой? Как же она посмела назвать тебя только своим?

Вопросы, на которые он бы хотел получить ответы и сам.

— Какая это мука, должно быть. Она, наверное, сходит с ума от ревности. — Добавила глухо женщина.

— Хотел бы я в это верить.

Увидеть неумелую, тщетно скрываемую ревность Айрис было бы все равно что получить ее страстное признание. Предел мечтаний.

Когда Мирьям ушла, Брес еще долго пытался унять внутренний зуд — хотелось спуститься и обнаружить смертную в ее комнате. Ведь в последнее время он стал как-то ненормально зависим от разговоров с ней.

С целью отрешения от глупых надежд он допил вино. Встал с постели и долго расхаживал возле окна, за которым уже сгущались сумерки. Пытался представить, в каких именно красках будет рассказывать Энки о своих злоключениях. Но эти размышления все равно вполне логично вывели его к несносной женщине. Которой он сдался опять, но, слава богам, она пока об этом не знает.

Признавая поражение, Брес спустился в ее комнату и лег на ее постель, мгновенно обретая покой. Весь день пытаясь унять хаос мыслей и чувств, прибегая к, казалось бы, верным средствам, он даже представить себе не мог, что решение всех его проблем было так близко.

* * *

Ранее представляя себе роковой день ее гибели (наперекор острому нежеланию его представлять), Бресу казалось, что сие действие будет проходить по иному сценарию. Это могла бы быть болезнь, несчастный случай, старость (а почему бы и нет?). Как бы то ни было, Эохайд видел себя рядом с ней при этом трагическом, но неизбежном моменте.

И никогда бы не подумал, что роль Гермеса — глашатая богов и проводника мертвых — будет исполнять Вергия. Теперь же растрепанная, обезумевшая женщина ворвалась в комнату, распахивая дверь настежь. Пуская в облюбованный Бресом мир спокойствия анархию, дикий шум и запах гари.

— Бегите! Бегите, господин... — И она уже развернулась, чтобы последовать своей же команде, однако, полностью вернувший себе сознание Брес остановил ее за руку на пороге.

Он еще не успел задать интересующий его вопрос о том, какого, собственно, дьявола происходит, однако полоумный вид Вергии, который она переняла от такой же растерзанной и сходящей с ума Александрии, объяснил ему все без слов.

Вдалеке, там где находились дома философов, Мусейон с библиотекой и театр, светлело зарево костра. Люди пронеслись мимо Бреса и вопящей Вергии, неся на руках малолетних детей или тот нехитрый скарб, который успели с собой прихватить. Крики и стоны стояли повсеместно, призывая убежать, прятаться, спастись.

Еще никогда Бресу не доводилось становиться частью чего-то настолько неподконтрольного, стихийного и жуткого, как человеческая паника. Несомненно, это было нападение. Но кто осмелился, ведь здесь находится император с армией?

— Это он... он окаянный! — Взывала Вергия. — Каракалла приказал своим солдатам разграбить наш город! Ох, что они делают, господин! Что там творится!

Вергия была права. Не так давно старуха, разбуженная криками, вышла на улицу и от убегающих соседей узнала, что римские легионеры устроили резню. И что действуют они по приказу оскорбленного императора, как звери кровью насыщаясь легкой добычей, которую не смогли добыть в далекой Месопотамии.

Повторив свой призыв убежать, Вергия унеслась, утопая в толпе спасающихся горожан.

Брес замер, смотря в сторону надвигающейся бури. И ужас, поразивший его, был никак не связан с угрозой собственной безопасности. Единственный раз за всю свою жизнь Эохайд забыл о себе.

И несясь в противоположную толпе сторону, борясь с потоком, он уже знал, что опоздал, но продолжал себя слепо убеждать в обратном.

Он не мог ничего не почувствовать! Он не мог предаваться сну в момент, когда жизнь единственного важного человека на этой земле была под угрозой! Он не мог допустить ее смерть!

Пронсясь мимо убийц и их жертв, мимо мародеров, мимо уже мертвых и еще живых, Брес искал, звал, надеялся, пока не достиг Мусейона.

Взбегая по лестнице, шаря беспокойным взглядом по окровавленным телам престарелых мужей, их изнасилованных женщин, их рабов, Эохайд ворвался в просторы обесчещенной библиотеки. И то тревожное ощущение, которое он испытывал в тот миг, люди именуют предчувствием. Ненавидя это предчувствие, споря с ним, мужчина искал тело... проклятье, сама мысль, что цель его поисков — всего лишь тело, заставило его мучительно, протестуяще простонать.

Видели бы его боги. Узнали бы они в ошалевшем, глупо надеющемся, откровенно жалком мужчине своего собрата? Едва ли.

Брес нашел Айрис лишь спустя десятки минут бесцельных поисков и криков. Она лежала отдельно от остальных убитых, отдельно от своего мертвого друга, за стеллажами, в окружении разбросанных свитков.

Когда Брес, все еще уповая на то, что она, возможно, успела сбежать до того, как солдаты устроили в библиотеке резню, увидел ее, недвижимую, сломанную, убитую... он не поверил. Айрис, которую он знал, была совершенно иной. Казалось в определение этой женщины входила невозможность быть такой... зверски замученной, испачканной кровью, в изорванной одежде и при том совершенно к этому безразличной.

Но заставляя себя всматриваться в нее, Брес понимал с каждой секундой все отчетливее, что — вот она, он наконец нашел ее. Но не в том состоянии, в каком хотел. На которое глупо надеялся.

Теперь уже не размышляя над своей гордостью, он рухнул на колени и подобрался к девушке ближе. Брес не знал название тому, что он испытывал в тот момент. Не знал, чувствовал ли кто-нибудь до него подобное. Но одно он знал наверняка — ему стало ненавистно его бессмертие. Его неспособность умереть в данный момент сулила не вечные наслаждения, а обрекала на непрекращающиеся муки.

Лжет тот, кто называет смерть вечным сном. Брес видел сон Айрис, это волшебное, неприкосновенное, хрупкое состояние, превращающее ее в беззащитную, прекрасную жертву, которую он хотел, но не смел получить. А то, что он сейчас видел в темных, открытых глазах изуродовало ее, осквернило, расхитило. Она была похожа на руины, пустые, мрачные и такие холодные, что, казалось, нет ничего холоднее ее тела. И Брес не мог поверить в то, что люди, которые так восхищаются красотой и светом, сделали это с ней. С самой прекрасной из них. Руки ее убийц не дрогнули, когда они заглянули в эти по-детски доверчивые, умные глаза? Когда прикасались к ее девственному, драгоценному телу? Когда их меч пронзил ее, умоляющую о смерти, как о пощаде?

Все звуки этого мира перестали для него существовать, Брес потонул в абсолютной тишине, безвольно откидываясь на мраморную стену, прижимая к себе мертвое тело. И ирония происходящего поразила его своей жестокостью: вот она, Айрис, в его руках, но в то же время, обретшая желанное расстояние. И этот путь он никогда не сможет пройти. Она наконец смогла оставить его за своей спиной, и на этот раз он за ней не последует.

И... называя ее смертной, он ведь не предавал этому и толики значения. Обращаясь к Айрис подобным образом, Брес только принижал, демонстрировал различия между ними, указывал на ее низкое положение. Повторяя это из раза в раз, он не хотел даже задуматься над тем, что

она смертна: хрупка, слаба, недолговечна.

А ведь всего каких-то несколько часов назад она была жива. Нуждалась в нем, дрожа от страха, отвращения, боли. Возможно, звала на помощь. Возможно, в этом призывном крике было заключено его имя. Как бы то ни было, в один миг Айрис поняла, что никто не придет. Момент осознания своего абсолютного одиночества, дающего понять: она умрет здесь вопреки своей молодости, красоте, желанию жить. Вопреки тому, что он, бесполезный ублюдок, чувствует к ней.

И Брес был не настолько силен, чтобы, подобно Айрис когда-то, глядеть на смерть с холодным презрением. Уродливость, беспощадность, могущество этой древней стихии, ломающей чужие судьбы и калечащей души, ужаснула его, заставила сжаться, притянуть к своей груди мертвое тело девушки и спрятать лицо в ее растрепанных темных волосах.

Той ночью Брес наконец понял, что проклят.

II часть

1 глава

Наши дни.

Встречая очередной рассвет, Брес со смутным удивлением припомнил тот день, когда впервые столкнулся с этим явлением. Оно покорило его настолько, что Эохайд наивно предположил, что красота восхода никогда не станет для него обыденностью. Однако с тех самых пор он увидел тысячи тысяч рассветов и закатов, которые, вопреки стремительно меняющейся жизни, оставались ее неизменной частью.

И теперь следя, как за окном солнце щедро разбрасывает свои акварели, Брес понимал, что ждет совсем другого «рассвета». Потому что до сих пор находится во мраке, с возрастающим отчаяньем надеясь на появление своего личного светила, которое подтвердило бы ему, что он не ослеп и не сошел с ума. Но, видит бог, прошло слишком много времени...

Вступающая на трон звезда, кинула на него пренебрежительный взгляд, дающий понять: сегодня Брес, так же как и раньше, должен удовлетвориться лишь горделивым визитом Гелиоса. Сегодняшний день так же как и предыдущие не подарит ему долгожданную встречу с ней. Очередные двадцать четыре часа, прожитые на ощупь, неуклюже, нервно.

Но кто сказал, что проклятье должно приносить удовольствие? К тому же, что и говорить, он заслужил весь этот пакет адских мук от и до. Брес некогда даже мечтал о нем. Да, в тот самый момент, когда заглянул в покинутые душой глаза Айрис. Он ждал кары как благословения, умолял о ней. Что угодно, чтобы не сойти с ума от мук совести. А ведь, прежде чем оставить, Айрис простила его, словно знала, во что он превратится после ее смерти, не скажи она этих заветных слов. И слава богу за то, что она никогда не узнает, каким жалким он тогда был. Ведь даже Энки, спустившийся к нему от лица своего начальства на следующий день после той черной даты, ужаснулся.

Там было чему ужасаться. Если смерть вообще имела когда-либо отношение к языческим божествам, то только в тот самый раз касательно Бреса. От его вида, взгляда, голоса веяло чем-то могильным. А еще он сидел в обнимку с мертвецом, на полу чужой комнаты, которая была под стать ее прежней хозяйке — разграблена, холодна, тиха.

И та встреча, которая казалась Энки долгожданной, не произвела на Бреса никакого

впечатления. Скорее даже он посмотрел на младшего брата как на незваного гостя, который нарушает их священный покой. Глядя на Эохайда, Энки уже знал, о чем первым делом доложит Инанне: ее бывший любовник окончательно и бесповоротно сошел с ума. Что послужило причиной? Суший пустяк — смерть какой-то человеческой женщины, которые ежедневно гибнут десятками.

В тот раз Энки пришел не за тем, чтобы известить Бреса о его помиловании, но, вымолив у верховных божеств милость для него, верный друг хотел назвать имя. Имя первой души, которую Брес должен, вопреки судьбе, водворить на небеса.

Эохайд не оценил его старания по заслугам. То, чем ответил на его старания мужчина, было похоже на:

— Когда я ее увижу?

Энки растерялся.

— Не знаю... Инанна в гневе, она не хочет...

— Я говорю не про Инанну! — Перебил Брес жестким, ледяным тоном, которого Энки еще не довелось от него слышать. — Когда вернется Айрис?

Энки не знал этого. Никто не знал. Через год? Десять лет? Сто? Вряд ли в их проклятии был какой-то математический алгоритм.

И да, плевать Брес хотел на имена и женщин, которые их носили. Он, кажется, вообще не собирался шевелиться, пока эта смертная вновь не посмотрит на него живым взглядом. В каком угодно порыве чувств: он примет ее гнев с такой же радостью, с какой бы принял страсть.

Совершенно растерянный и откровенно напуганный Энки ушел. Появился он спустя много-много лет, за тем, чтобы принести новое имя, ведь ему казалось, десятки лет излечат Бреса настолько, что он сможет приступить к подвигам. Но, будь все проклято, несчастный парень опять пришел не вовремя.

И нет, дело не в незаживающей ране. Когда Энки оказался на земле во второй раз, Брес уже успел встретиться со своей смертной. Как и обещала некогда Инанна, Айрис периодически навещала проклятого мученика, чтобы напоминать ему своим видом о его грехе и необходимости его искупить. Со своей персональной эринией Брес уже виделся и даже успел перебраться парой слов до того, как Энки заявит к нему с инструкциями.

Эта безнадежно желанная встреча произошла на запруженной людьми улице. Брес, кажется, уже свыкшийся с жизнью человека, брел в тот раз совершенно бесцельно, обтекаемый толпой. Его взгляд не искал, не высматривал, не останавливался ни на каком конкретном лице. И все-таки в один миг он замер, пораженный.

Невдалеке от него, едва различимая в расцветенном людском море, стояла потерянная Айрис, беспокойно вертя головой.

Почему здесь, думал Брес, почему сейчас? В ничем не примечательный тусклый осенний вечер, посреди обычной улицы, каких тысячи. Все это время Бресу казалось, что их встреча будет подобна сошествию ангела в Ад. Айрис, по его представлению, должна была однажды в какой-нибудь праздничный, радужный, торжественный день вспомнить о нем, прийти и

осветить своим присутствием его беспросветное существование.

Но даже если так, разве он против?

Все внутри него горело, когда, сорвавшись с места и бесцеремонно прорываясь вперед, Брес осознал, что — вот он — этот желанный момент, которого он столько ждал. Еще секунда...

Без лишних слов и предупреждений, он сгреб девушку в объятия, прижимая к себе, утыкаясь носом в копну темных волос с неестественной седой прядью над левым ухом. И стоило ему услышать встревоженный стук женского сердца, испуганный резкий выдох, ощутить под руками нежное тепло ее тела, стон облегчения и счастья вырвался из его груди. Все те муки, которые терзали его еще какую-то минуту назад показались смехотворными, эфемерными, несущественными. Единственно важное отныне — то, что он держит в своих руках. И никуда больше не отпустит. Никому не отдаст.

Считая, что заслужил за все время терпеливого ожидания хотя бы небольшую награду, Брес наклонился и впился в дрожащие женские губы долгим, жадным поцелуем.

За что в итоге получил по лицу.

Айрис отшатнулась от него, тяжело дыша и выглядя такой напуганной и недоуменной, словно...

— Ч-что вы себе позволяете? — Прошептала она, сжимая покрасневшую от удара ладонь в кулак. Раздурившаяся от стыда девушка обеспокоенно поглядывала на собравшуюся вокруг них толпу, мечтая вырваться, убежать.

— Айрис, это не смешно. — Вопреки собственным словам Брес рассмеялся. Что скрывать, эту боль он желал давно. — Я ждал тебя чертову вечность...

— Элин! — Крикнул кто-то в толпе, и совсем скоро на образованную шепчущейся толпой площадку выкатился обрюзгший мешок с костями, злобно сверкнув в сторону девушки взглядом. — Почему ты вечно куда-то уходишь! Я же говорил держаться рядом...

Она смолчала, кидая опасливый взгляд на Бреса.

— Какого дьявола ты так разговариваешь с ней? — Прорычал Эохайд глухо, угрожающе.

Мужик встрепенулся. Посмотрел на него. Подсчитал шансы.

— Тебе какое до этого дела? — Его голос зазвучал высоко и визгливо, как лай озлобленного щенка. — И... держись подальше от моей жены! Ясно?

Ах, жены... Жены? Жены?!

— Айрис...

— Вы... вы меня с кем-то путаете. — Проговорила она тихо и так обреченно. После чего взяла своего супруга под локоть, словно добровольно накидывая на шею поводок. — Пойдем домой, Маркус. Пожалуйста.

Маркус высокомерно хмыкнул, но поспешил спрятаться в толпе, дабы различия между ним и прекрасным незнакомцем не были так очевидны его молодой жене. А Брес так и остался стоять на месте, словно открывшаяся ему только что правда пригвоздила его к мостовой.

Появление Энки пришлось на опасный момент кризиса. Пусть, вопреки своей вспыльчивой натуре, Брес и не взялся за погром и разрушения, его сдержанность была напускной и хрупкой преградой. Потому в итоге мужчина прорычал:

— Я убью его.

— Нет, постой! Ты ведь так... разве ты таким образом не сделаешь только хуже? — Не достаточно убежденно и твердо для голоса разума пролепетал Энки. — Видимо, ты... ну... хочешь получить эту женщину, но разве так ты приблизишь ее к себе?

— Да что ты понимаешь! — Взмахнул рукой Брес, вскакивая из кресла и начиная мерить беспокойными шагами площадь своего жилища. — Видел бы ты, в кого этот хряк ее превратил! В рабыню! В покорную, безответную слугу! Может, я ошибся? Может это, правда, не она? Потому что я помню эту женщину! Она скорее умрет, чем покорится кому бы то ни было. Даже мне, Энки, даже мне! Она не приняла меня, а его... Я отказываюсь в это верить. Этого жирного, старого, уродливого борова. И он командует ей, прикасается к ней, называет ее своей женой. А она ему это позволяет! Проклятье!

И вот в чем его проблема: главным преступлением Бресу виделось не то, что он опять опоздал и позволил случиться этому нежелательному замужеству. Его выводило из себя осознание того, что Айрис забыла его. Что она его не узнала. Что отвергла давным-давно, чтобы потом называть своим супругом какого-то маломощного уroda.

Казалось бы, Брес усвоил много жестоких, но полезных уроков за время, проведенное на земле. И тем не менее его это от этого меньше не стало. Возможно, оно даже ширилось: ведь теперь он мученик, прошедший через такие тернии, которые и узники Аида не видели, что говорить о праздных небожителях.

И Энки хотелось было сказать об этом старшему брату. Сказать, что в этом и есть суть проклятья, которое он должен терпеть мужественно, делая при этом выводы, чтобы в дальнейшем не наступать на те же грабли. Ведь в том, что теперь происходит, виноват только он один. Айрис вполне объяснимо сейчас называет своим супругом другого, поскольку Бреса не было рядом, когда ее обедневшие родители решались на брак по расчету.

Но младший молчал, зная, что к таким выводам Брес должен прийти сам. А еще, потому что, банально, жить хотел.

К выводам, Брес, однако, пришел нескоро. Зато у него отыскалось в достаточной мере безумия, чтобы с тех пор начать преследовать несчастную женщину. Он называл ее старым именем, рассказывал об их совместном коротком прошлом, о проклятии. Говорил все то, что накопилось за года, проведенные в одиночестве. Чего он добился?

Для нее — страх, паранойя, слезы. Для себя — ревность, отчаянье, ярость теперь уже в двойном размере.

Однако нельзя было сказать, что их разговоры прошли за зря. Однажды наступил тот день, когда Айрис, словно припомнив забытый сон из своего детства, узнала его. И хотя детали их прежнего житья-бытья в ее памяти не отпечатались, она помнила главное: Брес — опасный лжец, в день встречи с которым она потеряла буквально все.

— То есть... уже совсем скоро. — Прошептала Айрис однажды, когда мужчина дерзко появился в ее заволоченной ночью спальней. — Двадцать один год, да? Хорошо.

И легла на подушки, закрывая глаза. Словно Брес только что спел ей колыбельную, а не предсказал скорую кончину. Нет, она не стала рабыней, как он имел неосторожность заявить. Теперь, смотря на нее, отстраненную и спокойную, Брес вновь наперекор внутреннему сопротивлению вынужден был признать: она по-прежнему сильнее него.

А он устал. Так смертельно устал от вины и безысходности, что, казалось, найдет покой лишь в ее объятиях. Но она опять отвернулась от него.

— Предпочитаешь своего мужа? — Ожесточенно усмехнулся Брес. — Ублюдок даже не знает, кто ты! Из всех людей на этой гребаной планете один только я знаю это. И я ждал тебя все это время... ты, даже если захочешь, не сможешь представить, каково это... и теперь... вот такой конец?!

— Ты не меня ждал. — Отмахнулась она так привычно медленно и тихо. — А повода умыть руки.

— Ты ни черта не знаешь! — Прошипел оскорблено мужчина, расхаживая по ковру.

— А ты знаешь? Знаешь, что означает твое проклятье? Твоя борьба должна быть непрерывной. Нет смысла на что-то надеется, ждать какого-то определенного призрачного момента, который сулит тебе отдохновение. Такого момента нет и, кто знает, наступит ли он. Я умерла, так что ж? Я вернусь снова. А когда вернусь, то не задержусь здесь надолго. Моя роль в этом проклятии предельно проста: напоминать тебе о твоей цели. Смысл ждать меня, Эохайд Брес? Сегодня я замужем за другим мужчиной, которому не собираюсь изменять. В следующий раз я могу родиться слепой, глухой и немой. Или же я умру в ту же секунду, как только твой взгляд найдет меня. Не стоит забывать: я вынуждена приходить сюда не для твоего удовольствия, я для твоего страдания. Так зачем же меня ждать? Смешной ты...

Ему не было смешно. Ее слова распинали. Она отвергла его тело, что ж, он простил. Но швырять ему в лицо его полное боли ожидание, надежду, покорную жажду... были такие моменты, когда Брес откровенно боялся, что причиной ее смерти может стать именно он.

Не в этот раз. Элин, а для него навечно — Айрис, умерла через восемь месяцев от родов. Ребенок не выжил тоже.

На протяжении всего проклятья Айрис рождалась и умирала пять раз, словно по числу душ, которые он должен был уберечь от вечного огня. Но — и это проблема — он справился лишь с четырьмя. А ныне двадцать первый век Anno Domini. С момента их последней встречи прошло несколько столетий, и последнюю женщину, душу которой внепланово вознесли на небеса с его легкой руки, звали Жанна. И теперь, кроме прочего, Брес ждал Айрис, чтобы сказать ей: «Да-да, та самая Жанна. А разве я плох в роли Михаила?».

На самом деле, ему было бы в пору составлять огромные списки того, что с ней необходимо обсудить. Научно-техническая революция, освоение космоса, две мировые войны — разве не отличные поводы для милой беседы? Она так много пропустила! И ему нужно было передать ей хотя бы щепотку впечатлений свидетеля этих событий, коим он являлся.

Но с каждым днем, который Брес встречал вопросом «возможно, сегодня», а провожал «возможно, завтра», мысль о том, что «возможно, никогда» крепчала и доказывалась из года в год.

Так, возможно, уже никогда?

Потому что помимо Айрис, столько же лет Брес не видел и Энки, который выполнял роль посредника между своим старшим братом и небесами.

Но что поделывать, изменчивая природа людей выдумала себе новых богов, язычество как явление исчезло. А вместе с верой, кто знает, не исчезли ли сами боги?

И словно подтверждая свои догадки, Брес посмотрелся в единственное в его доме зеркало. Почему-то у него создавалось впечатление, что ранее он выглядел моложе и не столь угнетенно. А если его коснулась... нет, не коснулась, а просто подула старость, не стал ли он смертным? Может, его жизнь не так скоротечна, как у обычных людей, но вот оно — отражение — высказывает предположение, что и для него однажды состругают гроб.

Да, такова его суть: если люди не верят в то, что он всемогущ, значит он — обычный человек. Пройдет еще пара лет, и он вынужден будет с этим согласиться. А пока...

Словно развивая его мысль, но в обратном направлении, острое, уже позабытое чувство какой-то срочности охватило его. Возможно ли..? Вспомнить бы, когда такое было? Сто лет назад? Двести? Когда последний раз человек счел себя ничтожеством настолько, что решил обратиться к нему и честно оплатить его дорогостоящие услуги? Ну так он не против! Ему нужна их вера, их поклонение, их страх. Сколько бы лет не прошло, его сущность рожденного повелевать не изменится никогда.

Сила, власть, абсолютное спокойствие и уверенность в каждом движении, взгляде, слове — Брес наконец-то вновь почувствовал себя богом.

2 глава

Ну... ладно, да, он жалкий сукин сын до последнего рассчитывал, что вызвавшим его человеком будет Айрис. Чудесное стечение обстоятельств и все дела. И ведь некогда они именно так и познакомились. Ага. Кажется, жизнь его до сих пор ничему не научила.

И все же в одном Брес не ошибся: он понадобился именно женщине. И теперь она, дрожащая от волнения и слез, устала в разрисованный паркет — дела рук своих.

А ведь когда-то он дал себе зарок не вступать ни в какие деловые отношения с женщинами.

С тихим вздохом Брес присел перед ней, чем вызвал ожидаемую реакцию: заметив его, девушка вскрикнула и отползла к противоположной стене.

— Боже... Боже...

Да, в кои то веки это про него.

— Т-т-так это... п-п-правда? Правда?! Я... — Она задыхалась, рыдая, размазывая толстый слой туши по раскрасневшемуся лицу. — Я ведь поклялась, что убью себя, если ничего не выйдет.

Брес вздернул бровь. Пусть его появление и спасло ее, он себя героем не считал. В конце концов, не стоит забывать о том, что он работает не за «спасибо». И пока он молчаливо ждал условий, которые бы ему выдвинул человек, сам человек был слишком занят истерикой. И та уже перешла на новый уровень, двигаясь полным ходом.

Из-за размазанной косметики и мешковатой, черной, в стиле «отвали от меня» одежды возраст

смертной было трудно угадать. Возможно даже, это была располневшая девочка-подросток.

Устав от молчания, насыщенного давящимися всхлипами и тяжелым дыханием, Брес протянул платок. И надо было видеть, как на это отреагировала несчастная.

— И так? — Бодро спросил он, выводя ее на разговор.

Сминая пухлыми пальцами платок, девушка вперилась в мужчину слезящимся взглядом, кусая губы.

— Ты... ты... такой...

— ...готовый слушать твои условия.

— ... а я ведь... да, я хочу... — Она уставилась на него, нахмурившись, словно пытаюсь угледеть в его глазах все те блага, которые он может ей дать. — Ты заберешь мою душу?

Поджав губы, Брес кивнул.

— Ну и черт с ней! — Бросила зло девушка. — Ведь даже живя как последнее ничтожество, я все равно попаду в Ад.

Что ж, лучше ей не знать, что в Ад она не попадет. В связи с изменившимся мирозданием слуги Бресу больше не нужны. Ему нужны души для сохранения статуса бога, для продления собственной жизни, для поддержания тонуса, так сказать. Ее душу ждет полнейшее уничтожение.

— Хоть кому-то нужна моя душа... — Усмехнулась она обреченно. — И за нее я хочу... я хочу... быть счастливой.

И она с новой силой разрыдалась, так пронзительно, что Брес пожалел о том, что здесь появился. Этот человек впадает в крайности из-за пустяков. Ведь Эохайд готов был спорить: дело или в колледже, или в парне, или в родителях.

— Значит, деньги? — Предположил он, заставляя ее утихнуть. — Как много?

— Деньги? Деньги... да. Да! — Она продолжила комкать испачканный тушью платок. — Но... но что я буду с ними делать? Я хочу... хочу... — Девушка смотрела на него, кусая губы, которые уже готовы были озвучить несмелое желание: — тебя.

Брес тихо рассмеялся.

— Что?! Разве моя душа того не стоит? Ты тоже... тоже считаешь меня уродиной?! Так?! Конечно, ведь по сравнению с тобой...

Рыдания. Бесконечные. Визгливые. Жалкие.

— Перестань голосить, женщина! — Твердо произнес Брес, заставляя плакальщицу испуганно умолкнуть. — Скажу откровенно: мне нужна душа. Без разницы чья. И хотя в современном мире понятие девальвации относится в большей степени к человеческим душам, нежели к валюте, я готов на условия различной степени возмутительности. Но нужно уточнить, что ты имеешь в виду под «тебя»?

Кажется, она вздохнула с облегчением, после чего торопливо заговорила:

— Ты... должен во всем помогать мне. Словом и делом. Быть рядом. В свою очередь я не буду требовать что-нибудь... противозаконное. Убийства там, пытки... Но мне нужны деньги! И собственный дом! Огромный дом как можно дальше отсюда. И слуги. — Ее глаза зажглись от всех этих соблазнительных перспектив. — На десять лет.

— На пять. — Оборвал ее Брес, и когда ее глаза вновь наполнились слезами, добавил: — Но я не заберу твою душу по истечении срока, а приду за ней, когда ты умрешь своей смертью. — Это ее заметно успокоило. — Твое имя?

— Ми... ранда. — Она все еще заикалась от страха и восхищения.

— Откуда ты узнала обо мне, Миранда?

— Мой... мой отец работает в местном музее реставратором. Однажды он принес работу на дом... там была такая... кожаная тетрадка... с заклинанием призыва и символами, которые нужно было... начертить животной кровью. — Что-то Бресу подсказывало, что кровь, пятная паркет ее комнаты, не куриная. Мамина чихуахуа, быть может. — Это литературный памятник какого-то мохнатого века. Однако научное сообщество считает книгу подделкой... там очень много про... кажется, Александрию. И все на латыни. Пришлось перевод искать в Google...

Дьявол! Все это время ища книгу Айрис, надеясь, что после похищения римскими солдатами та уцелела, Брес даже представить себе не мог, что она находится в такой глуши. Хотя он уже привык, что когда дело доходит до поисков Айрис и иже с ней, он вынужден в итоге опускать руки. Не он находит ее, а она сама оказывается рядом. Как будто по чистой случайности.

— Слушай меня, Миранда. У меня тоже есть несколько условий, которые ты, как современный человек, должна понять. — С деловой серьезностью заявил Брес. — Во-первых, у меня должен быть один выходной в неделю. Во-вторых, не обессудь, но я заберу себе эту книгу. В-третьих, у меня будет своя личная собственность, на которую ты не имеешь права посягать.

Миранда загибала свои трясущиеся пальцы, кивая на каждое условие. И когда мужчина смолк, она недоумевала: «все?».

Брес молча протянул правую ладонь, словно собираясь «расписаться» простым рукопожатием. Однако Миранда медлила, заламывая себе руки.

— Если честно... у меня... у меня есть еще одно условие. — Она посмотрела на него исподлобья. — Это важно...

Ладно, в конце концов, Брес перестал быть неженкой и недотрогой еще в те времена, когда люди поклонялись солнцу. И любая ее просьба не удивит и уж точно не покажется ему невыполнимой.

— Слушаю.

Робко, очень тихо Миранда ответила. И... проклятье, зачем он согласился?!

* * *

— Кэри! Сюда! Сюда, я здесь!

Недаром люди, собравшиеся в зале ожидания аэропорта, оборачивались на эти вопли. Ведь их

можно было с легкостью принять за мольбу о помощи, а не приветственный восторг.

Таша за собой чемодан, Каролайн Атолл шла навстречу своему старшему брату, который теперь, размахивая руками, явно изображал утопающего. До их встречи с трогательными обниманиями оставалось несколько метров, которые позволили Кэри разглядеть лицо Чейза. Бледное, худое лицо человека, который даже в такой день не накинул на свои пристрастия хомут. Блестящие темно-карие глаза сказали его сестре, что этим утром он остановился на каннабисе.

Черт возьми, родители знали, что, отпуская его в мегаполис, лишь развязывают парню руки. Чейз не избавился от своей зависимости. Вероятно здесь его положение лишь усугубилось. Никаких проблем с тем, чтобы достать наркотик. Всегда есть единомышленники.

Что самое хреновое? Чейз не был обычным наркоманом. Он считал себя гением, и как следствие, все свои поступки — оправданными. Ради вдохновения он мог пойти на что угодно, и в этом уподоблялся безумному Нерону, который некогда поджег Рим, дабы закончить поэму в соответствующем настроении.

— Иди сюда. — Она обняла ее, и Кэри не могла сказать, что ей была неприятна эта близость.

Уткнувшись носом в его кожаную куртку, пропахшую дымом, она обняла брата в ответ. Негодование, даже гнев, испытываемые при этом, был не тем, обычным гневом, который выливается ругательствами на не угодивших посторонних. Так злиться можно лишь на самых родных, чья судьба вам не безразлична.

Однако не стоило портить этот день скандалом. К тому же двадцатисемилетний брат мог с легкостью послать ее по известному адресу вместе с моральями.

— Как долетела? Жива? — Рассмеялся он вечно хриплым, дребезжащим голосом.

Кэри кивнула, заправляя за ухо белую прядь, которая так возмутительно горделиво разместилась в ее черных волосах.

— Никогда не привыкну к самолетам. — Улыбнулась Кэри, жалея, что ее первые слова были непохожи на: «отлично выглядишь, рада тебя видеть». — Спасибо, что встретил. На самом деле, я могла бы взять такси...

— Зачем? У меня сегодня выходной. — Бросил Чейз, подхватив ее чемодан.

И как долго этот выходной длится?

— Как работа? — Ох, ладно, ей не стоило начинать их разговор с этой темы.

— Отлично. — Отрывисто ответил брат, как обычно в дверях не пропуская входящих, идя напролом. — Сейчас работаю над новым заказом.

Своим призванием Чейз считал живопись, но работал фотографом в местном филиале крупного издательства. И несмотря на то, что на его место претендовали еще с сотню сумасшедших трудоголиков, Чейз совершенно не держался за него. Или же, просто делал вид, что ему на все плевать.

Серебристая хонда с обитой краской на крыльях приветливо мигнула фарами. И когда Чейз убрал чемодан в багажник и уже прошел к водительскому месту, Кэри остановила его,

протянув руку.

— Что еще?

— Ключи.

— Брось...

— Чейз, давай ключи.

— Ты знаешь, каково это, когда баба рулит, а мужик сидит рядом?

— Я не позволю тебе сесть за руль в таком состоянии.

— Бьешь меня по яйцам.

— Сделай мне такой подарок.

— Ты не знаешь дороги, а я довез бы нас за пять минут.

— Кто спорит. Будешь моим штурманом. Пожалуйста.

Он все верно понял. И раздраженно вложил ключи ей в руку.

— Первый и последний раз. — Проворчал Чейз, обходя машину.

Первые метры они ехали в напряженном молчании. А потом брат не выдержал:

— Тащимся, как калеки.

— Родители передают тебе привет. — За все восемнадцать лет, которые они прожили под одной крышей, Кэри научилась общению с Чейзом. Агрессия в случае с ним совершенно бесполезное оружие. — Ты не звонишь им.

— Да-а... — Чейз потянулся к бардачку, доставая сигареты и зажигалку. — Времени совсем нет, знаешь.

Конечно, знает, что дело не в этом. И своим приездом она, кроме прочего, надеялась наладить их семейные отношения.

— Как они?

— Неплохо. Хорошо. Беспокоятся за тебя. И... я привезла мамин жаренный хворост.

Помолчали.

— Перестройся. На следующем указателе направо.

— Я хочу, чтобы ты знал, Чейз, я не стесню тебя надолго. Как только решится вопрос с общежитием, я сразу же...

— Какого черта, Кэри?! Вы все ведете себя, как будто я чумной.

— Нет, дело...

— У меня квартира. Три комнаты. Зачем тебе жить в гребаном общежитии? Мы же семья.

— Да, я... просто подумала, что тебе будет... неприятно. Ты все эти три года жил один, и теперь делить с кем-то территорию...

— Ты не «кто-то». — Затянувшись, он надолго задержал дыхание, после чего выпустил терпкий дым в приоткрытое окно. — Тот институт, в который ты перевелась... они уже дали тебе ответ, да?

— Осталось пройти собеседование.

— Пройдешь. — Со спокойной убежденностью ответил Чейз.

Считая себя первым гением на земле, Чейз второе место присуждал Кэри. Потому просто не мог даже допустить мысль, что какой-нибудь университет, каким бы Олимпом в мире студентов тот ни считался, может отказать Кэри в месте. Даже если та переводилась со второго курса из-за какого-то убудка, который начал ее преследовать и буквально вынудил переехать. Подробности этой истории он не знал, но уверен был в одном: надо быть полным козлом, чтобы досадить Кэри настолько, что она решила покинуть семейное гнездо.

— Так вопрос с жильем решен? — Поинтересовался Чейз, на что Кэри кивнула. — Отлично, а то я последний месяц живу на китайской еде.

* * *

Квартира Чейза и вправду была трехкомнатной, однако из-за чрезвычайной нагроможденности вещей, которые обычный человек счел бы мусором, она теряла свой простор едва ли не на половину.

Стоило Кэри переступить порог этой типичной холостяцкой берлоги, как в нос ударил запах скипидара и немытого полгода холодильника. Да, ее брат был совершенно точно не знаком с фэн-шуйем. И его нельзя было переспорить, ведь гению виделось, что все вещи находятся на своих местах.

«Властитель хаоса» знакомил сестру с ее новым домом, что-то увлеченно говоря о том, что она сделала правильный выбор. Жаль только, ее вынудил принять это решение какой-то зарвавшийся мудака. Но ей тут понравится, а вот кстате его последние картины. Она тоже находит их весьма эксцентричными и живыми? Нет, это не взбесившаяся лошадь, это обнаженная женщина, молящаяся Анубису.

Через час вещи Каролайн были разложены в меньшей из трех комнат (одна была спальней брата, вторая, самая большая, — его мастерской), и теперь они сидели вдвоем на кухне, обои в которой заменяли фотографии, и грызли сладкий хворост, запивая его чаем.

В сложившемся молчании, которое в виду родственности и духовной близости обоих было вполне уютным, Кэри украдкой рассматривала брата.

Она не видела его три года. Сам Чейз никогда к ним не приезжал, памятуя напряженные отношения с родителями, а особенно с отцом. Ведь их старик ненавидел в Чейзе больше его тягу к «творчеству», чем к наркоте. А как еще заполучить в лице человека врага, как не сказать ему в лицо, что то, что делает его счастливым, — сущее дерьмо? Ведь только в ту минуту, когда Чейз мучил кисти, изводил холсты и раскидывал по ним краски, он чувствовал

себя по-настоящему счастливым.

И вот за эти три года Чейз сменил несколько квартир и работ, перешел на что-то посерьезнее конопли и, как следствие, еще сильнее похудел. В двух словах: они стали еще более непохожими. К слову, их непохожесть отмечали и родственники и мимолетные знакомые. По какой-то генетической шутке Чейз был ниже Кэри, что считал своим основным недостатком. Тогда как для его сестры главной занозой в заднице были отмеченные сединой бровь и ресницы, которые она старательно маскировала косметикой.

Однако седина была (пусть и самым главным) не единственным ее изъяном. От других девушек Кэри отличалась еще полным отсутствием стиля. Кажется, природа что-то напутала в своем графике и наградила художественным вкусом (каким-никаким) ее брата, а Кэри вынудила каждый раз перед выходом из дома простаивать часами у зеркала. Каролайн даже при наличии средств не могла одеться так, чтобы выставить себя в выгодном свете, а не посмешищем. Бесцельно и долго она примеряла то одну юбку, то другую, думала, какая блузка к ней подойдет, какой цвет будет смотреться выигрышно с оттенком ее лица... но все было тщетно. Тайная наука женского очарования, которую с такой легкостью осваивали ее подруги, для Кэри так и осталась недостижимой вершиной.

Потому теперь, кроме прочего, она думала с содроганием о предстоящей учебе. Ведь первые дни на новом месте ей необходимо выглядеть на все сто. А зная себя, не стоило рассчитывать даже на пятьдесят. Ох, боже, были же времена, когда женщина не ломала над этим голову, так как все ее нехитрое убранство было однотипным и немногочисленным. Теперь же в жуткий потребительский век изобилие словно в насмешку ставило человека перед, кажется, несуществующим выбором. Кэри ненавидела шопинг: для нее зайти в торговый центр означало попасть в лабиринт Минотавра без нити Ариадны.

Но, видимо, придется: прихлопнув себя по коленям, Чейз встал и медленно выпрямился, словно готовый огласить волю императора (себя самого).

— Раз уж у меня выходной, покажу тебе центр. Поверь мне, ты обалдеешь.

Кэри охотно поверила.

3 глава

Чейз не имел дара ясновидения, однако, как он и сказал ранее, Кэри успешно прошла собеседование и теперь уже могла полноправно называть себя студенткой третьего курса факультета лингвистики. Кафедра древних языков. И хотя ее образование в дальнейшем не сулило перспективы хорошо оплачиваемой работы, Кэри была счастлива.

Она уже успела позвонить маме и сообщить о своей маленькой победе и теперь собиралась по пути домой зайти на почту. Нужно было забрать отправленные из дома книги... чертову тучу книг. К сожалению, Чейз в комплекте с машиной сегодня не поставлялся: брат укатил на свою работу. Точнее, снизошел до нее.

Выйдя за ворота кампуса, Кэри дошла до светофора и вместе с остальными стала ждать стартового флажка. Рядом, перейдя на бестолковый язык сплетен и слухов, по мобильному телефону тараторила молодая девушка. Девушка, которая в отличие от Каролайн, полностью соответствовала тому, что в это слово вложено. Привлекательная, худенькая, с идеальной прической светлых волос, модным маникюром, одетая с иголки во что-то явно итальянское. И, странное дело, но эту блондинку, так же как и маму Кэри, телефонная трубка чудесным образом переносила в иную реальность. Миссис Атолл, так же как и эта дамочка, от момента

«принять вызов» и до момента «отключить» не принадлежала этой земле и плевать хотела на любое сумасшествие, пусть даже оно бы развернулось прямо перед ее носом.

Так думала Кэри, когда кричащий секунду назад красным светофор дал отмашку, увидев которую, блондинка стартовала. Однако она не успела уйти далеко: чужая рука резко и настойчиво дернула ее назад... успевая убраться с пути несущегося, как адская гончая, кроссовера.

Телефон выпал из рук девушки, не оставляя надежды: разобьется. Окаменев на мгновение, блондинка провозжала долгим, напуганным взглядом машину... после чего разразилась такими цветастыми ругательствами, что окажись здесь и сейчас уголовники, и ребята значительно обогатили бы свой словарный запас.

Кэри втянула голову в плечи, когда взгляд девицы обнаружил своего спасителя.

— Вот же сукин сын! — Воскликнула потерпевшая, смотря на Каролайн и обращаясь как будто к ней. — И почему у нас отменили, мать ее, смертную казнь, хочу я знать после такого! Надеюсь этот ублюдок когда-нибудь поймет, что единственный выход для него — эвтаназия!

Ну... что тут скажешь?

— Подонок! Не поверишь, этот iPhone уже десятый... всего неделю прожил. — Она подняла телефон, бегло оглядывая его растрескавшийся дисплей.

— Простите. — Не нашла что еще сказать Кэри.

— Смеешься, что ли? — Фыркнула блондинка, окинув ее критическим взглядом. Отмечая это несуразное коричневое платье, туфли на широком каблуке и тренч ярко-желтого цвета. — Мне муж новый купит.

А, ну если так...

— А ты что... из университета, что ли? — Миссис «мой муж подкаблучник» посмотрела на прозрачную папку с бумагами, которую Кэри прижимала к груди. Герб учебного заведения на самом верхнем листе не оставлял альтернативы. — Я тебя никогда раньше не встречала, а такое «чудо» трудно не запомнить...

— Я перевелась. — Ответила тихо Каролайн, следя за светофором, который уже успел дважды поменять свой цвет. — На третий курс.

— О, неужели, я тоже на третьем. Чего ты так уставилась? считаешь, я не могу получить высшее образование?

— Нет, почему же...

— Чертово образование. Думаешь, тебя там чему-то научат? Какой-то фарс... — Она надменно хмыкнула, кидая разбитый телефон в сумочку. — Мой муж работает там.

— Ого. — Без особого энтузиазма протянула Кэри, откровенно не понимая, почему девушка рассказывает ей об этом, и почему она это слушает. — Ну так...

— И какая специальность?

— Лингвистика.

— Скукотища. — Припечатала собеседница. — Но, очевидно, журналистика — выбор исключительно сильных.

— Кто спорит.

— Что ж, лингвистика... при таком раскладе, мы еще встретимся с тобой. — И она улыбнулась так, словно только что оказала великую милость. — Я — Миранда.

— Каролайн.

— Какое деревенское имя. — Девушка расхохоталась. Так заливисто и неумолимо, что Кэри списала всё на посттравматический синдром, только что пережитый бедняжкой. — Но, не переживай, я думаю мы все равно с тобой поладим.

Какое облегчение.

— Сразу хочу предупредить, здесь учатся сплошные придурки.

Ох, похоже на то.

— Но мне нужен этот чертов диплом, потому что без него... не могу же я все время сидеть на шее мужа, да? Эти мужики, ко всему прочему, так непостоянны.

— М-да...

— У тебя что, какие-то логопедические отклонения?

Миранда говорила быстро, хлестко, не пользуясь фильтром между мыслью и словом. Скорее всего, из-за отсутствия такового. Тогда как Кэри привыкла думать даже прежде чем подумать. Потому сейчас героически смолчала.

— Неважно. — Кинула Миранда, поворачиваясь к Кэри спиной в ожидании зеленого света. — В любом случае, верю, что ты сделаешь правильный выбор. А ривидерчи.

И она летящей походкой самого беспечного и легкомысленного человека на этой планете устремилась вперед, оставляя Каролайн за своей спиной. И на беду последней на этот раз никто из водителей не решился нарушить ПДД.

* * *

Чейз никогда не был хорошим братом, потому Кэри откровенно не понимала его нынешнее желание сыграть эту упущенную роль. И все же, когда в первый день ее занятий, брат попросил встретиться с ним возле его работы, Кэри не нашла слов отказа.

Она прождала его с двадцать минут в ресторанчике китайской еды, но не высказала негодования по поводу опоздания Чейза, когда тот ввалился, под звон колокольчика. Времени у него было немного, что, безусловно, радовало (ведь это означало, что Чейз в кои то веки взялся за работу и голову). Потому пока брат иллюстрировал выражение «набивать желудок», Кэри рассказывала о своем первом дне в новом университетском окружении, волнительно терзая салфетку при этом.

Учебный план ее вполне устраивает. Вроде никаких лишних предметов, что безусловно, характеризует университет с наилучшей стороны. Те профессора, с которыми она сегодня познакомилась, также птицы высокого полета — все мастера своего дела. Много часов

отводится на древние языки, что не может не радовать, ведь это ее специальность. В прошлом институте все было наперекосяк: куча ненужных семинаров и такой замечательный предмет как зарубежная литература вел какой-то старый зануда. И Кэри надеется, что на этот раз судьба избавит ее от этой муки: слушать перевод интереснейших лекций на скучнейший язык уставшего от жизни человека. Она даже знает фамилию профессора — мистер Эохайд. Видеть его Кэри еще не видела, однако она знает его жену. Трудно поверить, конечно, но миссис Эохайд тоже учится на третьем курсе, хотя старше Каролайн на пару лет. Почему администрация университета не выгнала мужчинку за совращение студентки? Насколько Кэри знает, они поженились раньше, чем приехали в этот город, а это было как раз три года назад. К тому же, этот профессор пользуется каким-то нездоровым уважением, скорее даже, обожанием местного педагогического состава и студентов. А еще он главный попечитель университета. Так что, да, его там все буквально боготворят... в отличие от его жены.

Даже трудно представить, что таких людей может объединять, если только не пресловутый закон противоположностей. Ведь насколько студенты любят ее мужа, настолько они ненавидят Миранду. Несмотря на ее положение и, кажется, весьма неплохую денежную обеспеченность, Миранды все сторонятся, а обсуждают ее даже больше, чем Бритни Спирс. Говорят, что она раньше была страшноватой толстушкой, но сделала себе ряд пластических операции и — вуаля. До того как переехать, она вместе с мужем жила на Мальдивах, где придерживалась философии Эпикура. Удовольствие высшее благо и все такое. Кто знает, что заставило ее измениться и взяться за учебу... но лучше бы она оставалась на берегу Индийского океана.

Пусть она и плюет на чужое мнение и живет, как хочет, выглядит при этом Миранда откровенно плачевно. Ведь у нее не то что друзей нет, но нет даже прихлебателей, хотя, казалось бы, ее статус обеспечил бы ее если не первым, то вторым — точно.

— Хм. — Чейз поднял взгляд от своей трапезы. — Кажется, в ряды ее друзей просится доброволец.

— Ох, Чейз... — Вздохнула Кэри, подпирая подбородок руками. — Ее дружба — меньшее, чего я хочу. Но она вцепилась в меня. Я как свежее мясо. Ей и не нужны друзья, если говорить откровенно. Ей нужны завистники, поклонники... нужны те, кому бы она показывала дорогие наряды, украшения... своего мужа, и кто бы отвечал ей взглядом «ах, почему на ее месте не я». А от ее однокурсников этого не добьешься. Понимаешь?

— Я не понимаю одного. Тебя ведь не заставишь идти против совести. Так зачем тогда тебе эта Миранда?

— Антисоциальный инстинкт. — Горестно простонала девушка, закрывая лицо ладонями. — Ты же знаешь.

Чейз знал: его сестра следовала какой-то безумной концепции, согласно которой она противопоставляла себя толпе. Это никогда не доходило до абсурда: Кэри не говорила «черное», когда все повторяли «белое». Но если люди дистанцировались от какого-нибудь изгоя, она отчего-то принимала сторону последнего.

— Ты не выжила бы во времена... скажем, античности. — Заключил после недолгого молчания Чейз, ковыряясь палочками в своей тарелке.

— С чего это?

— Посмотри, ты ведь сейчас не ходишь в церковь?

— Я агностик.

— А тогда, уверен, была бы первой в числе замученных христиан. В этом вся ты. Ты словно постоянно споришь с кем-то. Делаешь кому-то назло.

— С Мирандой не все так просто. — Покривила губы в блеклой улыбке Кэри. — Она навязчивая, нервная и тщеславная, но именно в этом ее главные плюсы.

— Ты температуру мерила? Бредишь, кажется.

— Ее высокомерие избавляет меня от необходимости делиться сокровенным, понимаешь? За сегодняшний день я узнала о ней и ее муже так много, что, кажется, могла бы писать автобиографию голубков. А она обо мне не знает ничего. Ей это и не интересно. Она не лезет мне в душу и, как следствие, никогда в нее не наплюет. Я чувствую себя рядом с ней вполне уютно. С ней можно свободно молчать — и этого вполне достаточно для поддержания наших отношений.

— А может их просто не нужно поддерживать?

— Вступить в ряды ее оппозиции я не смогу принципиально. Быть одиночкой — тоже. Тем более, не стоит переживать, наша «дружба» не продвинется за стены университета... — Словно оспаривая ее убежденность, в сумочке завибрировал мобильник. — Ох, прости, Чейз...

— Без проблем. — Кинул брат, разделяваясь с остатками лапши и следя исподлобья за тем, как девушка подносит сотовый к уху.

Глаза Кэри расширились, стоило высокому, торопливому голосу задрезать в динамике.

— Знаешь... сегодня, наверное, не получится. — Еще больше тонкого, почти визгливого «бла-бла-бла». — Я пообещала провести вечер с братом. — Ох, видит бог, циркулярная пила звучала музыкальнее. — Да, но ведь это не срочно, правда? Завтра? Завтра, вполне. Да. С удовольствием. Пока.

— Уже продвинулась. — Догадался Чейз. — И что это? Поход в зоопарк? Быть может, в цирк?

— И то, и другое. — Отозвалась Кэри, тоскливо глядя за окно, возле которого они сидели. — Она приглашает меня к себе домой.

4 глава

Дом Миранды, однако же, был похож на зоопарк и цирк в равной степени... никак. Сказать откровенно, его и домом-то можно было назвать с натяжкой. Ведь стоило им подъехать к кованым воротам, как в голове Кэри вихрем взметнулось «неужели-мы-приехали-в-гости-к-Людовику-Солнце»?

Как странно — несколько минут по шоссе, и они оказались во Франции. Ведь, бог свидетель, этот «дом» был замком Шамбор.

Кэри знала, что в эту самую минуту Миранда внимательно следит за ее реакцией, но не собиралась скрывать свое удивление совершенно. Пусть насладится своей победой, сегодня ее праздник. К тому же, чуть позднее Кэри признает, что это был не единственный сюрприз, который довел ее до непривычного состояния «ох-ты-ж-черт».

— Ну как тебе? — С напускной прохладцей поинтересовалась Миранда, вылезая из красного порше.

Так, что я не совсем понимаю, зачем, имея все это, ты решила получать образование? Ведь, факт остается фактом, твой муженек полюбил тебя не за мозги.

— Красиво. — Кивнула Кэри, на что Миранда закатила глаза.

— Могла бы придумать что-нибудь получше.

Могла, но к чему? Все то, что «получше», Миранда увидела во взгляде Каролайн, который был куда более красноречив. К тому же, лезть никогда не входила в экипировку Кэри, при завоевании симпатий. Особенно если дело касалось Миранды, ведь они обе понимали, что им никогда подругами не стать. Их отношения скорее можно было назвать сотрудничеством.

Кэри нужно было прижиться на новом месте, обзавестись узким кругом знакомых, о которых можно было бы рассказывать семье и с которыми можно было бы перебраться бесмысленным «привет-пока». Кто не давал бы другим судить о тебе, как об отверженном плохише и одиноком недоумке.

Что получала Миранда от этого симбиоза? Как Кэри и сказала давеча брату, Мира абсолютно не умела сопереживать, слушать и давать советы. То бишь, понятия дружбы как такового для нее не существовало. Все что ей нужно было от постороннего человека: а) глаза, которыми бы он увидел и оценил ее богатства: от силиконовой груди до цветовой гаммы парадной гостиной. б) способность выдавать нечленораздельные звуки типа «уау», при виде ее коллекции машин и «шалаша», — этого бы вполне хватило. Ну и на крайний случай, если первое и второе не сработало — в) ты должна быть не фригидной женщиной, способной оценить (исключительно зрительно!) ее мужа, о котором ходили слухи разной степени непристойности.

На пороге особняка хозяйку встречал стереотипный седовласый дворецкий, который почтительно доложил, что мистер Эохайд хоть и дома, очень занят и просил отнестись к его (а значит и ее) делам с пониманием.

На лицо Миранды нашла тень. Обернувшись через плечо, она окинула Кэри быстрым взглядом.

— Ну и черт с ним. — Пожала хозяйка плечами, поразительно походя при этом на капризную девочку. — Обойдемся без него.

Обходились без «него» Миранда и Каролайн вплоть до полуночи, следуя стандартному сценарию «снизу-вверх», «слева-направо» при знакомстве с домом. Запнулись они лишь на одном пороге — библиотечном. И, конечно же, исключительно при содействии припозднившегося восхищения Кэри, которое в тот момент она не могла, да просто не хотела скрывать. И хотя Миранда и не рассчитывала, что ее жертва достигнет нужной кондиции именно в этой комнате, все же охотно поощрила девушку, позволяя войти в... книгохранилище Гарвардского университета, говоря откровенно.

— Откуда... откуда столько? — Шептала Каролайн, стремительно измеряя длину стеллажей шагами. — Боже, ты только посмотри на это...

Не сдержав порыва, она коснулась пальцами корешков книг, идя вперед, позволяя руке скользить по приятной гладкости томов.

— Это все Бре... ндана. Он становится совсем ненормальным, когда дело доходит до его книг. А

ведь столько места занимает эта макулатура...

Неохотно, но неизбежно, в голову Кэри закралась недостойная ввиду своей схожести с завистью мысль, что Миранда не имеет права выказывать недовольство по поводу этой части жизни своего мужчины. Ведь — вот оно, настоящее богатство — мудрость веков, мысли величайших людей, сама жизнь на тонких страницах...

Кэри готова была разрыдаться от досады, ведь одного взгляда на все это великолепие хватило, чтобы осознать, насколько она еще глупа и необразованна. А жизнь одна, отчего она не сможет прочитать даже половину этого книжного собрания, даже если бы поселилась в этой комнате, — выше головы не прыгнешь.

— И ведь всё только лучшее... — Шептала Кэри опьянено по пути в личные чертоги Миранды. — Никой политики. Никаких кодексов. Только литература.

Она уже не могла дожидаться лекций по зарубежной литературе! Господи, поговорить бы с человеком, который за столь короткое время (сколько ему? Тридцать? Сорок?) смог окружить себя такими завидными друзьями: Платон, Сенека, Гете, Данте, Шекспир, Байрон... и еще, еще больше, несравнимо больше.

Потому, когда они дошли до личной территории миссис Эохайд, Кэри отказалась от вина: она и так едва держалась на ногах.

— Смотрю, тебя пробрало. — Насмешливо протянула Миранда, расхаживая по своему будуару, пока Каролайн приходила в себя, сидя на краешке кровати king size. — Ну... раз уж ты так тащишься от книжек, я поговорю с Бренданом. Можешь иногда к нам заглядывать.

— Нет. Спасибо. Я могу все необходимое найти в интернете, ты же знаешь. — Пробормотала сдавленно Кэри, ненавидя себя за эту ложь.

К черту интернет! Она хочет иметь такие же трофеи, как и мистер Эохайд. Целый этаж таких же тонколистных, прочитанных от корки до корки, покоренных мыслью трофеев.

— Ну как хочешь. — Надменно хмыкнула девушка.

Пригубив элитное красное сладкое, Миранда не стала ждать приглашения, потому сразу перешла в наступление: она выпотрошила из гардеробной все свои дизайнерские шмотки, продефилировала в лучших комплектах белья от «Victoria`s secret», продемонстрировала пар с сотню итальянских туфель, познакомила с коллекцией французских духов... в общем, занималась совершенной бесполезностью, не желая понимать, что Кэри уже достигла предела своего удивления в той библиотеке.

Коротко: у богатой миссис Эохайд было все. Все, кроме доказательства счастливой супружеской жизни: фотографий их пары в рамках-сердечках, толстенных альбомов с совместных годовщин и отпусков, глупых открыточек-валентинок...

Прикончив бутылку вина самостоятельно, словно та была — стаканом Бон-Аквы, Миранда перешла на напитки покрепче, потому достала из бара вермут, отказавшись от льда. Очевидно, ей было не в первой коротать таким образом вечера, от чего Кэри стало ее искренне жаль. Может, она поспешила с выводами насчет порядочности ее мужа? Ведь, пусть даже стерва, Мира была симпатичной женщиной в полном расцвете сил. Ей нужно было мужское внимание, особенно в такие вот вечера и ночи.

Так и оставшись в каком-то кружевном, неприлично прозрачном комплекте, она плюхнулась на кровать рядом.

— Это все — натуральное. — Миранда провела ладонями по телу, сжав груди. — Верить?

— Какая разница? — Попыталась изобразить дружелюбную улыбку Кэри.

— Ты так думаешь? — Блондинка раздраженно усмехнулась. — Большая разница. Для мужиков разница огромная. Им подавай натуральную.

— Ясно.

— Кому охота спать с силиконовой куклой, ну?

— Не говори так.

— Он смотрит на меня как на дешевку. Он презирает меня, я знаю...

— Брось, это не правда. Ведь он женился на тебе.

Миранда расхохоталась. Так заливисто-истерично, что Кэри посмотрела на нее обеспокоенно. Катаясь по кровати, девушка смеялась от души (или же это был эпилептический припадок?), колотя кулаками по атласному покрывалу.

— Да, женился! Сделал мне предложение... — Она откинулась на спину, закрыла глаза, как будто придаваясь воспоминанием. — Это было на берегу Тихого океана. Он преклонил передо мной колени, сказал, что... я — единственное важное в его жизни. Да, так и сказал. И подарил мне кольцо с огромным алмазом. А какое на мне было свадебное платье! Не помню, куда дела его... в общем-то, Кейт Миддлтон сдохла бы от зависти — вот какая свадьба! Ох, а какой была первая брачная ночь... — И Миранда низко, игриво рассмеялась. И хотя Кэри не хотела слушать пикантные подробности, миссис Эохайд была неумолима. — Знаешь, я никогда не видела такого большого, ну ты понимаешь о чем я, не так ли? Боже, а какой он нежный... как отбойный молоток.

— Ну... понятно, ага.

— Он трахается, как бог... или дьявол. Зависит от настроения. — Еще больше невменяемого смеха. — И обязательно следит за тем, чтобы я кончила первой...

— Эм... какую музыку слушаешь? — Кэри кивнула на большой музыкальный центр, пытаюсь отвлечь Миранду от эротических фантазий.

Не особо тактично, конечно, но получилось: Миранда встала с кровати, подошла нетвердой походкой к технике и уже через мгновение дом сотрясся от басов. И кто, спрашивается, тянул ее за язык?

Однако долго эта вакханалия не продлилась. Хватило минут пятнадцати, чтобы Мира осушила бутылку вермута наполовину, изобразила под музыку припадок экстаза и в результате, бессознательная, рухнула на постель. И почему-то, стоило Кэри печально оглядеть распростертое тело, сложилось странное впечатление, что таким образом завершался каждый день миссис Эохайд.

Пройдя к музыкальному центру, Кэри оборвала Джастина Тимберлейка на полуслове, после

чего подхватила свою сумочку и осторожно покинула покои хозяйки дома.

Выйдя за дверь, она несколько растерялась: площадь особняка была в самом деле огромной, и хозяевам сих хором стоило бы задуматься над размещением указателей. Потому, потратив некоторое время на блуждание по извивам коридоров, Кэри наткнулась на лестничный проход. Спустилась на третий, второй этаж... тишина и пустыньность особняка, погруженного в ночь, были на стороне ее порочного желания. Потому покусав в раздумье губу, переступив с ноги на ногу, Каролайн все же повернула в сторону библиотеки.

Мысленно ругая себя за то, что даже дышит и шагает как воровка — тихо, с носка на пятку — она достигла желанной цели. Домашняя библиотека семьи Эохайд была утоплена в торжественной тишине и неприкосновенном мраке. Потому Кэри не посмела включить верхний свет, вместо этого взяла в руки мобильник (заодно ответив на беспокойное СМС брата) и зажгла фонарик.

Гораздо позже, задумавшись над тем, какого, собственно, черта она вообще туда пошла, Кэри не сможет дать вменяемый ответ. Просто это было для нее как... прикоснуться к пирамидам в Египте, или же подняться на смотровую площадку Эйфелевой башни в Париже. Библиотека казалась ей местной достопримечательностью, потому Кэри не могла уйти так запросто.

И да, стоило ей переступить заветный порог, и Кэри поняла, что понятие Хроноса в этом помещении не существовало. Не для книг. Не для нее. Потому один бог знает сколько времени она провела в кромешной темноте, перелетая от одной книге к другой и лишь иногда нарушая тишину шокированным выдохом или фразами: «оказывается есть третий том?», «с автографом!» или «с ума сойти, не искалечено цензурой».

Но, конечно, ее беспредельному счастью все-таки пришел логичный конец. В отдалении раздался звук открываемой двери, мягкие шаги, щелчок, и свет резанул глаза. Притихнув и замерев, Кэри сжала в руках открытого Петрарку. И что-то ей подсказывало, что вошедший — не Миранда, решившая с похмелья полистать «макулатуру».

Шаги замерли. Зазвучали снова, становясь отчетливее, ближе. Стиснув зубы, Каролайн поставила книгу на ее прежнее место, после чего рванула за соседний стеллаж. Конечно, она понимала, что ведет себя как идиотка, но, даже если так, ей, правда, не хотелось сталкиваться со всеми этими «какого дьявола вы тут делаете?»

Эта бестолковая игра в прятки продолжалась недолго. И вот уже, кажется, показалась дверь, еще один поворот...

Врезавшись в мужской торс, Кэри испуганно отскочила назад, наткнувшись на стеллаж, который опасно зашатался. И это расстояние, кажущееся необходимым в первую секунду, совершенно ей не помогло. Расстояние лишь усугубило ситуацию, потому что дало рассмотреть полностью того, кого Миранда по какой-то безумной ошибке называла своим мужем.

Итак, первая встреча Каролайн с мистером Эохайдом, была похожа на космическую катастрофу — такая же грандиозная и совершенно бесшумная.

* * *

Он пугает ее, дьявол! Собственно, это было второй мыслью, которая возникла в голове Бреса, стоило ему увидеть дрожащую девушку, отвернувшую от него свое лицо так стремительно, словно его появление с некоторых пор доставлялось лишь в комплекте с приказом «глаза в пол». Хотя, разве с ней когда-нибудь было иначе?

Что касается первой мысли? Это было каким-то сумбурным, нерасчленимым потоком из «наконец-то-ты-пришла-прости-ждал-люблю».

И вот теперь Брес задержал дыхание, сжал руки в кулаки и уставился на нее. Возможно, Айрис подумала, что он сдерживает себя от насилия... но погодите-ка, ведь все так и было. Потому что стоило ему ее увидеть, и он превратился в долбаного слабака, который желает сократить эти несколько метров и крепко обнять ее. Гребанные метры, как будто ему не хватило чертовы уймы столетий, разделяющих их.

Но теперь все хорошо. Да, теперь она здесь, рядом, пусть и недостаточно, но близко. И Айрис просто нужно было сказать это. Сказать, что теперь — с ним, с ней — полный порядок. Что она никуда не собирается. Потому что, бог свидетель, он устал от непрерывного ожидания, во время которого как бы ни старался, не смог ее возненавидеть.

Заговори же с ней, жалкий ты ублюдок.

— Я... Каролайн, мы с вашей... женой, с Мирандой... мы учимся на одном курсе. — Проговорила тихо Айрис, не собираясь тем не менее переходить к рукопожатиям. — Правда на разных... факультетах... ну и... просто, вы были заняты, вот я и...

Он был занят? Занят?! Что могло быть важнее ее появления здесь?! Почему он не поднял свою задницу и не удосужился просто взглянуть на гостью, званую его «женой»?! О, если бы он знал... черт его деря, он потерял несколько драгоценнейших часов!

— Я просто посмотреть... — Айрис все еще отказывалась смотреть в его глаза, волнительно теребя пуговицу на горловине своей блузки. — У вас очень... лучшая из мной видимых, на самом деле, библиотека...

Библиотека? Неужели Айрис не помнит, что великолепие и силу человеческого слова ему открыла именно она? Что только благодаря ей он понял, каким надменным остолопом был, считая себя выше и умнее людей. Так что эта библиотека — ее заслуга, а никак не его.

— Ваша жена заснула, и я собралась домой... в общем-то... мне пора...

К черту «жену». К черту «домой». И «пора» туда же. Оставлять его в данный момент в таком состоянии... это несравнимо коварнее, чем покидать на века, когда он уже смирился с ее уходом.

— Сколько тебе? — Хрипло спросил Брес, проклиная себя за то, что его первые слова, обращенные к ней после стольких лет разлуки, походили на вопрос из анкеты.

— Два... двадцать...

— Точно. С месяцами.

Ему нужно знать, сколько у него осталось времени. А она долго пыталась собрать мысли воедино и подсчитать.

— Девять... кажется... да, девять месяцев.

Мужчина мысленно простонал. Как мало. По сравнению с той вечностью ожидания, что растилась перед ним до этой самой минуты, как чертовски мало.

— Ну... в общем-то, ага... извините за вторжение... — Прошептала нервно Айрис, явно ожидая его «проваливай», чтобы разрушить скованность своего тела.

Да, точно, ему нужно поговорить с ней, потому что дело приобретает опасный оборот. Он уже столько раз проходил через это, делая ошибку за ошибкой. Как же все-таки трудно найти путь к сердцу этой женщины. И как мало он ее знал, чтобы теперь с легкостью найти безошибочные слова.

Конечно, Брес хочет сказать ей прежде всего о том, что уже потерял надежду и все это время терпел угнетающую повседневность только лишь затем, чтобы заглянуть в глаза Айрис и, наконец, во всеуслышание признать свою вину. И сказать, что любит. Что, вообще-то, он понял это давно... скорее всего, когда впервые ее увидел. Да, но, дьявол, его сопливая исповедь показалась бы ей бредом сумасшедшего! Она убежала бы, начала бы избегать его, ведь все это уже неоднократно пройдено им.

Тогда... сказать, что она его ничуть не побеспокоила и что, черта с два, он вызовет такси, пусть остается здесь? Зная Айрис, Брес мог предположить, что эти слова она встретит подозрительностью. Еще решит, что он имеет на нее какие-то виды... не то, чтобы это было не так, однако... С ней всегда так трудно!

Возможно, стоит все обратить в шутку? Но, честно признаться, шутник из него во все времена был хреновый.

Он попытался поставить себя на место обычного смертного, продумать тактику: как простой мужчина повел бы себя в такой ситуации, но все эти картины из его «жития»: его многовековая ненасытная жажда, ее повторяющаяся смерть, собственная боль ожидания... Брес хотел, но не мог сыграть с ней роль незнакомца, их объединяло слишком многое.

Потому он в итоге озвучил первое, что подвернулось:

— Какой факультет? — Иисусе, его голос звучал отвратительно. Невероятно сипло и низко.

— Э-э... это... лингвистика. Латынь и... греческий.

Айрис дрожала, продолжая терзать несчастную верхнюю пуговицу. И эти воспоминания накатили на него, воистину, не вовремя. Брес слишком хорошо помнил, какое великолепие находится под обилием этой ткани, под этой голубой блузкой с оборками, под джинсами, под тонкой тканью нижнего белья. Пытаясь (но, очевидно, безуспешно) скрыть жадный взгляд, Брес с досадой понимал, что все началось как нельзя хуже. Айрис опять боится его и наверняка думает над тем, какого черта он спрашивает ее об учебе в первом часу ночи.

— Почему именно древние языки?

— Ну... кроме прочего... — Она поморщила лоб, потом слабо улыбнулась: — *Quidquid latine dictum sit, altum sonatur* (что угодно сказанное на латыни, звучит как мудрость).

— Хорошо. — Это было вздохом облегчения.

Хорошо: ее прошлое не позабыто ей окончательно. Хорошо: она учится там, где он по глупой прихоти Миранды должен преподавать. Хорошо: он будет видеть Айрис регулярно.

Однако взлет его радости быстро сменился ее падением... если Айрис здесь, значит, ему нужно срочно приступить к поискам потерянной души, этой метафорической заблудшей овцы, дабы

направить ее на стези правды. И в этот раз — наизнанку вывернуться, но успеть за четыре месяца. Но где же искать эту женщину, когда их во всем мире больше трех миллиардов? И еще этот запропастившийся Энки... стоит ли ждать ответа от него или попытаться взять все в свои руки?

* * *

Как там было у Шекспира? «Какою ты стихией порожден...»

Борясь с соблазном отдать все свое внимание мужчине, Кэри упрямо разглядывала безынтересный ромбовидный узор паркета. Но, воистину, ей хватило всего одного взгляда, секунды, чтобы память, которая так предательски отказывалась запоминать формулы тригонометрии, теперь запечатлела, кажется, каждую черту этого красивого лица и атлетически сложенного тела.

Светлые глаза мужчины, кажется, до сих пор с неприкрытым возмущением ее разглядывают, прожигая. Но смеет ли она обвинять хозяина этого дома в отсутствии гостеприимности? Ведь на его месте она убила бы любого наглеца, посягнувшего на такое сокровище.

Тихо вздохнув, мистер Эохайд провел рукой по своим коротким темным волосам. Напряженный и недовольный, он принимал какое-то решение. Касательно, ее дальнейшей судьбы, вероятно. И пока он задумчиво молчал, его огромная библиотека успела сузиться до того куска паркета, который они занимали. До этих ничего не значащих три на три метра, лишенных кислорода...

И когда он заговорил, Кэри вздрогнула, добив свою несчастную пуговицу, которая, выпав из ее рук, закатилась под стеллаж.

— Я отвезу тебя.

— Нет! — Вскрикнула Каролайн поспешно. Стыдясь своей паники, она добавила: — Время позднее, зачем себя утруждать... я вызову такси... немедленно.

Его лицо стало еще мрачнее. Окей, она знала, что этот мужчина отродясь отказов не слышал. И в то же время, было трудно поверить, что он выполнял в этом доме еще и работу шофера, развозя недалеких подруг своей благоверной.

— В таком случае, тебя отвезет Виктор. На такси ты не поедешь.

— Хорошо. Ладно. — С тихой покорностью ответила Кэри, пытаясь сослать блеск его глаз на игру света и тени.

— Я провожу. — Все его фразы были отрывисты, резки. Словно мужчина из последних сил сдерживал свое раздражение.

— Хорошо. Спасибо. — Кэри кивнула, как китайский болванчик. Плечи мужчины заметно напряглись, когда он повернулся к дверям. — Простите за... все это. Нелепо получилось.

— Не стоит. — Процедил он сквозь зубы, даже не обернувшись.

Ну что ж, спасибо еще и за то, что дали все поводы больше не появляться здесь, мистер Эохайд.

5 глава

Почему-то с тех самых пор смотреть на Миранду, непрерывно кружащуюся поблизости, стало физически больно. А в добавок ко всему, она посчитала сегодня своим долгом показать то самое кольцо с огромным бриллиантом, о котором говорила давеча.

К слову о «лучше один раз увидеть»: все слухи о ее муже по отношению к реальности были как нежный шепот в сравнении с раскатами грома. То есть, не передавали и десятой части того, кем мистер Эохайд являлся.

День его появления в жизни Каролайн можно было обозначить как дату крушения многих стереотипов, которые ранее принимались ей за аксиому. К примеру, что все красивые люди глуповаты. К его жене это, в некотором роде, относилось. К нему? Вероятно, правильно говорят, что так себя оправдывают только уродливые завистники.

Аудитория, в которой он преподавал, всегда была полна народу. Этот раз исключением не стал, потому Кэри не пришлось выбирать — она ушла в самый конец зала, прячась за расстоянием и другими студентами. И слава богу, ведь она как последняя дура израсходовала все сегодняшнее утро на выбор наряда (зачем?!) получше. И в итоге снова, как ей казалось, просчиталась.

Фасон этого платья был уже давно не в моде. А со слов Миранды темно-зеленый оттенок совершенно не шел к бледному лицу Кэри. И потому она чувствовала себя так, словно пришла в свадебном платье на похороны (или наоборот?). Сосредоточиться на лекции было невероятно трудно. По началу.

А потом голос профессора Эохайда увел ее из тревожной реальности, приближая (к звездам, на самом-то деле) к возвышенным мыслям французских энциклопедистов. И... боже, те учителя, научившие мужчину так говорить, кто они? Так, что слушать становится важнее, чем дышать. Сократ? Демосфен? Цицерон, быть может?

Каролайн даже не пыталась записывать его лекции: отвлекаться на бессмысленное конспектирование казалось ей кощунственным. И, презирая себя за подобные мысли, она думала о том, что Миранда ценит в этом мужчине меньшее... деньги, положение, секс... ох, Кэри с большим бы удовольствием послушала Миру, говорящую, что ее муж думает насчет законов диалектики. А не о том, как он заставляет ее кончать...

Ненавидя в этот момент свое воображение, Кэри покраснела. И в таком вот состоянии, олицетворяя собой выражение «красный, как помидор», проходила до конца учебного дня. Такой ее встретил и прикативший на своей оббитой хонде Чейз.

— Заболела, что ли? — Протянул он, когда Кэри села рядом, уставившись в лобовое стекло невидящим взглядом.

— Веду себя, как дура.

— Почему же?

— Потому что... — не возжелай мужа ближней твоей — сегодня один преподаватель, даже не зная этого, показал мне всю тщету моих стараний.

— Обоснуй.

— Ну... к примеру, ты стал бы фотографироваться вместе с Хью Джекманом?

— Не-е. Рожей не вышел.

— То-то и оно. Слушать лекции профессора Эохайда, это как находиться в одном кадре с Хью, — лестно, интересно, незабываемо, но в то же время понимаешь, насколько ты убог. Он разбил уверенность в последнем, что было у меня — в моей сообразительности.

— Косячок? — Предложил после недолгого раздумья Чейз и, получив укоряющий взгляд, пожал плечами: — Ты в любой момент можешь исправить свое положение, перекрасившись в блондинку. Не смотри так. Мне, например, и это не поможет.

— Поехали. — Пробормотала устало Кэри, кидая сумку на заднее сиденье и приковывая себя лентой ремня безопасности.

Она пожалела, что рассказала о своих тревогах брату в очередной раз, когда Чейз врубил Бобби Макферрина, вопя с ним в унисон «Don't Worry, Be Happy». И, на самом деле, ему было бы лучше смотреть на дорогу...

— Тормози! — Вскрикнула Кэри, дернувшись вперед, когда хонда резко замерла. Ремень безопасности болезненно впился в плечо. — Чейз!

— Вот ублюдок! — Проворчал брат, открывая дверь, чтобы сказать водителю черного ягуара, перекрывшего им дорогу, что он о нем думает. В случае Чейза бесстрашие и глупость не просто сочетались, а образовывали единое целое.

— У него, вообще-то, главная дорога. — Крикнула ему вслед Кэри, пытаясь предотвратить скандал. Безуспешно.

Провозившись пару секунд с ремнем, она тоже выбралась из салона, подбегая к брату, который склонился над черным ягуаром. Водитель элитной машины не стал себя утруждать лишними движениями, потому просто опустил стекло, давая рассмотреть его лицо.

— Простите нас. — Обратилась Кэри к преподавателю по зарубежной литературе. От взгляда, которым он ее наградил, мысли смешались и стали предательски копировать сердце: «тудум». — Мистер Эохайд.

— Да, простите. Вчера выдалась тяжелая ночь, не стоило мне сегодня садиться за руль. — Оживился Чейз, становясь совершенно непохожим на того разъяренного бультерьера, которым прикидывался секунду назад. Откуда взялось это воодушевление и расположение? — Кстати, очень приятно с вами познакомиться. Кэри только что о вас рассказывала...

Чейз-чтоб-тебя-Иуда.

— Чейз, пойдем в машину! — Настойчиво попросила Каролайн, переводя взгляд с брата, фривольно облокотившегося на ягуар ее преподавателя, на самого преподавателя. — Простите, еще раз. Мы вас больше не задержим.

Ох, она знает, как смешно это слышать от той, кто уже в который раз становится поперек его дороги.

— Это твой парень, что ли?

Оказывается, все это время свидетелем их миленькой сценки была еще и Миранда, сидевшая рядом со своим мужем. И за ней, конечно, не заржавело задавать такие вопросы.

— Парень? Нет. — Кинул со смешком Чейз. — Я ее старший брат.

Ей показалось, или из груди профессора вырвался облегченный выдох?

— Чейз, мы задерживаем...

— Пустяки. — Необъяснимо миролюбиво произнес мистер Эохайд, переводя взгляд с Кэри на ее брата.

— Вы же не похожи ни черта! — В привычной беззастенчивой манере заключила Миранда.

— Так все говорят. — Очевидно, Чейз был готов посвятить этому смущающему разговору еще много-много часов.

Потому Каролайн, потеряв всякую надежду его дозваться, прошла к водительскому месту хонды, залезла внутрь, повернула ключ зажигания и пару раз нажала на клаксон. Такой язык Чейз понимал, потому, сказав еще что-то на прощание Эохайду и его супруге, он нехотя залез на пассажирское сиденье.

В молчании они провожали черный ягуар взглядами.

— Черт его дери, ты это видела?

Воистину, лучше бы голос брата звучал оскорблено и зло. Но не восторженно. Не раболепно.

— Так выглядит человек, прошедший ад и рай. — Произнес он медленно и тихо. После чего потянулся за сигаретами. — Проклятье... сколько ему? Хотя неважно, он все равно женился слишком рано.

— Откуда такой интерес? — Подозрительно спросила Кэри, наконец-то выезжая с парковки.

— Ты когда-нибудь видела таких людей? — На полном серьезе спросил Чейз, вперившись в нее пытливым взглядом. Она лишь неоднозначно пожала плечами. — Я обязан... — он волнительно затаился, — должен запечатлеть это.

— Чейз! — Поморщилась девушка.

— Иди ты. Мне нет дела до его сексуальности. Хотя, что уж тут говорить, твое сравнение с Хью Джекманом было не совсем удачным.

— Сказать, что он тот, который «Аз есмь»?

— Не-е. Этот парень — чистый порок, сотворенный Пигмалионом. Как тебе идея? Семь смертных грехов в одном лице. Я сделаю серию его фотографий...

— Черт. Чейз! — Кэри резко затормозила на светофоре. — Ты с ума сошел?

— А ты только узнала?

Она осуждающе покачала головой. Каролайн знала и относилась к пунктику своего брата снисходительно: если Чейз чем-то загорался, то готов был из кожи вон вылезть, чтобы добиться своего, ведь такие идеи были стопроцентно гениальными, обреченными на успех. Но в случае с профессором это принимало весьма смущающий, опасный оборот.

— У тебя ничего не выйдет.

— Считаешь меня бездарным?

— Да нет же! Просто он не разрешит тебе фотографировать. Поверь мне, если бы он жаждал внимания масс, он не стал бы учителем.

Моделью? Актером? Возможно, богом какой-нибудь новой религии?

— Логично. — Со вздохом признал Чейз. — Однако, попытаться стоит...

— Не стоит! Что ты ему предложишь взамен? Деньги?

— В таком случае, поговори с ним. Ради меня.

— И думать не смей.

— Ты же водишься с его женой! Не такая уж эта большая жертва.

— Нет, Чейз. Я же только что говорила тебе, что по мере моего приближения к нему, я тупею в геометрической прогрессии. Не заставляй меня снова это чувствовать!

— Не драматизируй. — Он наклонился ближе к Кэри. — Эй, сделай мне такой подарок на день рождения. Он же через две недели. Помнишь?

Девушка медленно покачала головой, не глядя на брата. Пусть ее простит, но Кэри никогда не мечтала совершить самоубийство. К тому же, о его подарке она подумала заранее.

* * *

Неделю Миранда не появлялась в университете, бессовестным образом оставив своего мужа на растерзание озабоченных студенток и нескольких таких же равнодушных преподавательниц. А Каролайн пыталась мысленно не причислять себя к числу этих сумасшедших адептов, что давалось с каждым днем все труднее. И дело тут даже не в ее восхищении образованностью, сдержанностью, красотой мужчины, а в паранойе. В последнее время ей кажется, что... ох, будь все проклято, но ей кажется, что мистер Эохайд следит за ней.

И тут есть пара объяснений. И если первое — это чокнутое подсознание, которое дает себе полную свободу по ночам, то второе — *idea fixa* Чейза. Сумасшедший и не привыкший сдаваться без боя, он начал тайком собирать фотографии Брендана Эохайда. Но ладно бы он хранил их, скажем, под подушкой — в любом укромном месте, не выставляя напоказ свое новое хобби. Вместо этого Чейз начал вывешивать снимки на кухне, которая служила его фото галереей, и вот, спустя неделю разноформатные изображения мужчины-мечты заслонили собой... весь белый свет!

Бороться с Чейзом было бесполезно: как любому творческому человеку, брату казалось, что именно эта самая идея, захватившая его сейчас, будет вершиной, итогом его жизненного пути. Что все сделанное им раньше — пыль и пепел, недостойные внимание.

Потому с некоторых пор Кэри чувствовала себя крайне неудобно на кухне, стараясь готовить как можно быстрее, а пить кофе или перекусывать в своей комнате.

Немудрено, что ей с тех пор мерещится, будто профессор ходит за ней. Следит за ней в коридорах. Стоит, отгороженный толпой, когда она ждет автобус. А прошлой ночью она

разбудила криком брата, потому что ей показалось, что в комнате был посторонний.

Она сходит с ума. И это весьма тревожит.

То был первый раз, когда Кэри позволила себе сосредоточиться на своих терзаниях, а не на увлекающем, соблазнительном голосе лектора... Очнулась она лишь когда толпа начала неохотно расходиться. Аудитория медленно пустела. Как и прежде около стола профессора женская часть слушателей решила провести обряд поклонения и, может быть, жертвоприношения. Каролайн же, досадуя на свои неуместные симпатии и время, которое беспощадно ускорялось в этом зале, вышла в коридор. И впервые за период своего обучения, она допустила преступную мысль — прогулять. Впереди оставалось еще две лекции, перспектива присутствия на которых вызывала лишь бурю «ох-черт-только-не-это».

Потому она решительно направилась в сторону выхода, лавируя в толпе студентов. И остановилась лишь когда ее угнетенный досадной реальностью взгляд зацепился за... мужа ее однокурсницы. Точнее, Кэри была уверена в том, что это дающие о себе знать симптомы шизофрении, а не мистер Эохайд из плоти и крови... пока последний ее в этом не разуверил.

* * *

Привлекая внимание, где бы не появлялся, Брес и сейчас под взглядами десятков любопытствующих прошел к замершей в растерянности Айрис. На этот раз она глядела на него не просто напугано, а как будто с вызовом, с упреком. И потому, заглянув в ее глаза, не желающие принимать его, требующие расстояния, свободы, Брес вынужден был согласиться с тем, что он опять выбрал неудачное время и место для признаний.

Но дьявол! знала бы она как ему чертовски трудно сдерживать себя. Жалкий сукин сын, он думал, что его милые попытки быть к ней ближе помогут убрать это жжение в его груди. Словно он с некоторых пор дышит не воздухом, а горячей серой. Ведет себя как сопливый подросток, таится, преследует ее, едва-едва себя не выдавая. И тут на днях ему пришла гениальная идея — посетить ее «дом, милый дом». И в самом деле, почему бы не подразнить разъяренного быка своей жажды красной тряпкой?

Айрис одна, в окружении темноты, такая беззащитная и доступная — не лучшее стечение обстоятельств для того, кто хочет вывести ее на взаимность, а не отвратить от себя. Вопреки всем тем неудачным попыткам, что остались в прошлом.

— Сэр. — Выдохнула Айрис, когда он оказался напротив. Близко. Но недостаточно.

Обращается к нему так нелепо-почтительно. Аллилуйя, он заслужил ее уважение. Холодное, пугливое уважение далекое от восхищения, которое он хочет когда-нибудь отыскать в этих больших, темных глазах.

Чувствуя себя идиотом, Брес решил все-таки придать их разговору капельку «обычности»:

— Как дела, мисс Атолл?

— А... отлично. Да. Лучше всех. — Поспешно пробормотала она, беспокойно поправляя сумку через плечо. Он заставляет ее нервничать, но, очевидно, это волнение далеко не чувственное.

— Вы больше к нам не заходите.

Кажется, Айрис не ожидала, что их разговор зайдет в такую сугубо личную гавань.

— Я... Миранда сказала мне, что она... уехала к родителям.

Серьезно? Окей, в таком случае другой вопрос: почему бы тебе не прийти лично ко мне? Сегодня. Прямо сейчас... хотя к черту дом, подойдет любой изолированный закоулок.

— Знаете, я себя не очень... хорошо чувствую, поэтому...

Она намеревалась сбежать от него. Снова оставить за своей спиной. И потому нужно было найти те слова, которые заставили бы ее добровольно остаться и в то же время не выставили его озабоченным кобелем.

— На самом деле я хотел поговорить с вами по поводу курса своих лекций. — Несмотря на бессмысленность разговора, Брес принял важный, серьезный вид. И Айрис поверила, внимательно слушая. — Так как вы перевелись к нам совсем недавно, мне нужно познакомиться с вашим... уровнем знаний, скажем так.

— Да, конечно.

Да. Конечно. Боги, он спит? Сколько веков он ждал этих слов от этой женщины? А если он сейчас попросит ее распустить волосы?

— Вы не могли бы... — Скажи он ей «встретиться со мной», и она совершенно точно сегодня же соберет свои вещи и сядет на ближайший рейс. Потому: — ...написать небольшой реферат? Допустим, о любом поэте девятнадцатого века.

— Хорошо.

Черт возьми! Еще одно «хорошо» или «да» в исполнении ее голоса, и он наплюет на свидетелей. Свидетели, дьявол! С каких пор ему стало до них дело?!

— После лекции мы обсудим вашу работу.

— Я все сделаю. — Кивнула она охотно, кажется, уже зная имя лирика, о котором настроит с десяток страниц. Она воодушевилась, зажглась, выглядя просто божественно. — До... до встречи, профессор Эохайд.

Брес не сдержал улыбки. И когда она, увидев это движение его губ, поспешила удалиться, мужчина еще долго стоял на месте, смотря ей вслед. Как там сказал старина Гарсия Маркес? Если любишь — отпусти...

Уже в который раз.

6 глава

В знаменательный день — день рождения старшего брата — Каролайн непозволительно долго задержалась в университетской библиотеке. Странное желание сделать из пустякового реферата долбанную докторскую диссертацию мучило ее всю неделю, заставляя думать лишь о своей работе. Точнее, о профессоре Эохайде. Конечно же о нем.

Вот уже которые сутки подряд она ложится на ночь с тошнотворным чувством осознания собственной глупости: ей хочется поразить его. Для этого она надевает, как ей кажется, лучшее из своего гардероба. Для этого выискивает в недрах своего воображения фразы, которые бы лучше, точнее и в то же время не примитивно отобразили ее мысль. Чтобы

профессор в итоге понял, что она не такая заикающаяся дура, какой предстала перед ним в первую встречу. И во вторую. И во все последующие, что уж тут скрывать.

И лишь засыпая, Кэри понимала, как бестолково рассчитывать на свою победу. Поразить кого-то вроде него? В виду своей профессии он окружен сотней куда более образованных и умных людей. Кроме того, он каким-то образом сколотил состояние, которому мог бы позавидовать и Билл Гейтс. Так чем его поразить? Красотой? Даже если бы такая была в наличии, Каролайн все равно опоздала — мужчина был счастливо женат.

Вот и теперь, поставив в реферате последнюю точку, Кэри затосковала. И только каким-то чудом ей удалось сохранить спокойствие настолько, чтобы не порвать свежееотпечатанные листы к чертовой матери. Какая глупость, думалось ей, какое убожество.

Спускаясь в ревущее метро, она написала Чейзу смс: извинение, что не успела к назначенному времени, и вопрос о марке вина, которое он предпочитает. Брат не ответил, потому пришлось ломать голову себе и консультанту, потеряв в местном супермаркете еще полчаса.

Но как вскоре выяснилось, спешила она напрасно.

Поднимаясь по лестнице в квартиру, так привычно именуемую ей «дом», Каролайн уже почувствовала неладное. Соседка, стоящая на лестничной площадке подтвердила эти опасения.

— Сколько можно, а?! — Заверещала она, подлетая к Кэри. — Если немедленно не сделаете тише, я вызову полицию!

Девушка неуклюже извинилась, поспешив открыть ключом дверь, за которой грохотала разрывающая череп музыка. Оказавшись за порогом, Кэри растерянно осмотрелась. Должно быть она ошиблась этажом? Может, целым домом? Ведь тот Содом и Гомора, которые сейчас развернулись перед ней, не могли внепланово сойти со страниц Библии и получить живое воплощение в их с братом квартире.

Прижавшись спиной к двери, Каролайн широко-распахнутыми следила за тем, как незнакомые ей парни и девушки активно занимаются разрушением иллюзии дружного семейного гнезда, которую создал Чейз. Несколько человек в пьяном угаре танцевали на заляпанном вином и... черт возьми, блевотиной ковре. Какая-то особо прыткая девица взгромоздилась на стол и теперь пыталась справиться с застешкой бюстгальтера. Некоторые поглощали абсент литрами, пытались переспорить друг друга в вечном конфликте «у кого член длиннее»... ох, дьявол, кто-то решил, что может доказать свою правоту и без выпивки.

Торопливо направляясь в сторону кухни, Кэри была вынуждена сбежать и оттуда: какая-то парочка решила, что стол, за которым она некогда ела, подойдет как нельзя лучше для животного доказательства их страсти.

Этот ад, который не привиделся бы даже Иерониму Босху, коснулся и ее комнаты: ведь там была чертова кровать! О, ее кровать...

Добежав до спальни Чейза, Кэри не стала затруднять себя вежливыми стуками. Конечно, она выбрала не самое лучшее время для призыва совести брата. В окружении лучших друзей и наркотического дыма, Чейз дегустировал марихуану. Так что да, неудивительно, что до марки вина ему не было никакого дела. Собственно, ему не было дела ни до чего в тот момент: остекленевшие, бессознательные глаза смотрели с прищуром в пустоту.

Сколько жестоких ругательств и режущих обвинений уже готовы были обрести словесную форму. И все же Кэри разглядывала своего падшего, заблудшего старшего брата молча. И если бы Чейз был в состоянии оценивать реальность, этому безмолвию своей сестры он предпочел бы анафему из рук самого Папы.

Выходя за территорию этого пандемония, Кэри мягко закрыла дверь и прошла обратно к лестнице.

— Эй! Не слышишь, что ли! Говорю: полицию вызову! — Угрожала соседка, потрясая в воздухе указующим перстом.

— Вызывайте. — Безразлично ответила Каролайн, словно давая женщине на это свое благословение.

И та унеслась, не оставляя альтернативы: вызовет.

* * *

С этими часами явно что-то не так. Минутная стрелка на них едва двигалась. Что говорить о часовой. Каролайн отказывалась верить, что бездна угрызений совести и жгучей обиды с легкостью уместилась в какие-то жалкие полчаса.

— Еще кофе? — Предложила подошедшая к столику официантка и Кэри кивнула.

Кофе? Почему бы и нет. Ведь все указывает на то, что нынешняя ночь у нее будет бессонной. И вот, добывая свою третью чашку, Кэри проверила наличность... едва ли ей хватит на четвертую. Хотя, к черту это! жгучая горечь, приправленная сахаром уже успела ей опротиветь. И потому, когда услужливая девушка повторила свой вопрос, Каролайн ответила отрицательно. Помучила салфетку еще в течение нескольких минут. Оставила деньги с учетом чаевых. И вышла под нахмуренное, ночное небо.

Странное стечение обстоятельств: Кэри казалось, что волнение по поводу реферата (собственной несостоятельности), ей поможет развеять предстоящий праздник. Она предвкушала тихие посиделки... Чейз мог свободно пригласить своих друзей, они бы выпили, поболтали, посмотрели какую-нибудь глуповатую комедию... следуя такому сценарию проходили дни рождения у Каролайн, потому она не думала, что кому-то необходимо мешать этот святой для каждого человека праздник с грязью. Не могла поверить, что Чейз ни капли не жалеет о том, что этот день прошел именно так.

За такими мыслями, Кэри измерила шагами главную улицу шумного города, нарядившегося для ночной жизни неоновыми огнями рекламы. И сев на холодную, затертую лавку, девушка с тоской подумала о том, что хочет остаться в этом самом положении и в этом самом вечере. Чтобы время остановилось, не бежало к завтра, которое теперь совершенно точно будет хуже «сейчас». Объяснения с братом. Сбор вещей. Поиск жилья, а там и работы.

К тому же ее тело налилось такой тоскливой усталостью, что Кэри думала о необходимости куда-то идти, двигаться вообще, с неприязнью.

С тихим вздохом, прозвучавшим как приговор, она открыла сумку и достала оттуда реферат. Кинула в урну рядом со скамейкой. Вынула бутылку вина, которая вскоре составила реферату компанию. Вытащила обернутый в цветастую фольгу подарок. Словно утверждаясь в чем-то еще минуту, Кэри опустила в мусорку и его.

Заламывая себе руки и шмыгая носом в предчувствии рыданий, она все же через несколько секунд забрала подарок обратно, отряхивая его от мусора. И объяснила этот порыв тем, что ей просто жалко потраченных денег. Разглядывая отблески огней, играющих на поверхности блестящей оберточной бумаги, Кэри чувствовала себя самой жалкой женщиной из ныне живущих. Потому что уезжая в другой город она наивно верила, что здесь-то, на новом месте, все изменится... и обязательно к лучшему.

Когда к отражению огней проносящихся мимо машин и нависших фонарей на упаковочную фольгу присоединилась упавшая капля, Кэри вздрогнула. Не могла же она расплакаться и даже не заметить этого? Словно отвечая на ее озадаченность, осенние небеса, которые, казалось, никогда и не видели солнца, обрушили на ее голову отрезвляющий дождь.

Отлично. Собственно, ее положению как раз не хватало этой символичности. Солидарность природы вызывала ироничную ухмылку.

И вопреки спасающимся прохожим, Кэри готова была сидеть на чертовой скамейке хоть всю ночь. И была бы рада новости, что начавшийся ливень выльется во всемирный потоп.

Но все-таки утонуть ей сегодня было не суждено: напротив скамейки, которую она занимала, к обочине припарковался блестящий, усыпанный звездами дождевых капель, нетерпеливо ревущий зверь. Мазерати. Забавно было бы, если бы эта дверь сейчас отворилась, а внутри, приглашающий с ним прокатиться, оказался бы...

— Залезайте. — Крикнул мистер Эохайд, когда затонированное стекло боковой двери опустилось.

...долбаный принц.

— Все в порядке. — Ответила ему Каролайн, пытаясь перекричать шелестение дождя.

И, конечно же, он ей поверил.

Отворив ближнюю к ней дверь, мужчина произнес почти угрожающе:

— Залезайте. Или я выйду и помогу вам.

Это скорее было принятием вызова, чем согласием с собственным поражением: встав со скамейки, Каролайн прошла к машине и скользнула внутрь, мягко захлопывая дверь. Ее окружила тишина, тепло и уют дорогого салона. Запах кожи и обалденного мужского одеколona.

Ну вот опять. Она в одном кадре с тем, кто дал бы фору Хью Джекману.

— Что вы тут делаете в такое время? — Нарушил молчание мистер Эохайд.

Все еще опасаясь смотреть на его лицо, Кэри предпочла разглядывать его ладони. Красивые, сильные ладони, непринужденно и спокойно лежащие на руле.

— А вы?

Он долго молчал. Как будто неловко.

— Просто проезжал мимо.

Не то чтобы это было похоже на ложь. В конце концов, этот мужчина не похож на того, кто только и ждет момента, чтобы подвести куда-нибудь свою студентку.

— А я... просто сидела, когда вы просто проезжали мимо.

Помолчали еще немного.

— Куда вас отвезти?

Каролайн посмотрела на подарок в своих руках.

Куда хотите.

— На парковку супермаркета Wal-Mart. — Отозвалась она приглушенно в итоге, после чего добавила: — Пожалуйста.

Он сдавленно вздохнул, словно ожидал услышать иной ответ и теперь разочарован. И все же без возражений направил машину по мокрой трассе, давая в тишине насладиться скоростью и роскошью автомобиля, который, надо сказать, весьма соответствовал статусу своего водителя.

Что касается уместности Каролайн в этом салоне? Мистер Эохайд мог бы с таким же успехом повесить на зеркало заднего вида елочку «Car-Freshner».

Когда встал вопрос о теме, которую нужно было подыскать для общего разговора, Кэри безвольно опустила руки. Если уж мужчина настоял на ее присутствии здесь, пусть сам решает, о чем они будут говорить. Возможен и тот вариант, согласно которому они оба за всю дорогу не проронят ни слова.

— Сегодня какой-то праздник? — Нарушил тишину Эохайд, метнув взгляд на несчастный подарок.

Окей, не лучший вариант для милой беседы «ученик-учитель», но неплохой для «младший-старший».

— Это не мое. У моего брата сегодня... день рождения.

— И тем не менее. — Он смотрел на дорогу и все равно создавалось глупое впечатление его пристального внимания. К каждому ее движению. Каждому слову.

— И тем не менее... — Дурацкая привычка повторять за своим собеседником! — Кажется, сегодня он его не получит.

— Не заслужил?

— Просто... сегодня он занят делами поважнее, чем мои неуместные поздравления. — Это прозвучало ужасно. Обиженно и так тихо.

Отвернувшись к окну, Кэри стянула резинку с мокрых волос, давая им упасть на спину и плечи. Она дрожала, убеждая себя в том, что из-за холода. А Эохайд молчал. Но безразлично или, наоборот, испытующе. Это было словно предоставлением свободы. Словно он предлагал себя в качестве независимого слушателя. И при условии, что родителям о своей беде она рассказать не могла, Кэри неуклюже, торопливо исповедалась этому мужчине.

Поначалу неуверенно, тихо, медленно... так глупо и доверчиво поведала ему о пристрастиях

своего брата, о том, что он каждый раз клянется, что «больше никогда», что сегодня он нарушил свое обещание в сотый раз. Обидно, что это произошло именно сегодня, ведь Кэри не видела его три года и этот праздник должен был стать хоть немного семейным.

— Что в коробке? — Голос мужчины звучал хрипло.

— Краски. — Ответила она, добавляя: — Я дарила ему такие же три года назад. Прежде чем он уехал от нас. Не придумала ничего лучше.

Наверное, ему кажется глупым дарить такие символические презенты. Все равно что вывернуть пустой карман. Ведь своей жене он преподносит на годовщины бриллианты, машины, квартиры.

Сбоку замерцали огни большого супермаркета, на парковку которого и свернула мазерати.

— Зачем тогда жить с ним? — Нарушил долгое раздумчивое молчание профессор, когда машина остановилась.

Ох, тебе легко рассуждать, конечно. Ведь ты топишь камины «Франклинами».

— Потому что... без семьи он пойдет на дно.

— И все?

Этого разве недостаточно?

— Живя с ним, мне не нужно заботиться о квартире. — Ответила резко Кэри, чувствуя себя уязвленной.

Вопрос материальной обеспеченности ей хотелось обсуждать в его компании меньше всего. Ему ведь не понять...

— И чем обусловлен этот переезд? — Его вопросы звучали отрывисто, словно мужчина контролировал каждое слово. Или был чертовски раздражен.

Подняв взгляд от подарка на его красивый профиль, Кэри зачем-то чистосердечно ответила:

— Это из-за одного парня. Мы учились вместе, пытались встречаться и... однажды пришел момент, когда я сказала, что между нами все кончено. А он начал преследовать меня, угрожать. Потому что я, ничего не говоря друзьям, собрала вещи и уехала.

— У вас... что-нибудь было... с ним?

Каролайн озадачено нахмурилась, не понимая причину такого интереса.

— Ну... как бы... — он долго меня добивался, особенно по пьяни. А я не была в нем уверена. И вот однажды Джей решил, что его терпению конец. После той ночи я и бросила его. — Да.

— Он сделал тебе больно? — Еще больше напряжения. — Поэтому?

— В общем-то... вроде того. — Неловко пробормотала она, рассматривая свои руки.

Эохайд тихо выругался, что можно было бы перевести как «мечтаю свернуть ублюдку шею». Забавно, что посторонний человек реагирует на эту историю так, ведь даже родители хором

ответили ей на это «сама виновата».

Тишину нарушали лишь стук дождя и ритмичная работа дворников. А ей, наверное, уже пришла пора убираться восвояси, дабы не давать этим неуместным откровениям второе дыхание.

— Это уже не имеет никакого значения. — Добавила Кэри бодро, решаясь подтвердить свои слова прямым взглядом.

И... боже, этот человек не имеет права быть настолько непоказушно печальным.

— Я пойду. Спасибо — Поспешно заявила Каролайн, хватаясь за ручку двери.

— Нет, постой! — Он схватил ее за предплечье, но тут же разжал хватку и отпрянул, словно от удара током. — Я... я хотел спросить... — Ох, да что с ним не так? Почему этот уверенный, богатый, сильный мужчина выглядит таким потерянным сейчас? — Насчет... реферата. Как он?

— О... — Вздохнула Кэри, вспоминая ту самую мусорную урну. — Отлично.

— И кто главный герой?

— Шарль Бодлер.

Каролайн краем глаза увидела как профессор задумчиво улыбается.

— Почему же?

Девушка неловко пожала плечами, словно это движение могло пересказать содержание пятнадцати вымученных страниц.

— Ведь он чуть ли не в каждом стихотворении завуалировано оскорбляет женщин.

— Это... просто... — Она раздраженно выдохнула, ненавидя свое постоянное спотыкание. Потому, отвернувшись к окну, начала торопливо говорить: — Это не оскорбление... точнее, не то что мы обычно понимаем под оскорблением. Его оскорбления можно приравнять к поклонению. Он признает свое поражение и обвиняет в этом своего победителя. Будь то наркотик, вино или женщина. А женщину он «оскорбляет», то есть ставит выше себя, изящнее и чаще, чем другие наслаждения, которым он не может противиться. К тому же... думаю, никто бы не отказался, если бы Бодлер написал парочку «оскорблений» лично для него. Так что тем женщинам не на что жаловаться.

За ее спиной раздался веселый смешок.

— Ну хорошо... тогда, возможно, есть какое-то стихотворение, которое некогда произвело наиболее сильное впечатление?

— Да. «Sed non satiata». — Кэри вздохнула, прижимаясь разгоряченным виском к стеклу, всматриваясь в ночное небо, интенсивность темноты которому придавали затонированные окна. Выжидающее молчание требовало продолжать. Ее голос зазвучал тихо и волнительно:

— Кто изваял тебя из темноты ночной?

Какой туземный Фауст, исчадие саванны?

Ты пахнешь мускусом и табаком Гаваны,

Полуночи дитя, мой идол роковой.

Ни опиум, ни хмель соперничать с тобой
Не смеют, демон мой: ты — край обетованный,
Где горестных моих желаний караваны
К колодцам глаз твоих идут на водопой.
Но не прохлада в них — огонь, смола и сера.
О, полно жечь меня, жестокая Мегера!
Пойми, ведь я не Стикс, чтоб приказать «Остынь!»
Семижды заключив тебя в свои объятия.
Не Прозерпина я, чтоб испытать проклятье
Сгорать с тобой дотла в аду твоих простынь...

После заключительного дрожащего аккорда установилась хрустальная, очень хрупкая тишина. Продолжая глядеть за границу стекла, Кэри тяжело дышала... слова, родившиеся почти два века назад, будоражили сердца и сейчас. Ее так точно. А когда она решила взглянуть на не решающегося прокомментировать ее выступление профессора, то стало ясно, что строки эти не просто будоражили.

В его льдистых глазах зажглось что-то безумное, древнее, опасное... И этот взгляд пришили девушку, заставляя опасно вжаться в дверь, думая над тем, какого, собственно, дьявола...

Значительно позже, рассуждая об этом самом моменте, Кэри признается себе, что декламировала стихотворение не просто так. Что слова французского поэта были отражением ее совершенно ненормальных, аномальных, невозможных, но все равно реально существующих чувств. И мужчина понял это, не так ли?

— Я... мне пора. — Прошептала Каролайн.

И когда она стремительно выбралась из машины, мужчина не остановил ее, вероятно, понимая, что ей действительно следует убраться как можно дальше от него.

7 глава

Зачем она села в его машину? Зачем рассказывала о своей личной жизни? Зачем трусливо сбежала, словно те признания Бодлера могли быть ее признаниями?

Это лишь часть длинного списка вопросов, которые мучили совесть Кэри, заставляя чувствовать себя невероятным ничтожеством.

— Спасибо, что вытащила меня. — Отозвался стыдливо брат, потирая запястья, на которых остались следы от наручников.

Сейчас они ехали в его серебристой хонде домой, и Кэри, сидя за рулем, морщилась, представляя объем ожидающей ее работы. Благо, сегодня был выходной.

— Они не нашли наркоту... так, взяли за... э-э-э... нарушение порядка. Слушай, мне жаль, честно.

И как она покажется ему теперь на глаза? Как теперь смотреть на него? Что говорить?

— Я вел себя, как придурок. Но это было в последний раз. Честно.

Ох, Чейз, тебе правда не следует извиняться за то, что ты вел себя, как придурок. Ведь всё указывает на то, что вести так — их семейное дело.

И, смешно, право: Чейз уже давно протрезвел, ему помогло время и шорох, который навели копы. Что касается ее? Чтобы хоть немного остыть, Кэри необходимо поставить напоминалку на телефон: «Брендан Эохайд — Женатый. Преподаватель». Через каждые полчаса... нет, через каждые пять минут.

— Ты рассказала родителям?

— Нет.

Чейз вздохнул с облегчением, взъерошив волосы пятерней.

— Ты меня теперь ненавидишь?

— Нет.

— А должна бы.

— Это твоя жизнь, твой день рождения и твоя квартира, Чейз. Как это все гробить — твое личное дело.

— Черт, лучше бы ты наорала на меня... — Пробормотал парень, отворачиваясь к окну.

Возможно, он был прав. От криков стало бы легче и ему и ей. Однако, вся дальнейшая поездка прошла в молчании. А когда они оказались в квартире, которая, кажется, приняла на себя всю силу ядерного взрыва, Кэри решила отдать брату подарок.

— С днем рождения.

Чейз принял плоскую коробку бережно, с низко опущенной головой, виновато. Не сказал ни слова, уходя в свою комнату. Закрыл дверь и просидел там, наверное, с час, размышляя над своим поведением.

Кэри же с тоской оглядела последствия праздника, после чего, решив, что «дорогу осилит идущий», принялась за уборку. И в какой-то момент она готова была даже поблагодарить Чейза за то, что подкинул ей работенку: она не вспоминала о профессоре Эохайде до тех самых пор, пока не оказалась на кухне.

Беспомощно и осуждающе Каролайн уставилась на снимки своего профессора, сделанные, конечно же, тайком от него. На фотографиях он казался таким неуязвимым и лишенным каких-либо недостатков. Но в тот момент, когда она заглянула в его глаза... в ту секунду, прежде чем испуганно сбежать, Кэри показалось, что он бесконечно одинок. Что ему больно. Что ему нужна именно ее помощь. Интересно, если бы они встретились раньше... века назад... в те времена, когда люди считали землю плоской и даже не пытались укрощать стихии... когда между мужчиной и женщиной не было никаких преград... они могли бы быть вместе?

Когда Кэри поняла, что хочет услышать в своих мыслях «да», она раздосадовано зашвырнула тряпку в ведро. Какое ей дело до «раньше»? Не лучше ли подумать о катастрофическом «сейчас»?

Разрывая ее злость и тишину, зазвенел мобильный, который Кэри поспешно достала из кармана тренировочных штанов.

Миранда, естественно. И странное дело, но она была рада ее слышать. Голос жены мистера

Эохайда — это куда лучше напоминалки.

— Ты уже приехала? — Догадалась Каролайн, на что Миранда ответила в извечно развязной манере, что гостила у предков и что они жутко ее достали. Ни черта ее не понимают и вообще ведут себя как ископаемые.

— Ясно. — Подвела черту под всем этим Кэри.

— Я собираюсь завтра оттянуться в клубе. Пойдешь со мной?

Кэри огляделась по сторонам.

— Э-э-э... вряд ли. Я занята. На неделю вперед.

— И чем же? — Ее голос звучал возмущенно, отказываясь верить, что в жизни может быть что-то важнее ее планов.

— Нужно привести в порядок... — Дом. Мысли. Чувства. — ...дела.

— Приведешь потом.

— Нет. Не могу.

— Ну и черт с тобой. Я и одна отлично проведу время. — Ответила с надменной усмешкой Миранда, завершая разговор протяжным «пи-пи-пи».

Что сказать, разговаривать с Мирандой — одно, а смотреть ей в глаза — совсем другое. Она не может находиться рядом с законной супругой мужчины, вид которого заставляет ее думать о непозволительных вещах... непозволительно желанных. Боже, когда ты стала такой дурой, Кэри, детка? Ведь кроме того, что Эохайд чужой, он, что важнее, такой же мужчина. В том смысле, что один из этого племени уже успел в свое время показать ей все «прелести» физической любви. И Каролайн не слишком торопилась давать этому опыту второй шанс.

Отстирав груды белья, вынеся еще больше мусора, отвезя в ближайшую химчистку ковер, Кэри в итоге легла на вымытый пол в своей комнате. Кровать с некоторых пор была осквернена безудержным сексом какой-то сплетенной страстью триады. И Кэри теперь смущенно отворачивалась от своей постели, словно ту до сих пор сотрясала бешенная скачка.

Непривычное спокойствие, которое было ярким контрастом вчерашней вакханалии, нарушил звонок телефона. Очередной. Лениво вытащив мобильник, Каролайн глянула на экран, после чего устало вздохнула.

— Миранда?

— Каролайн.

Низкий, богатый, мужской голос заставил кровь в ее венах застыть. Звонит ей. Думает о ней. Прямо сейчас. Кэри захотелось отодвинуть трубку подальше, дабы мужчине не стало известно, как радо слышать его ее сердце.

— Сэр. — Читай: все что было вчера — нелепый кошмар. Который не повторится. Ни в коем, мать его, случае.

— Миранда звонила тебе...

— Ага.

— Это правда, что ты не сможешь найти завтра время? Мне было бы намного спокойнее, если бы я знал, что рядом с ней будет кто-то... мыслящий.

Ох, вот оно как. Кто-то мыслящий. Ясно.

— Я знаю, что не должен просить тебя об этом. Однако я не могу пойти с ней сам, а мне важно знать, что с ней все будет в порядке.

— Без проблем. — Ответила Кэри хрипло, едва слышно. — Конечно, я... побуду с вашей женой.

Он долго молчал, давая простор воображению: о чем может в эту самую секунду думать мужчина?

— Спасибо.

— Не за что.

Она сбросила первой, накрывая глаза предплечьем. Холодность ламината в этот момент была настоящим благословением.

* * *

Каролайн Атолл, видимо, никогда не училась на своих ошибках, потому и в этот вечер потратила несколько часов на выбор наряда. Она примеряла юбки, прохаживаясь возле зеркала. Добавляла к ним блузки, майки, футболки... ни один цвет, казалось, не шел ей. Она брала в руки платья, прикладывая к себе, пытаясь представить себя со стороны... Боже, ну если такие счастливицы, которые могут сразу определиться!

В конце концов, два часа словно угодили в черную дыру, утраченные безвозвратно и в пустую: Кэри надела свой повседневный костюм — черные джинсы и клетчатую рубашку. Единственно — волосы распустила, что на самом деле, уже было вольностью. Потому что с некоторых пор Каролайн не знала, что для мужчин не является «пригласительным жестом».

Яркий цвет помады. Любопытный взгляд. Короткая юбка. Может быть, даже распущенные волосы. Да, после озвученного пьяным Джеем «ты же сама напрашиваешься», было трудно ужиться в невероятно узких рамках благопристойности. Ведь, с его слов, любой женщине нужно носить исключительно монашескую рясу, дабы не провоцировать несчастных мужчин.

Когда Кэри вышла из дома, предварительно предупредив брата о возможности ее задержки на неопределенный срок, Миранда еще не подъехала к месту встречи. Что дало возможность наполнить голову пустотой и прохладой октябрьского воздуха.

Прошло несколько спокойных минут, после которых выяснилось что Миранда сегодня остановилась на красном. Машина, платье, туфли, побрякушки. И нет, это было не запрещающим сигналом светофора, скорее, тряпкой для быка. Или... быков? Ведь, бог свидетель, в списке важных дел на этот вечер у Миранды не числилось «подумать о приличиях».

Похоже воспитательная беседа с родителями не дала плодов, но, как говорится, не сейте на

камне...

— Чего это ты передумала? — Спросила Мира, когда Кэри расположилась рядом в ее порше с откидным верхом.

Что ж, было логичным предположить, что мистер Эохайд решил не сообщать своей жене о том, что тайком поставил к ней сторожевую мыслящую собаку.

— Дома тоска смертная. — Озвучила Кэри первое что пришло в голову.

Миранда покивала, обедая свою попутчицу сканирующим взглядом, выдавая эпикриз:

— Наряд — отстой.

— Спасибо.

— И мелирование давно не в моде.

— Что тут скажешь. — Каролайн отвернулась, заправляя седую прядь за ухо.

— В любом случае, шмотки — не самое главное. — Авторитетно заявила Миранда. — Главное — улыбайся и чаще хлопай глазками.

— Запомню. Спасибо.

— Да. Учись, пока я жива. — И роковая женщина залиvisto расхохоталась.

Вела машину Мира так же, как и жила: стремительно, с размахом, плюя на все правила разом. А Кэри все время поездки смотрела отчего-то на нервные, короткие женские пальцы, впившиеся в руль, как утопающий в спасательный круг. Что наталкивало на мысль: почему Миранда и мистер Эохайд, столь непохожие в одинаковых ситуациях, по жизни смотрящие в разные стороны, решили, что им по пути? Хотя вряд ли этому есть математическое объяснение, которое она сможет принять за аксиому.

Вероятно, мужу Миранды известно что-то такое, что перекрывает все недостатки его жены. Какое-то по-настоящему драгоценное, чистое качество ее души, за которое он некогда полюбил эту женщину. Ведь было глупым считать, что такой образованный и самодостаточный человек мог поставить главным критерием в выборе своей супруги только лишь красоту. Пресную, быстро приедающуюся и такую скоротечную плотскую привлекательность.

И потому, весь вечер Кэри всматривалась в Миранду, пытаясь отыскать это качество. Ей нужно было найти его! Пусть Миранда даст ей повод с чистой совестью потерять всякую надежду на... на... черт ее знает на что! Физическая измена привлекала (пугала?) Каролайн и вполнину не так сильно, как измена духовная. Такая измена предполагала не нахождение в спальне мужчины, в его кровати, под простынями, согретыми их общим теплом. А в его библиотеке, рядом с ним, объясняющим ей, как он понимает Энгельса или Ницше. Ей нужно было сплетение не тел, а мыслей... чтобы они находили друг друга в словах, в понятиях, а не (только) в страстных прикосновениях. Чтобы один высказывал идею, а другой, словно она была его собственной, развивал ее, придавал ей форму, доводил ее до совершенства. И чтобы однажды мистер Эохайд признал, что она понимает его и потому... лучше его жены.

Небеса, видели ли вы человека более убогого и достойного презрения?

Как жаль, что поиски морального клада, закопанного столь глубоко в душе Миранды, так и не увенчались успехом. Было даже похоже, что Миранда, прочитав мысли Кэри, решила посмеяться над ней. Словно говоря: даже если я сделаю так, он будет только моим.

Клуб сотрясался техно-музыкой и движениями огромного бесполого, многорукого, многоногого пестрого чудовища — людской толпы, жаждущей «хлеба и зрелищ». И хотя Кэри никогда не была домашней девочкой, она всегда обходила такие сборища стороной, больше предпочитая активный отдых в компании знакомых и друзей. Тогда как Миранда, стоило ей оказаться объятой этим духом гедонизма, расправила плечи-крылья и вздохнула. Словно рыба, оказавшаяся наконец-то в воде.

Кошачьей, отрепетированной походкой доступного соблазна женщина в красном прошла к барной стойке, уводя за собой взгляды нескольких претендентов на «эй, не хочешь развлечься?». И стоило Миранде и Кэри опуститься на высокие стулья, а рядом, как по задумке Копперфильда, появились первые кандидаты.

— Сухой мартини. — Ответила свободно Миранда, словно вопрос одного из мужчин «позвольте угостить вас выпивкой» был естественной и неременной частью этикета и шел в комплекте с «привет».

— А что ты будешь? — Обратился к Кэри второй, хотя явно был больше заинтересован в пышногрудой блондинке.

— Мне колу. И я заплачу. — Ответила ему Каролайн, на что мужик среагировал безразличным пожатием плеч, даже не думая настаивать. Вероятно, ее «колу» он расценил как «от ворот поворот»...

Как бы там ни было, оба приятеля с того момента с равной степенью распушенности «ухаживали» исключительно за Мирандой. А та нарочно оставила обручальное кольцо дома и, Кэри готова была спорить, ни словом не обмолвилась о наличии мужа. О том мужчине-мечте, который волнуется исключительно о ней в эту самую минуту. Который, несомненно, знает о пристрастиях своей благоверной и все равно не удерживает ее, когда она в очередной раз уходит на поиски приключений известного характера. Который вместе с собой, богатством и некоторой долей известности дал ей еще и полную свободу. Так почему?! Кэри хочет знать почему, эта женщина сейчас находится здесь и ищет унижающего, примитивного интереса других мужчин, когда дома ее ждет законный и самый лучший?

Обхватив голову руками, Каролайн посвятила решению этой задачи всю себя. И потому даже те редкие парни, которые уже отчаялись найти что-то лучше, махали на нее рукой, стоило ей повернуть и ответить на их «познакомимся?» решительным «нет». Миранда же, захлебываясь недвусмысленным вниманием тех двух джентльменов, ушла танцевать. Чтобы уже через полчаса ее, разгоряченную от выпивки, тряски на танцполе и похоти, повели под белы рученьки в сторону туалетных кабинок.

Встревоженная и предчувствующая беду, Кэри рванула в их сторону, с трудом минуя все движущиеся преграды. И, что сказать, с ролью рыцаря она справилась исключительно хреново.

— Идем! — Каролайн рванула Миранду на себя, становясь, естественно, объектом возмущения ее кавалеров. — Нам пора. Я отвезу тебя домой.

— Да иди ты к черту! — Отмахнулась от нее неуклюже женщина. — Пора? Мне? Я сама решу, когда... ик... мне пора!

— А как же твой муж?! — Она особенно выделила последнее слово, следя за реакцией парней. Которой не последовало. А вот Миранда крикливо рассмеялась — Ты же не собираешься...

— Собираюсь! Может, хочешь с нами? Что скажете, мальчики? Возьмем к себе Каролайн? — Миранда протянула ее имя так, что Кэри стало за него стыдно.

— Я позвоню ему. — Пригрозила она, на что Мира фыркнула, послушно уводимая в сторону уборной.

— У тебя есть его номер? Ну так звони! Можешь даже записать на видео то, что я сейчас собираюсь сделать и потом показать ему. Хочешь? Ха-ха-ха! Ну же... идем...

Каролайн поспешно достала из сумочки телефонную трубку, всерьез намереваясь разбудить старосту факультета и потребовать у нее телефон мистера Эохайда. Просто потому что мужчина доверил ей свою недалекую, податливую, порочную жену, а Кэри не справляется с ролью сторожа ее чести.

Потому она собирается позвонить ему. Собирается рассказать о том, что его жена делает в эту самую секунду. Собирается вытащить его ночью из дома, вынудить ехать сюда, чтобы опоздать или прийти к кульминации измены. Собирается заставить супругов «объясниться», то есть высказать друг другу самые жестокие, жгучие слова, которые смогут передать хотя бы десятую часть их личной боли. Собирается сделать хуже: влезть в их грязное белье.

На смену решимости пришла дикая усталость. Опустив плечи, Каролайн пошаркала обратно к барной стойке. Только что в ее душе случился грандиозный перелом, а все эти люди, окружающие ее, танцующие, выпивающие, веселящиеся даже не заметили этого. Музыка так же громко стучала по вискам. Бармены и официанты в том же темпе отрабатывали свои чаевые.

Миранда изменяет своему мужу. Вон за той стеной. Считай, что прямо на глазах. Словно в насмешку. Словно развязывая руки. Словно говоря: бери, раз уж я беру чужое, раз берут чужую меня. Ты можешь так же. Это просто. Если хочешь — возьми. Всем на-пле-вать.

Положив ладонь на свой лоб, Кэри болезненно зажмурилась. И в момент острого душевного кризиса, поняла, что не смеет на что-то рассчитывать. Что пусть даже она была бы лучше Миранды. Преданнее. Нежнее. Ласковее. Понятливее. С каких пор сравнительная степень дает ей право претендовать на внимание мужчины, который уже добровольно отдал себя в руки другой? И с какой стати поведение Миранды должно как-то влиять на ее жизненные позиции? С чего ее измена должна порождать другую измену?

Ей стало невероятно стыдно. В этот момент, когда кругом ширилась и шевелилась полная противоположность этой эмоции, Каролайн было так нестерпимо стыдно. За свои мысли, чувства, низменные надежды. За то, что она хотела не просто быть лучше Миранды, а чтобы это признал именно ее муж.

Чувствуя себя последней женщиной на этой земле, Каролайн, словно защищая мир от своей испорченности, закрыла лицо руками

8 глава

— На что уставилась? Нравится вид?

Кэри закусила губу, чтобы не пустить наружу несогласный вопль. Стоя на пороге уборной и

смотря на то, как Миранда убирает растекшийся макияж и прочие следы своего «преступления», ей захотелось разрыдаться.

— Вот же... черт... — Женщина едва держалась на ногах, а теперь еще и уронила тюбик помады. Наклонилась, чтобы поднять, но колени ее ослабли, и Миранда упала на кафельный пол. — Черт...

— Пойдем. Давай. — Проговорила негромко Кэри, подходя к девушке, помогая ей подняться, дойти до двери, а там и до машины.

Она усадила Миранду в салон, вручила ей тюбик помады, обошла порше и села за руль.

— Дай-ка сюда. — Пробормотала Каролайн, когда ее однокурсница неудачно мазнула помадой по щеке.

Держа ее за подбородок, как малого ребенка, Кэри осторожно нанесла на ее припухшие губы ярко-красный слой.

— Не смотри на меня так. — Проворчала Миранда и, кажется, будь она сейчас в состоянии, полезла бы в драку. Столько ледяной злобы и отчаянья было в ее взгляде. — Думаешь, что имеешь права так на меня смотреть? Хватит с меня... таких взглядов... ублюдки все до последнего.

Промолчав, Каролайн завела машину и выехала с парковки, оставляя призывные огни клуба позади.

— Возьми расческу. — Сказала Кэри, когда им пришлось затормозить на светофоре. — И салфетку... приведи себя в порядок.

— Какого черта ты делаешь? — Взвизгнула хрипло Миранда, вышвыривая протянутую расческу из машины. — По-твоему, я не в порядке? Я в порядке! И я собираюсь в таком виде предстать перед ним. Ну? Разве не хороша? — И она оттянула забрызганное декольте, обнажая грудь не защищенную бельем. — Думаешь, ему не понравится?

Ее смех был таким слабым, напоенным ненавистью — преддверие истерики.

— Ты не позвонила ему, нет? Ох, зря... Хочешь оставить наше милое приключение в секрете? Да я сама ему все расскажу! — Кэри посмотрела на женщину опасливо, умоляюще. — Думаешь... ха-ха-ха! Думаешь, ему есть какое-то дело до этого?! Да ты ни черта не знаешь! Ты о нем ни черта не знаешь! Вы все не знаете! Ни-че-го! А хочешь... хочешь я тебе расскажу, а?

— Мы уже скоро приедем, Миранда. Все... все будет в порядке. — Ответила на это Кэри, ускоряясь.

И она, наверное, смогла бы насладиться поездкой в элитной машине, которую раньше видела лишь на фотографиях, если бы не Миранда. Вперившаяся в нее одержимым взглядом и хохочущая.

— А я тебе солгала! Он меня ни разу еще не трахнул, ну? Как тебе новость?! — Она рассмеялась еще громче, когда брови Кэри нахмурились. — Он меня презирает... смотрит, как на червя. Прошло уже почти... почти пять лет, еще немного и... он бросит меня. Он — демон, ясно тебе? И у нас с ним контракт на пять лет. Он сказал... сказал, что сделает все, чтобы получить мою душу. Ты же видела его... от его улыбки можно кончить... я так хотела, чтобы...

он стал моим... только моим, понимаешь? И он стал! На бумаге!

Боже, что те парни подсыпали ей в выпивку?

— Завтра все пройдет, Миранда.

— Иди ты к дьяволу! — Смех утонул в диком рычании гнева. — Ты что, ничего не поняла?! Он не человек! Его зовут не Брендан! А Брес! И все эти деньги, машины, платья, украшения — все это дело его проклятых рук! И я — дура, я не сказала, что... когда мы заключали договор, я не сказала, что все это должно остаться со мной. И когда наступит конец срока... когда пробьет двенадцать раз, волшебство феи крестной рассеется! Дошло? Он заберет это все! И что... что будет со мной после этого?

Это ж как надо обращаться со своей женой, чтобы довести ее до такого полусумасшедшего состояния?

— И в течение всех этих пяти лет, он даже не взглянул на меня... как на женщину. — Миранда рыдала в голос, стискивая руки в кулаки. Желая бить, крушить, рвать. — Я... я была не такой! Не такой! Я всю себя переделала... бесконечные пластические операции... а какой толк! Если меня имеют в туалетных кабинках! А он... он все знает, и все равно... ему все равно!

Кэри упорно молчала. Хотя, что скрывать, ей не раз и не два хотелось задать парочку вопросов. По поводу того, что за бред творится в ее голове? Несчастливая довела себя до ручки вечными гулянками, выпивкой и сексом с незнакомцами. И куда смотрит ее муж? Черт возьми, он теперь не казался таким уж ангелом, потому что был виноват от и до в том, что сейчас происходило с его женщиной. Почему он так жесток с Мирандой? Почему так безразличен к ней? Почему позволяет этому продолжаться?

К концу их поездки Миранда утихомирилась, выбившись из сил и сорвав голос. Когда же Каролайн проехала на территорию особняка, она выглядела как человек, которому все опостылело, а этот дом — особенно.

— Я ездила к своим родителям... — Прохрипела едва слышно Миранда, смотря в пустоту. — Они... никогда не поддерживали меня... А я думала, что... хотя бы они...

— Все будет в порядке. — Посмотрела на нее Кэри. — Просто... будь сильной.

— Заткнись.

Двери особняка открылись и по лестнице спустился мистер Эохайд. В темноте, рассеиваемой уличными фонарями, он казался сплошным светлым пятном. Кашемировый свитер, плотные серые штаны. И, когда он подошел, стало ясно, что первой его фразой будет не «привет, девчонки, как отдохнули?»

— О, вот и мой благоверный! — Бессильно рассмеялась Миранда, сверля мужчину взглядом полным ненависти и обожания. — Не скучал? Я нет. Ну, как я тебе?

Эохайд молчал, когда прошел к машине, за рулем которой сжавшись и не решаясь поднять взгляд, сидела Каролайн. Он открыл дверь со стороны Миранды, и поднял женщину на руки, после чего развернулся, чтобы отнести ее в дом. Сглотнув, Кэри решила, что и ей пора...

— Жди здесь.

— Не... нет, я...

— Жди. Здесь. — Эохайд обернулся и пригвоздил ее взглядом. И стало ясно, что она не шевельнется до тех пор, пока мужчина не соизволит вернуться.

* * *

Брес отнес притихшую Миранду в ее комнату, а оттуда — в ванную. Включил воду. Быстро и в то же время очень бережно раздел девушку, после чего положил ее в стремительно наполняющуюся водой купель.

— Останешься со мной? — Шепотом спросила Миранда, поднимая на него свои полные слез глаза. Он ответил как и раньше: молча покачал головой. — Ну почему?! Почему ты меня не хочешь?

Потому что хочет другую. Ту, которая сейчас на улице, рядом с этим домом ожидает его. И желание это возникло еще в те времена, о которых Миранда может узнать лишь из учебников истории. Чертовски давно и, кажется, навсегда.

— Что во мне не так? — Ее голос набирал силу, перекрикивая шум воды. — Что тебе нужно?! Я думала, что...

Какая проблемная. С чего она решила, что как бонус к душе он еще возьмет ее тело? И почему у женщин наблюдается такая тенденция к усложнению даже самых элементарных вещей? Их контракт был предельно ясен, обозначал права одного и обязанности другого, и Брес не собирался выходить за пределы этих границ.

— Ты... ты даже смотреть на меня не хочешь... какой же ты ублюдок... — Всклипывала женщина, отказываясь понимать, что ему неприятны зрительные контакты со всеми кроме одной. — Ну что мне сделать... куда ты? — Она встрепенулась, когда Брес направился к выходу из комнаты. — Я убью себя, слышишь! Вот увидишь, я сделаю это!

Идя по коридору, Брес остановил одну из прислуги, попросив ее присмотреть за госпожой и дать ей успокоительное, а если понадобится — вызвать врача.

Чувствуя себя искупавшимся в грязи, Эохайд вышел под ночное небо, проходя к машине. Там, на сидении рядом с водительским, его ожидала Айрис. Ее голова была опущена. Руки держали на коленях сумку.

Черт возьми, каким надо быть эгоистичным ублюдком, чтобы самому попросить ее пойти на гулянки с Мирандой? Но Брес сделал это не потому, что не знал, чем все закончиться, а как раз потому, что знал это отлично. Только так он мог заставить Айрис вновь оказаться здесь. Она должна была прийти к нему по доброй воле и разрешить подвезти ее до дома, побыть с ней хотя бы немного. М-да... это много о нем говорит.

Когда он сел рядом, девушка даже не пошевелилась. Боги, что могло там произойти кроме уже известного ему, если она теперь отказывается говорить и смотреть на него?

— Как ты? — Решил разрушить молчание Брес.

Ну же, посмотри на меня.

— Отлично. Все хорошо. — Ответила она, отворачиваясь.

Кажется, это следовало расценивать как пинок под зад. И потому всю дорогу до ее дома, Брес раздумывал над тем, что можно было бы сказать, не вызвав при этом ее злости. Пусть даже он ее заслужил.

— Откуда вы знаете мой адрес?

Отличная тема для разговора, да.

Подняв взгляд от своих рук, сжатых на руле, Брес осмотрелся. Глядите-ка, он даже не подумал о том, что было бы неплохо остановиться у того супермаркета. А теперь... нужно было отвечать, но что-то ему подсказывало, что «я преследую тебя» вызовет вполне резонное недовольство.

— Мне жаль, что все так получилось. — Проговорил он вместо ответа. — С Мирандой.

— Это ваше личное дело. — Безразлично бросила она, после чего схватилась за ручку двери. — Вы нужны ей. Не понимаю, какого черта вы делаете сейчас здесь.

Он не дал ей выйти. Нет, расставание на такой ноте недопустимо между ними. Только не теперь. Потому Брес сжал предплечье девушки, дергая ее обратно. Темные глаза широко распахнулись, словно не веря, что он мог себе позволить нечто подобное. Возмутительное. Пугающее.

— Я люблю тебя. Так понятно?

Ох, едва ли. Долгожданный момент его признания настал, а Айрис вновь попыталась уйти, на этот раз движимая страхом, а не благоразумием. О, кстати, последнее ему бы очень даже пригодилось, потому что он решил, что к словам нужно добавить действия в качестве доказательства. Притянув ошарашенную девушку к себе, он наклонился и приник к ее плотно сжатым, дрожащим губам своими.

— Дай мне свой рот. — Прошептал Брес, отклоняясь от ее губ, прижимаясь к ним снова, целуя, проводя языком, требуя ответить. — Позволь мне поцеловать тебя. Я так хочу. Так долго... если бы ты знала, как долго я ждал этого.

Как некогда, в тот день их первой встречи, при первом чувственном прикосновении, реакцией Айрис была не готовая на всё страсть тела, а полная неподвижность, так и теперь: она замерла, напряглась, даже перестала дышать. И лишь через минуту ожила, дернулась от него в сторону, попыталась предотвратить сближение руками, отворачиваясь.

Хорошо. Да, он понял, что она считает его убудком, недостойным ее. Она права от и до, конечно, но нужно было что-то помощнее, чтобы остановить его в данный момент. Экспресс на полном ходу, быть может.

Айрис просто не знает, не помнит, не хочет вспоминать его и ту одержимую жажду, с которой он ждал ее все эти века. Одну лишь ее... и отказывать ему теперь в таком примитивном удовольствии? В простом поцелуе?

Положив одну руку на ее затылок, зарывшись в ласковый шелк волос, а другой мягко обхватив тонкую женскую шею, Эохайд умолял каждым движением, полным сдерживаемой страсти, ответить, дать ему шанс, впустить...

Она ответила. Потому, стоило ему отклониться, как его лицо обожгла пощечина. Окей,

собственно, Айрис была единственным человеком, которому это не только разрешалось, но от которого приветствовалось.

— Заслужил. — Хрипло согласился мужчина, возвращая на нее свой взгляд.

Айрис тяжело дышала, глядя на него глазами самого гнева, паники и... о, да, желания.

— Как вы... когда ваша жена...

Брес посмотрел на кольцо на своей руке. Скажи он, что вещица ничего не значит, и получит по второй щеке. И, конечно же, опять стерпит, хотя евангелие не было его настольной книгой.

— Я не собираюсь быть частью вашей мести! — Отрезала девушка и ее третья попытка выйти закончилась так же как и предыдущие.

— Это не месть. Я люблю тебя, слышишь? Довольно давно...

— Да вы меня знаете всего месяц!

— ...и все это время я просто ждал возможности, чтобы сказать тебе это и не отпугнуть. Можешь считать, что я нетерпеливый сукин сын.

— Нет. Вы сумасшедший.

— И сумасшедший тоже. Айрис... в смысле, Каролайн...

Девушка медленно покачала головой, словно вообразить степень его извращенности и испорченности ей было не под силу.

— Я думала, что вы другой. А на самом деле, вас со всеми остальными мужчинами роднит стремление к количеству, а не качеству. Вам плевать кто, вам главное — как много. Я... я еще никогда не была так чудовищно разочарована. — Ох, дьявол, лучше бы она его снова ударила. — Поезжайте обратно к своей жене, мистер Эохайд. И не думайте, что она в чем-то хуже вас.

Дверь за ней захлопнулась. Оставшись в оглушающей тишине, Брес взглядом проводил Айрис до порога ее дома. Не обернулась. Ни разу.

И почему ему кажется, что он играет одну и ту же роль из раза в раз? Меняются только декорации. Знала бы она, как это больно для мужчины, особенно, для такого как он — быть отвергаемым снова, и снова, и снова.

И Бреса поражала ирония Фортуны: независимо от времени обстоятельства складывались таким «удачным» образом, что Айрис не могла стать его, не нарушив при этом законов морали. За все минувшие года она была то замужней дамой, то младшей сестрой, которую нельзя было выдать раньше старшей (а на это рассчитывать не приходилось), отчего Айрис берегли всем чокнутым кланом как зеницу ока, и потому Брес со своими ухаживаниями казался ей... ну, как всегда, на самом деле, — кобелем и сволочью. То пленницей за секунду до исполнения смертельного приговора, который приняла охотнее, чем попытку Бреса, вызволить ее. Ведь первое обеспечивало ей вечную жизнь героя, а второе — короткую жизнь в позоре. В последний же раз их встречи, она зачем-то ушла в монастырь!

Брес не знал кем нужно быть, что понять, просто понять поступки этой женщины! Человеком,

вероятно.

Но что сейчас важнее... какие слова помогут ему объяснить ситуацию, в то же время не характеризуя его, как сумасшедшего или как легкомысленного волокиту? Такие слова вообще существуют?

Поворачивая ключ в замке зажигания, Брес был чертовски недоволен. С собой. Ситуацией. Айрис. И, кстати, ему только что пришла в голову гениальная мысль: он знает, с кем поделиться своим настроением.

9 глава

Два дня назад, как раз после того безумно-безрассудного поступка мистера Эохайда, Каролайн написала прошение о переводе к другому преподавателю на курс лекций «зарубежная литература». В качестве причины указала «религиозные» — единственное, что не нужно было расшифровывать и к чему не прикопаешься.

И вот с сегодняшнего дня она официальный слушатель мистера Байвера — шепелявого старика с опрятной, седой бородой, которую он нервно поглаживает, когда пытается достать из недр своей памяти какое-то имя или дату. Его лекции были и в половину не так увлекательны, как ораторские выступления мистера Эохайда. И собирали аудиторию они в три раза меньше. И все же был у Байвера один огромный плюс: от него не следовало ожидать сюрпризов. Он был уже стар и слаб телом, ввиду этого безразличен ко всему, даже к своему предмету, и работал только лишь за зарплату, не борясь за внимание молодых умов.

Иногда профессор словно выпадал из реальности: его веки устало закрывались, повесть обрывалась, наступала тишина. В эти опасные моменты в аудиторию без предупреждения проникало сокрушительное воспоминание.

Мистер Эохайд сказал «люблю» и поцеловал с такой нежной требовательностью, о существовании которой в этом грешном мире Кэри не знала до того самого момента. И на одно мгновение она поверила ему: его слова и прикосновения заставили ее почувствовать себя долгожданной, любимой... святыней, на самом деле.

И потому теперь Каролайн так себя терзала. Ведь первым порывом ее было не праведное возмущение, а мысль «я не умею». Вот что она хотела ответить ему! Она не умеет любить такого как он. Она не знает, как это, быть любимой таким мужчиной, нравиться кому-то вроде него. Что нужно делать для этого? Как себя вести? Ведь он был особенным, следовательно и отношение к нему должно быть таким же...

Дура! За какую-то одну секунду в своих фантазиях она уже успела дожить с ним до счастливой старости в домике на берегу океана. Забыв, напрочь забыв, что у него уже! Есть! Жена!

Ругая, убеждая, утешая себя, Кэри украдкой терла губы тыльной стороной ладони, словно прикосновение мужчины, как чувственное клеймо, лишаящее воли, еще не исчезло. Никогда не исчезнет. Останется навечно и в сотнях поцелуев, которые (как надеялась Кэри) ее еще ждут, она будет искать именно его поцелуй. Боже, Каролайн знала, что перевод к другому профессору не поможет. Не поможет даже выезд из города, страны, планеты: от себя не убежишь.

Однако, когда Каролайн вышла из аудитории после окончания лекции, выяснилось, что сбежать ей не удастся не только от себя.

— Мисс Атолл.

Эохайд стоял возле двери, словно ждал ее. Почему смотря на этого мужчину создается впечатление, что он ждет ее постоянно?

— Сэр. — Ответила она вмести в три буквы весь холод, который вообще могла собрать в своей душе.

Десятки глаз провожали их, когда Кэри стремительно пошла по коридору, а профессор Эохайд последовал за ней.

— Зачем ты так со мной поступаешь? — Прошипел профессор за ее спиной, заставляя испуганно прикусить губу. — Столько раз предпочитала меня черти кому...

— Что?! — Резко обернулась она, но стоило их взглядам встретиться, как ей пришлось отступить. — Да как вы... это вообще-то мои слова! Слова про то, зачем вы так поступаете!

— Зачем? Ну разве я в прошлый раз не объяснил тебе? — Кэри не могла понять, как этот человек может так резко переходить с холода на жар. Ведь ей все это время казалось, что он смотрит на нее свысока, дистанцируется, даже презирает. А теперь..? — Рассказать еще раз? Показать?

Оглядев наблюдавших за их частным разговором студентов, Кэри вновь побежала по коридору. Сумасшедший мужчина не отставал. И когда ему надоела эта бессмысленная гонка и когда свидетелей в коридоре поубавилось, он решил устроить им тет-а-тет, втянув Каролайн в первую попавшуюся аудиторию. А та, словно подстроившись под желание мистера Эохайда, была отперта и пустынна.

Отбежав от него за первую парту, Кэри нахмуренно следила за тем, чтобы мужчина так и оставался стоять и двери. И ни в коем, мать его, случае не приближался.

— Когда ты так смотришь... — Напряженно проговорил он, оглядывая ее. — Доказать тебе, что меня бояться не стоит, превращается в необходимость.

Она хотела сказать «отлично, так и сделайте», но внезапно поняла, о доказательствах какого рода идет речь.

— Не... не подходите...

— Мое желание так отвратительно?

Ох, черт! Когда он прямо заявляет о том, что хочет ее, тело отвечает на этот призыв томительным пением. Так что нет, не отвратительно — намного хуже.

— Вы не имеет права говорить мне такое! У вас же есть жена! Неужели вы всем своим студенткам предлагаете... — секс — ...такие отношения?

— Какие отношения? — Его глаза прищурились с жестокой насмешливостью. — Что по-твоему я тебе предлагаю?

Как же трудно произнести это элементарное слово в его присутствии! Обращаясь к нему. Предполагая в этом слове очень близкий контакт его и ее.

— Вы что... издеваетесь?

— Отнюдь. Хочу узнать, как ты расцениваешь мои слова.

— Как расцениваю?! Как измену вашей жене, вот как! Не понятно? Как перепих! Как... совокупление! Трах! Как там еще это называется у тех, кто перестал предавать всякое значение любви? — Запальчиво вскричала Кэри, позабыв о всех тех студентах в коридоре, которые могли стать случайными свидетелями этого разговора. — Как это называется у вас подобных?

Он помрачнел. Было бы лучше, если бы он унижающе расхохотался ее наивности и неопытности, но мистер Эохайд почему-то стал невероятно серьезным.

— У мне подобных. — С расстановкой произнес он через долгие секунды. — Не думаю, что эта планета носит еще кого-то подобного. — Ох, ну еще бы. — Но если бы такой же жалкий, несчастный ублюдок отыскался, то он сказал бы тебе, что у нас подобных это называется иначе. И что люди этого слова даже не знают. Не придумали. Ведь они и их любовь — весьма скоропортящаяся вещь. Которую они не пронесли через века. Которая не была закалена в огне мучительного ожидания. Которую не разлука делала крепче, сильнее, одержимее, а пустые, высокопарные признания. И то, что я испытываю... да, ты права, это нельзя назвать любовью... это куда более неистовое, мучительное, жадное чувство, которое требует у меня оказаться в тебе прямо сейчас. Потому что, кажется, я и так ждал чертовски долго. И что, скажи, мешает мне наконец-то взять тебя? Насытиться тобой. Найти в твоём теле, в твоих объятиях, в твоих столах потерянный некогда Рай. Ведь мне кажется, я ждал твоего «да» достаточно, чтобы уже утратить всякую надежду на согласие. Так может мне и не стоит ждать его больше?

Вопреки тому, какое сильное впечатление на Кэри оказали его слова, прозвучали они тихо и так невероятно спокойно. Это не было страстным признанием. Скорее исповедью преступника за секунду до казни. Когда тому уже нечего терять.

И когда Эохайд двинулся в ее сторону, угрожающе, медленно наступая, Кэри подумала над тем, что ее побег будет ошибкой, глупой провокацией. Он именно этого и добивается — чтобы она сорвалась с места, бросилась к двери, из последних сил, со всех ног. И он наслаждался бы короткой погоней и логическим завершением оной. Потому, споря с инстинктом, Каролайн стояла на месте, напряженно следя за приближением мужчины.

Эохайд остановился напротив спасительной парты, касаясь бедрами края столешницы.

— Скажи мне, чего я жду?

С языка рвались безумные остроты, которые стоило озвучить, чтобы уже через секунду он исполнил свои угрозы. Чего он ждет? Жену? Разнообразия? Звонка в 911? И все же наперекор страху и злости все внутри ныло: «меня».

Он наклонился. Так близко. Его взгляд скользнул на ее губы, давая представление о природе мыслей этого мужчины в данный момент.

— Не бойся, Айрис. Не бойся. — Его красивый, чувственный рот искривила ироничная ухмылка. — Это мое призвание — ждать. И я буду ждать. Сколько нужно. — Глаза Кэри распахнулись. Она почувствовала, как он берет ее руку, чтобы через секунду вложить в ладонь какую-то мелкую, едва ощутимую вещь. Наклонившись к уху девушку, Эохайд прошептал: — Убегай.

И тут ее не надо было просить дважды. Оказавшись за пределами аудитории, дыша так, словно

все это время находилась в чаду, Кэри разжала руку. В центре ладони лежала беззащитная, ранее оторванная голубоватая пуговица.

* * *

Сославшись на болезнь, Каролайн не появлялась в университете всю неделю. На деле же она просто скрывалась от мужчины, который узурпировал все ее мысли и чувства. Почему даже просиживая часами в библиотеке, гуляя, посещая достопримечательности и даже проклятые торговые центры, она все равно думает только о нем? Почему, к примеру, не о его жене?

Но, странное дело, Миранда совершенно замолчала, а в университете неделю назад поговаривали, что она укатила на Багамы. Одна. Очевидно желая отдохнуть в своем фривольном стиле. Черт! с каких пор дела их семьи касаются ее?

Осознание того, что мистер Эохайд находится в пределах этого города, брошенный своей супругицей, возможно, беспросветно одинокий в эту самую секунду, вносило в ее мысли сумятицу. Даже посильнее той, которую породил вчерашний звонок от мамы.

Миссис Атолл как и обычно начала с расспросов о ее делах и успехах в учебе. И получив заверение в том, что все — лучше не бывает, поведала новость, которая чертовски напугала. Которая заставила Кэри растеряться и долго-долго молчать.

— Зачем ты рассказываешь мне об этом? — Прошептала она в итоге обессиленным голосом.

— Как зачем? Вы же какое-то время встречались. Я думала, здоровье Джея не безразлично тебе. Бедный мальчик, это нападение... его родители с ума сходят. Он в коме вот уже неделю.

— Ясно. Жаль. — Хрипло кинула Кэри, после чего в срочном порядке распрощалась с матерью.

И сев на скамейку, долго думала над тем, почему возмездие настигло Джея только сейчас? И что важнее, чем он заслужил это состояние средней степени тяжести? Не по-библейски было радоваться боли ближнего своего, однако некогда Джею было исключительно приятно слышать ее протестующие крики и мольбы остановиться.

Ее и без того дерганый вечер был окончательно превращен в «препаршивый». И когда Кэри ехала домой, ей, правда, казалось, что хуже быть не может.

Поднявшись по лестнице, дойдя до знакомой двери, Каролайн нащупала в кармане ключи. Которые ей, как выяснилось через минуту, не понадобились — дверь была отперта. Кэри переступила порог полная возмущенного предчувствия — «опять?!», но так жестоко ошиблась.

Мягкий звук удара, хриплый вскрик, кашель заставили ее вздрогнуть и выронить ключи. Сердце пропустило пару ударов.

— Я... я все верну. Клянусь!

— Конечно, вернешь, паскуда! — Пробасил чей-то густой голос, который перекрыл новый вой боли. — Попробуй не вернуть, сука! Мы тебя на ленточки...

— Я вызвала полицию! — Бросилась в комнату Чейза Каролин, застыв в дверях. Побледневшая. Напуганная. Тяжело дышащая. — И они будут здесь через минуту.

Два бугая повернулись к ней, ощупывая хищными взглядами, которые редко встретишь у

людей. Черные дорогие костюмы, золотые крупные кольца, жестокие, отталкивающие выражения лиц этих мужчин говорили о том, что у ее брата, валяющегося сейчас на полу, большие проблемы. Огромная зловонная куча проблем.

— Черт тебя дерит...

— Уходим.

— Ты все уяснил? — Один из них пнул Чейза на прощание еще разок. — Если послезавтра денег не будет, мы вернемся. И не дадим знать когда именно, но постараемся, чтобы дома были все.

Они прошли к выходу, как хозяева. И последний не преминул провести по щеке Кэри ладонью в недвусмысленном, отвратительном жесте.

Дверь за ними захлопнулась, сбивая с потолка побелку.

— Давай... поднимайся. — Подросла к скулящему от боли брату Кэри, подхватывая его под руку. — Осторожнее...

Она помогла ему лечь на кровать, а сама убежала за льдом. И когда вернулась, прикладывая компресс к его опухшему лицу, Каролайн едва сдерживала себя от обвинений с разбиванием посуды.

Кто они такие?! Куда ты ввязался на этот раз?! Что же ты делаешь с нами, ублюдох! Что ты делаешь с собой!

Но Кэри молчала, смотря на своего брата жалостливо, а Чейзу хотелось спрятаться от этого взгляда.

— Ты... правда вызвала копов? — Прохрипел он, на что Каролайн покачала головой.

— Что случилось с тобой, Чейз? — Шепотом спросила она спустя минуту, убирая отросшую челку с его лба.

Он зажмурился. Так словно держался из последних сил, чтобы не показать ей ужаснейшее из зрелищ — мужские слезы. Тяжело вздохнув, он начал свой рассказ. Сначала медленно, вспоминая, объясняя, пытаясь оправдаться...

Чейз солгал. Его уже давно выкинули с работы. После первого же анализа на наркотики, который застал врасплох всех его коллег, хотя те и не были торчками. Но он не пал духом, потому что подыскать новое место было не так уж и сложно. Чейз почему-то решил, что предпочтительнее стать курьером-бегунком, чем хотя бы попытаться порвать со своим пагубным пристрастием и найти законный источник прибыли. И вот сегодня он крупно обложился: хозяин доверил ему перевезти крупную партию крэка и все бы ничего, но какие-то утырки напали на него. Их было четверо, у них у всех — пушки, а он один со своим зиг-сойером и спортивной сумкой, туго набитой наркотой.

Парни забрали добычу, самого же Чейза не тронули. И, вероятно, он решил, что судьба что-то напутала. Он же, мать его, просто обязан глупо сдохнуть именно сегодня. С этой целью он позвонил хозяину, во всем ему сознался, и вот результат.

Каролайн, сидя на краешке его кровати, тяжело дышала. Обхватив руками голову, беззащитно

сжалась, замерла.

— Я что-нибудь придумаю. — Прошепелявил распухшими губами Чейз. — Честно. Я достану деньги.

О, заткнись ради бога!

— Сколько ты им должен?

Уведя глаза в сторону, брат несколько помялся, прежде чем ответить. От озвученной цифры сперло дыхание.

— Где? Где ты достанешь так много?! — Приглушенно простонала девушка.

— Я... могу взять кредит...

— Не можешь, Чейз. Тебе, безработному, никто не даст в кредит столько наличности.

— Тогда... займу...

— У кого? Возможно, у своего босса?

— Попытаюсь найти украденное... соберу парней...

— А ты не подумал, что это «ограбление» подстроил именно твой хозяин? Чтобы подставить тебя. Чтобы содрать с тебя три шкуры или в ином случае избавиться от тебя.

Чейз онемел на минуты, переходящие в часы. Они просидели в угнетающей пугающими перспективами тишине, прислушиваясь к каждому звуку, наверное, полночи.

— Бежать? — Предложил он в итоге тихо, как последний вариант, но Каролайн покачала головой.

— Нужно срочно продавать машину и квартиру. — Ответила она, вставая с кровати. — Завтра этим займемся.

— Ты с ума сошла?! — Воскликнул Чейз, порывисто отнимая разбитую голову от подушки. — Продавать?! Да я едва выплатил по ним кредит... К тому же, узнав, что мне нужно продать квартиру срочно, покупатели, если такие за день вообще отыщутся, не заплатят мне и половину ее настоящей стоимости! И что... потом? Куда дальше?

— К родителям.

— Да отец меня живьем сожрет!

— Либо он, либо твой босс.

— Тебе легко говорить!

— Не напрягайся. — Холодно бросила Кэри, уходя на кухню, за аптечкой. Через минуту она вернулась с обезболивающим и стаканом воды. — Пей и ложись спать. Постарайся заснуть.

— Смеешься, что ли? — Прохрипел Чейз, но лекарство выпил. — Черт... я знаю, какой я придурок, но я клянусь, слышишь? Я все улажу. Ты только не переживай, хорошо? Я достану...

Устало выдохнув, она развернулась, вышла из комнаты и мягко затворила дверь. Не веря ни единому слову. И еще долго, обхватив руками озябшие, дрожащие плечи, она сидела в своей комнате, в темноте. Прибегая к такому, казалось бы, заранее обреченному на неудачу способу решения проблем. К молитвам.

10 глава

Говоря Чейзу выспаться, сама Кэри своему совету не последовала.

До самого рассвета думая, представляя, решая, она порывалась схватить телефон и позвонить родителям. Вот так слабовольно и подло. Узнай о том, что она разболтала все матери, а та — отцу, Чейз возненавидел бы Кэри. Господи, почему их семья настолько неидеальна?

И тем нем менее, ей нужен был совет. Нужна была поддержка. Твердое плечо. И где это все искать, если не у родителей?

Нервно кусая губы, Каролайн просидела на кухне всю ночь перед чашкой с уже давно остывшим кофе. Иногда ее встревоженный взгляд пугливой птицей устремлялся к двери: ей постоянно слышались шаги в коридоре, а в соседней комнате стонал от боли брат.

И все-таки расскажи она родителям о произошедшем, и отношения стариков с Чейзом испортятся окончательно. Да и с ней, с Кэри, вероятно, тоже. Все же ни отец, ни мать не были в восторге от ее идеи переехать, да еще и к своему заблудшему брату. Деньгами они не помогут. Приехать не сумеют тоже: слишком утомительная дорога для их костей. Однако, черт, как же ей хотелось в эту самую секунду услышать заверение в том, что все будет хорошо. Все наладится. Что ее любят, что она нужна, и потому...

Ее глаза обратились к фотографиям, которые облепили всю стену напротив стола, словно развешанные иконы. Этот мужчина, очевидно, в самом деле преследует ее. И теперь сорвать снимки и устроить великий костер инквизиции было таким соблазном... Однако все что сделала Каролайн — позорно сбежала в свою комнату. И еще долго ворочалась в холодной постели под жесткими простынями, мыслью блуждая в темноте в поисках решения и не находя его.

Ее беспокойный сон прерывался несколько раз. Далеко в коридоре, забытый в сумочке трезвонил телефон, а у Кэри к тому моменту уже не было никаких сил, чтобы перевернуться на другой бок. Потому она просто мечтала о том, чтобы эта шумная штуковина внезапно оказалась вне зоны доступа.

Через несколько часов ее вынудил проснуться и на этот раз встать, сильный шум как будто передвигаемой мебели и коробок. Когда Кэри вышла из своей комнаты, взъерошенная и напуганная, оказалось, что Чейз уже готовится к переезду, сметая все с полок, из шкафов, комнат в ящики, и складывает свой скарб в коридоре.

— О, ты проснулась... — Парень выпрямился, вытирая руки о полинялые джинсы. — Доброе утро... день... уже почти вечер, точнее.

Каролайн с нескрываемым недоумением смотрела на него. Разглядывала его темно-карие глаза, подкрашенные синяками. Разбитые губы, которые, как будто, улыбались. И не понимала причину такой оживленности, деятельности, духовного подъема. Ведь она знала своего брата слишком хорошо, чтобы теперь запросто поверить в то, что он взялся за голову и решил последовать ее совету. И вчера, засыпая, Кэри верила, что обнаружит его опять укуренного до бессознательного состояния, ведь именно так Чейз обычно решал свои проблемы.

— Сейчас подъедет машина... я подыскал нам новое местечко. — И он вновь, подтянув рукава, принялся за работу.

— Чего..? Какое местечко?

— А ты собираешься тут оставаться? После всего, что произошло? Пусть я им больше ничего не должен, черт знает этих...

— Чейз. Чейз, опомнись! — Кэри обеспокоенно подобралась к брату, заглядывая в глаза. Абсолютно трезвые. — Тебе приснилось, должно быть...

— Не... нет! Все в порядке. Я все уладил! — Заявил убежденно парень, забирая с тумбы скотч. Начиная перевязывать липкой лентой коробки с характерным трескучим звуком. — Так что мы до завтра должны уехать и... все наладится. Я найду работу и...

— Чейз. — Обмерла Каролайн, опираясь плечом на стену. — Ты... вернул им деньги?!

— Ага. Типа того.

От-мать-его-лично. Осталось только выяснить у кого Чейз занял такую сумму. И какие проценты ему назначили.

— Никаких процентов! И я верну бабки, когда смогу... через год... два, три, десять — без разницы.

— Так не бывает, Чейз. — Покачала головой девушка, начиная опасаться, что он сошел с ума. Его слишком сильно ударили по голове, а еще эти наркотики, стресс... — Во что ты опять вляпался? Говори! Ну?!

Ее встревоженные, широко-распахнутые глаза впились в него испытующим взглядом. И Чейз долго молчал, оглядываясь по сторонам, словно в поисках укрытия. Но в итоге кинул скотч на коробку, взъерошил свои волосы и сознался:

— Это... ну... Брендан.

— Брендан? — Не поняла Кэри, прищуриваясь.

— Типа... препод твой.

В это самое мгновение Каролайн показалось, что она теряет равновесие. Проваливается в какую-то бездонную пропасть, и мир с его звуками, цветами, физическими законами отдалается от нее. И потеря сознания была бы сейчас отличным выходом из ситуации, но увы.

— Ты... ты... то есть ты хочешь сказать, что взял всю эту сумму в долг у мистера Эохайда? — Едва слышно переспросила Кэри, когда вернула себе голос.

— Ага. Вроде того. М-да. — Чейз нахмурился, когда увидел, как девушка сползает по стене на пол. — Эй, с тобой все в порядке?

— А с тобой, Чейз? Зачем ты... боже, что ты наделал...

Удивительно. Смотря на свою сестру Чейз отказывался понимать, почему она реагирует на эту новость сильнее, чем на вчерашних гостей? Ведь ему казалось, что те парни выглядели куда внушительнее и опаснее, а подкосило ее в итоге просто звучание имени ее профессора.

— Я не знаю, как этот мужик разбогател, преподавая в университете, но деньги он лопатой гребет. Seriously, я видел чек — от такой суммы он не обеднеет...

— Как ты вообще до такого додумался?! — Она еще никогда не повышала на него голоса. Сюрприз-сюрприз.

— Я не додумывался! Твой чертов телефон звонил все долбаное утро! И потому я решил сделать нам обоим огромное одолжение — послать нетерпеливого ублюдка по нужному адресу. А это оказался... он. Спросил почему ты не ходишь всю неделю в универ. Я сказал, что ни черта о твоих прогулах не знал, потому что у меня у самого проблем, как обезьян в джунглях. Ну и... слово за слово... вот.

Его отповедь начавшаяся как взрыв, как праведный шторм под конец затихла и обрубилась растерянным, негромким «вот».

— Вот. — Покивала едва заметно Кэри, не смотря на него. — И тебя... ничуть не смущает тот факт, что ты должен ему столько?

— Нет. А чего...

— Он же тебе никто, Чейз! Ты же с ним не знаком даже.

— Эй, уже знаком. И он классный мужик.

— Потому что дал тебе эти чертовы деньги?

— Да нет же! Потому что... у него даже не возникло желания спросить, какого дьявола я натворил.

— Это, действительно, многое о нем говорит...

— Я разбираюсь в людях! И этот не хочет подставить меня! Ему это на хрен не нужно!

— Ах, ясно... так может... — Кэри медленно поднялась, опираясь на стену. — Может, тогда он сказал тебе, что ему нужно? Возможно, ты что-то упустил из своего рассказа? Нет?

— Не... не совсем. — Пробормотал опасливо брат, поспешно добавляя: — Но это ерунда! Так, глупая прихоть...

— И чего же ты тогда боишься? Говори.

— Он сказал, что если ты не хочешь...

— Чейз!

— Попросил тебя прийти. Сегодня. Или завтра. Ему что-то нужно сказать тебе. Ясно? Просто поговорить.

Кэри впиалась пальцами в дверной косяк, смотря на Чейза упор. Какие прокуренные мозги надо иметь, чтобы не догадаться, что скрывалось под «просто поговорить», за которое заплачена такая сумма? Неужели Чейз не понимал, что, радостно соглашаясь на «щедрое» предложение мистера Эохайда, на деле продавал ее, свою сестру? И, что сказать, она теперь знает, что стоит чертовски дорого.

— Ясно. — Усмехнулась Кэри жестко. — Да. Ясно.

— Ну так... тебе помочь собраться?

— Нет. Сама справлюсь. — Ответила тихо, как эхо девушка, неуверенно шагая к своей комнате.

И Чейз еще не знал тогда, что ее «соберусь» подразумевало не только чемодан в руках и дальнейшее исчезновение из этой квартиры. А из его жизни, нового дома, города в целом.

Собрав тот самый чемодан, с которым приехала сюда полтора месяца назад, Кэри из вещей оставила лишь юбку до середины бедра, тонкую красную кофточку, черные чулки и туфли на каблуке. И облачаясь во все это, закусывая губу и гордость, Каролайн, даже не обладая даром предвидения, знала свое будущее. Его сценарий был так прозаичен.

На такси она отправится в аэропорт, но не для того, чтобы тут же распрощаться со своим прошлым, оставив его позади на высоте десяти тысяч метров. А для того, чтобы купить билет в один конец на завтра и сдать свой багаж в камеру хранения.

На выходе из аэропорта она будет колебаться лишь секунду, а потом на том же такси поедет в «замок Шамбор», возвращать долг. И по пути, скорее всего, расплатится, испортив макияж.

* * *

Несмотря на то, что Брес в течение последних лет играл роль джина, деньги из шляпы доставать он так и не научился. Для того, чтобы обеспечивать Миранду всем необходимым (не только) и обязательно лучшим, он должен был работать. Эх, а ведь были времена господства языческой веры, его золотой век...

А теперь он вынужден выслушивать чуть ли не целый день отчеты своих секретарей, секретарей их секретарей и так далее и тому подобное. И этот порочный круг так ему осточертел, что секунду назад Брес без предупреждения оборвал говорившего с ним по телефону человека, нажимая на кнопку, которая подарила ему желанную тишину.

Выключить телефон. Закрыть все долбанные двери и окна. А лучше... нет, ему не стоит об этом думать. Окажись он вновь возле Айрис, и Эохайд сделает то, в результате чего ему придется ждать следующего шанса еще несколько веков. Уж лучше подождать несколько дней, не так ли?

Не успел он так подумать, как дверь его кабинета после предварительного стука распахнулась и в комнату чинно вошел Виктор — уже немолодой, но крепкий дворецкий французских кровей. И, пройдя к его столу, слуга доложил, что Бресу не нужно ждать больше ни единого, мать его, дня.

— Леди настаивает. Мне передать, что вы заняты, сэр?

Брес вцепился в морщинистое лицо человека взглядом, который еще немного и приобретет все свойства карающего огня. Мужчине хотелось вскочить из-за стола, рвануть к двери, а по пути высказать недогадливому Виктору:

Почему она еще не здесь? Ты что, ослеп? Как можно не увидеть, что она — искупление, свет и благо? Неужели ты оставил ее в фойе? Скажи, что хотя бы не за порогом! Ты уволен!

Вместо этого Брес сложил руки на столе, переплел пальцы и негромко сказал:

— Проводи ее сюда, Виктор.

Дворецкий долго, о-очень долго кланялся, шел обратно к двери, а там по лестнице на первый этаж все пятьдесят четыре ступеньки размеренным шагом, выражающим чрезвычайное, но в данном случае совершенно неуместное достоинство.

Эохайд встал из-за стола. Сцепил руки за спиной и медленно прошелся по комнате. Казалось, он уже отвык от этого — волнение, предвкушение, даже некоторое опасение, что он опять выкинет что-нибудь, что напугает женщину, оттолкнет. Но, хорошо, она уже почти здесь, еще минута...

Как удачно было наткнуться на ее брата. Как удачно, что Чейзу понадобилась помощь, которую он предоставил охотно и без особых стеснений. А деньги... никто не знал, что Брес отдал бы больше, намного больше за возможность просто увидеть Айрис. А сейчас... да, сейчас ему нужно придумать, что сказать ей. И почему он не подумал об этом раньше? Не верил, что она все же отважится посетить его логово. Но теперь... предложить поужинать вместе? А что насчет «жены»? Жена, черт! Миранда даже находясь черт знает где и, наверняка, в объятьях какого-нибудь загорелого мачо, все равно вставляет ему палки в колеса.

— Сэр. — Виктор вновь зашел в кабинет, соблюдая опостылевший этикет.

— Оставь нас. — Повернулся к двери Эохайд, пытаясь и едва в состоянии сделать это: сохранить непроницаемое выражение лица.

Айрис выглядела просто чудесно, а мысль о том, что женщина наряжалась специально для встречи с ним, разливалась по венам лавой. Она отказывалась смотреть на него, ее взгляд предпочитал обнимать пустоту.

— Сэр. — Поклонился на прощание Виктор, наконец-то выходя и мягко прикрывая за собой дверь. Его неторопливые шаги, глухо топчущие ковер, еще долго слышались в коридоре.

Брес набрал воздуха в грудь. Что ж, пожалуй, объяснит для начала, что деньги ни черта не значат для него...

Ох-ты-ж-матерь-божья!

Весь набранный воздух покинул его легкие с хрипом, словно невидимая рука выбила из него дух. Но то, что начала делать Айрис, было и в самом деле подлым, беспощадным ударом.

Сбросив с плеч тренч, она так же быстро и слажено расстегнула молнию на своей юбке, давая той упасть под ноги. Переступив через ткань, оставаясь в чулках и черных трусиках, она решила, что пришло время ее волос. Ее рука бросила к юбке заколку-краб и взьерошила темные, блестящие локоны. А потом ее пальцы, кажется, до этого не сомневающиеся в правильности действий, задрожали. Продолжая прятать взгляд, Айрис принялась за ряд мелких пуговиц на своей красной кофточке. И смогла расстегнуть лишь три из них. На каждую пришлось по несколько попыток.

Раздраженно выдохнув, она опустила руки, гордо вскинув голову.

— Не хотите помочь?

Помочь? Ах, помочь...

Брес сам не сообразил сразу, как Айрис оказалась лежащей на ковре, а он сверху на ней, терзающий ее губы. Его руки грубо гладили ее тело, наслаждаясь изгибами, теплом, нежностью кожи, контрастом ее с ненужной тканью. Кстати...

Треск ниток заставил женщину испуганно вздрогнуть. Пусть извинит его нетерпение, но, черт возьми, она просто не знает, через что он прошел, прежде чем дожить до этого самого момента. Он хотел бы сказать, что думать о чертовой кофте сейчас не очень кстати. Она должна думать только о нем, а завтра он купит ей сотню, тысячу каких угодно...

— Открой рот. — Прорычал несдержанно Брес, обхватывая ее подбородок ладонью.

И на этот раз она подчинилась, впуская его, давая себя, покорно принимая его страсть, его боль, его ожидание. Наконец-то. Наверное, нужно было убедительно объяснить ей, что он обязательно будет нежным. Что, возможно, его неконтролируемая жажда пугает ее, но это грубое нетерпение израсходует себя совсем скоро. Как только он примитивно докажет себе, что Айрис здесь, под ним, никуда не собирается уходить, как только он возьмет ее, как давно хотел, он покажет ей себя нежного. Он будет осторожно и долго поклоняться ее телу, а пока ему просто необходимо кончить внутри нее.

Проявляя чудеса воли, мужчина спустился к женской шее, к груди, сжимая ее через ткань белья ладонями, ниже... Не в состоянии спорить со своей природой, Брес развел женские бедра, прижался к ним с хриплым ругательством, отклонился, чтобы взглянуть...

Эохайд отпрянул так стремительно, что напугал ее. Но дьявол, это выражение ее лица! Айрис лежала под ним словно... мертвая! Ее голова была повернута набок, безразличные глаза смотрели в стену. Абсолютно расслабленная она словно терпела его прикосновения.

Зажатый между прошлым и настоящим, Брес попытался дать шанс дыхательным упражнениям. Каролайн же, не зная как реагировать на его поведение, приподнялась, растерянно следя за тем, как он, стиснув зубы, пытается вернуться к реальности. Но, черт, как много раз он видел ее умирающую...

В молчании прошла не одна минута.

— Какого черта ты делаешь? — Раздраженно прохрипел Эохайд, находя взглядом женщину. Конечно же, этот вопрос можно в той же степени обратить и к нему. — Эта игра только что могла закончиться для тебя весьма печально, Кэри. Я не святой, не буду отказываться от того, что прямо предлагается.

— Предлагается? — Прошептала она, смотря с прищуром. — Да ты просто купил меня!

— Когда это я успел?

— Тебе смешно?! Мой брат... ты дал ему все эти деньги...

Ох, черт, так вот в чем дело?

Айрис еще что-то говорила, обвиняла, обличала, а Брес пытался просто не думать о том, что она все еще в метре от него, почти обнаженная, и надо бы убрать в сторону это «почти». Думает, что он заплатил ее брату-недоумку за нее. Что купил, как шлюху. Боже, ну почему между ними никогда не было той завидной предельной ясности, которая есть у некоторых смертных счастливицев.

— ...он не вернет тебе этих денег, слышишь? — Жестоко отрезала она, раскрасневшаяся и дрожащая. — А для меня эта сумма — не пустяк. Я столько за десять лет не заработаю. И я не хочу, чтобы моя семья была в долгу у тебя.

— И поэтому решила, что, если уж я заплатил, нужно вернуть мне эту сумму своим телом. Так? — Очень тихо уточнил Брес, следя за тем, как она пристыжено отворачивается. — А если бы это был не я? Если бы кто-нибудь другой решился отдать деньги за твоего брата на тех же условиях, ты бы пошла к нему, Каролайн? — Она вся сжалась, подтягивая колени к груди, пряча в них лицо. Но еще не плача. — Отвечай. Если бы это был не я, ты предложила бы свое тело другому?

Она долго молчала, но ее колебание не было сомнением. Ответ Кэри уже знала, просто не могла его озвучить.

— Да.

— Отлично.

Каролайн удивленно вскинула голову и попятилась от него, когда мужчина встал, прошел к ней и поднял на руки.

— Что... что это значит? — Прошептала она, пугливо замерев.

Брес вышел из кабинета, чтобы перенести ее в свою комнату. Положить на свою кровать, которой еще не касалась ни одна женщина. И когда Айрис оказалась на постели, то попыталась от него отползти, словно растеряв всю свою смелость.

— Что это значит? — Переспросил Брес с мимолетной улыбкой. — Это значит, что я знаю тебя недолго, но очень давно. И за предоставленное нам время я кое-чему успел научиться. К примеру, различать оттенки твоего «да».

— Я... я не понимаю...

— Конечно, понимаешь. — Пронзительно-светлые глаза опасно прищурились, когда он подобрался к ней, нависая. — Твое «да» в данном случае означает «нет». Ты пришла ко мне, Кэри. И деньги — просто предлог. И раз уж ты здесь, в моей постели, оказавшаяся в ней с очевидными намерениями... неужели ты теперь надеешься, что я благородно отступлю? Ты развязала мне руки. И я буду делать с тобой, что захочу. Слышишь?

Она отвернулась, прикусив губу. Его слова звучали жестоко, потому что были правдой, которую она все еще не хотела признавать.

— Если тебе так легче, можешь оправдать себя долгом. — Великодушно разрешил мужчина, после чего мягко повернул ее лицо к себе, заставляя на себя посмотреть. — Я хочу тебя послушную сегодня. Ясно?

На этот раз она не отвела взгляда. Женщина смотрела на Эохайда с вызовом, прямо, гордо, не как проигравшая. Она не собиралась бить, кричать, сопротивляться. Ее глаза словно говорили: «думаешь, победил? думаешь, заплачу?».

— Поцелуй меня. — Негромко потребовал Брес, наклоняясь.

И, боги, да! она протянула к нему руку, сжала его волосы в кулаке и притянула к своим губам.

Он не сдержал стога, прижимаясь к ней всем телом, возвращая страстный поцелуй, углубляя его. Отклоняясь. Принякая к сочным женским губам снова. И он мог бы посвятить этому весь день, кроме шуток, если бы не был так дико возбужден. А ведь для того, что он задумал, лучше будет не усугублять его состояние.

— Еще веришь, что сможешь сохранить свое безразличие? — Пробормотал со смешком Брес, следя за тем, как Айрис отворачивается, пытаюсь отдышаться и вернуть своим мыслям железный контроль. Стараясь не забыть, для чего пришла сюда. — Даже не рассчитывай на это, милая, сладкая Каролайн.

Но ей явно необходимо было доказать это на деле.

— И твои губы — не единственное, что я попробую сегодня на вкус. Далеко не единственное. — Добавил он угрожающе тихо, спускаясь к шее, к дрожащим плечам, к изящной линии ключиц.

Эохайд не встретил никакого сопротивления, когда медленно обнажил ее грудь. Черт, он запомнил ее такой же прекрасной, аккуратной, идеальной для него. И стоило его рту прикоснуться к одной розовой вершинке, как в его дальнейших доказательствах уже не было никакого смысла. Неустойчивую тишину его спальни разрушил такой долгожданный, неуверенный, тихий женский стон. Айрис задрожала, ее бедра заерзали под ним, заставляя прошипеть ругательство. Кажется, ему нужно, для ее же блага, ускориться, хотя, черт возьми, как же он ненавидел мысль об отдалении от нее...

Мужские ладони прошлись по ее телу, после чего Брес быстро снял последнюю деталь ее нижнего белья. И, почувствовав себя совершенно незащитной, женщина попыталась свести колени.

Еще больше жарких, сводящих с ума поцелуев и горячего шепота.

— А теперь я хочу, чтобы ты смотрела на меня. Я должен быть уверен, что ты все запомнишь.

Эохайд поймал ее взгляд своим. Расширенные, напуганные и вместе с тем ожидающие его темные глаза смотрели на него так, как он давно мечтал. Наконец-то он увидел себя отраженным в блеске ее страсти.

Подчинившись, Айрис пристально следила. За ним, раскрывающим ее бедра, заставляющим задыхаться, предвосхищая.

В момент его опьяняющего прикосновения комнату огласил жалобный женский вскрик. Она запутала пальцы в волосах мужчины, подаваясь вперед, забывая, теряясь, наблюдая. Впитывая в себя каждое его прикосновение. Шепча:

— Брес.

* * *

Он вылетел из комнаты пулей, как только женщина получила тысячную часть удовольствия, которое он ей задолжал. И теперь, положив руку на грудь, которая раздувалась, как кузнечные меха, Брес искал место в своем доме, которое бы находилось как можно дальше от его спальни.

Чертовски горячо.

Оказавшись на террасе, мужчина втянул в легкие холодный воздух. Больше, как можно больше ночной прохлады, которая помогла бы ему немного остыть. Немного остыть, черт! С каких пор он стал справляться с возбуждением таким образом? Разве не лучший способ избавиться от искушения — поддаться ему?

Не в этот. Гребаный. Раз.

Нервно меря шагами каменную плитку, Брес пытался не думать о том, что в эту самую секунду в его кровати, обнаженная и готовая лежит его женщина. В одиночестве. Недоумевая. Возможно, плача. Но, дьявол, если бы он задержался там еще на секунду, все его благородные замыслы провалились бы с треском. И, несмотря на то, что она явно была не против продолжения, его напряженное тело нуждалось не в нежности. А Брес не хотел, чтобы их первый раз был похож на животное сношение, хотя, что скрывать, он нуждался именно в этом в данную секунду.

Примитивный сукин сын.

С силой потерев свое лицо ладонью, Эохайд выругался. Боже, ее запах, ее вкус... он до сих пор ощущает ее на своей коже, на своих губах и языке. Нет, это не любовь, Айрис была права. Это какой-то долбаный инстинкт. Вот только не физический, а душевный. И потому все в нем так стремится в ту комнату. Оказаться снова в постели, между бедер Айрис. Быть внутри нее. Двигаться внутри нее.

Каким-то чудом Брес сообразил, что уже находится в коридоре на пути в спальню. И что его тело готово к продолжению вечеринки. Перед глазами уже стояла та отчаянно желанная сцена, которая должна осуществиться через минуту. Он войдет в эту дверь, наплюет на протесты, возьмет ее жестоко и совершенно не так как она заслуживает, все испортит...

Ругая себя последними словами, Эохайд оказался на подземной парковке. Всерьез надеясь, что скорость и ночной город помогут ему справиться с тем, что он безрезультатно пытался в себе подавить столетиями.

11 глава

На сумасшедших двухсот семидесяти километрах в час боинг отрывается от земли, оставляя ее, грешную и еще сонную, под собой. Интересно было бы узнать, какую скорость нужно развить, чтобы в прошлом оставить не только землю, но и ненужные, мучительно-навязчивые воспоминания. Конечно, вряд ли средство от терзаний совести имеет математическую формулу, но как насчет скорости свободного падения?

Выглядывая за прозрачную преграду иллюминатора, Каролайн пыталась занять свою голову чем угодно, так почему бы не подумать о досадной вероятности скоропостижной... посадки?

— Плед? Мэм, вам нужен плед? — Услужливо обратилась к ней профессионально улыбающаяся стюардесса.

— Нет, благодарю. — Поспешила ответить Кэри, поворачивая к ней свои пылающие щеки: «как видите, мне нужен огнетушитель».

И кажется, спусти ее сейчас в Антарктиду, и процесс под названием «глобальное потепление» ускорится как минимум раз в десять. И в чем, спрашивается, причина? Причина... о, эта чертовски порочная, греховно красивая, преступно желанная причина.

Два часа утомительного перелета могли бы пройти под аккомпанемент книги или же сна, вот только с некоторых пор Каролайн не доверяет своему подсознанию и воображению. Ей нужно вцепиться в реальность всеми пятью чувствами, чтобы оставаться на плаву, потому что любой уход мысли в сторону грозит обернуться катастрофой... нервным срывом, как минимум.

Но вся эта борьба, конечно же, бесполезная и глупая попытка спрятаться за занавеску от чудовища: воспоминания были еще слишком свежи. Всего несколько часов назад (казалось — минут) она лежала в постели с мужчиной. И чтобы определить разницу между ее первым сексуальным опытом и вторым понадобятся не метры и даже не мили. А года. Световые. Ведь, честное слово, Джей со своей примитивной собачей техникой «туда-сюда» казался Кэри сейчас жителем иной галактики.

Могла ли она предположить, что ее тело вообще способно так чувствовать? То, что вынудил ее испытать (чужой!) мужчина сегодняшней ночью, было похоже на пробуждение. Словно до того самого момента она и не жила вовсе, не чувствовала, не слышала, не видела, не знала в принципе, что может быть настолько хорошо. Хорошо? Боже! есть ли такое слово, которое могло бы объять то, что делал с ней Эохайд и что она чувствовала при этом в течение всего лишь получаса? Или даже меньше. Чем были ранее для Кэри полчаса? Разве до этого короткоживущие тридцать минут могли вместить в себя столь много?

— Вам плохо? — Взглянула на Кэри соседка, — полная дамочка в летах — рассматривая ее горящее лицо глазами-окулярами, угадывая все признаки малярии, быть может.

— Мне... мне нужно в уборную. — Отозвалась сипло девушка, с трудом пробираясь к проходу.

В уборную, серьезно? Скорее, стоило дать шанс седативным препаратам, а не холодной воде и уединению, и все же она в итоге заперлась в тесной кабинке, кидая на зеркало осуждающий взгляд.

Что было в ее положении самое ужасное? Не то, что Эохайд был женат. Не то, что он ее преподаватель по зарубежной литературе (хотя, уже после перечисления этих двух причин, ее совесть начинала биться в болезненных конвульсиях). Не то, что мужчина неприлично богат и красив, покупая всех и вся, если не первым, то вторым. Главной ошибкой всего произошедшего между ними Каролайн казалось не его поведение, а ее! Ведь ей пон-ра-ви-лось. Настолько, что она всерьез была обеспокоена, когда он внезапно ушел.

С тихим стоном, она уперлась руками в раковину.

Быть в его руках, это как попасть в эдемский сад. Наткнуться на искушителя и запретный плод. Испробовать, насладиться, почувствовать себя единственной и неповторимой Евой, а потом самолично себя изгнать. Изгнать тайком, пока его нет дома, чтобы не заметил, не остановил. О, нет, не силой, конечно. Теперь, казалось, хватило бы одного взгляда, одного «хочу», чтобы подчиниться.

В кого она превращается?!

Еще больше контраста холодной воды и пылающего лица.

Ссылка к родителям на неограниченный срок — достойное наказание и спасение по совместительству. Возможно, приземлившись за сотни километров от Эохайда, она даже поверит в то, что когда-нибудь сможет забыть его лицо. Между ее бедер.

Дьявол!

Закусив губу до боли, Каролайн виновато посмотрела на свое отражение. Неудивительно, что та миссис, сидевшая рядом, была обеспокоена ее здоровьем. Ведь Кэри выглядит так, словно с момента ее встречи с мистером Эохайдом прошли не часы, а секунды.

Отодвинув в сторону высокий ворот водолазки, она протяжно выдохнула: на шее вызывающе алел след от страстного поцелуя. И Каролайн знала, где на ее теле можно обнаружить несколько таких же.

Она вспоминала, обессилено закрыв глаза. Ее дрожащая рука соскользнула с края раковины, подбирая край юбки.

Кажется, она знает, как ненадолго избавиться от этой проблемы.

* * *

На ее счастье (беду?) посадка прошла успешно. И будь проклята эта давка при выходе из самолета, ведь Кэри казалось, что эти порядочные люди смотрят на нее и всё знают. Вопреки логике знают, чем она занималась неподалеку не так давно. Боже, кажется в ряд смертных грехов пора добавлять ее чрезмерную испорченность, которую она не пожелала в себе подавить.

Не сообщив никому из родных о приезде, Каролайн не торопилась домой. Если честно, теперь, по прибытии в аэропорт родного города, ей даже хотелось оттянуть момент встречи с родителями, момент объяснения. Она — никудышная лгунья, а они слишком проницательны, чтобы поверить, будто она сорвалась с места и приехала обратно только потому, что ее не устроил климат. Все-таки несколько недель назад Кэри взахлеб рассказывала маме о том, как ей повезло поступить в такой престижный университет, что с Чейзом у них отношения — лучше некуда, и место жительства ей нравится. И тут вдруг, как снег на голову «я передумала?». И что она ответит на резонное «почему?».

Сдаст Чейза? Или же себя? Думая об этом теперь, Кэри казалось, что ее преступление в разы тяжелее.

Она еще долго стояла в пункте выдачи багажа, бессмысленным взглядом уставившись на движущуюся ленту. И лишь когда ее чемодан сделал третий круг, она смогла его узнать и вернуть телу подвижность. Ох, казалось, стоило ей встать на землю обеими ногами, и гравитация заработала с удвоенной силой.

Таща за собой вещи, Кэри вышла в зал ожидания, почувствовав щемящую тоску. Это был первый раз, когда после тяжелого перелета, ее отвагу не награждают улыбками, распростертыми объятьями и заботой родные люди. В окружении сотни встречающих и новоприбывших, Каролайн чувствовала себя болезненно одинокой... до той самой минуты, пока ее внимание не привлек ажиотаж, развернувшийся вокруг какой-то конкретной персоны. Знаменитость? Здесь?

Она недоуменно следила за тем, как эта суматоха притягивает все новые взгляды, как люди невольно замедляют шаг, оглядываются, всматриваются.

И стоило ей разглядеть инициатора суматохи, как Кэри остолбенела, ожидая услышать глас над своей головой: «ныне отпускаеши раба твоего...» Ведь, она готова была поклясться, что карающая десница Творца должна выглядеть именно так. Пугающе великолепно. Оправдано грозно. Не оставляя надежды на помилование. Конечно, какое помилование для такой великой грешницы...

Очнуться удалось не так скоро, как хотелось бы. Встряхнув головой, Каролайн прищурено следила за тем, как мистер Эохайд, каким-то чудом оказавшийся в этом аэропорту, находит ее взглядом. Идет к ней. Быстро.

Возникшая мысль о побеге, была отмечена ввиду своей несуразности — спрятаться от пули снайпера в открытом поле было бы проще. И к тому же, будь она неладна, но на появление мистера Эохайда у нее выработался странный рефлекс — паралич.

Мужчина не замечал пристального интереса со стороны зевак, направляясь в ее сторону, не сводя взгляда, давая воображению волю погадать над тем, что будет, когда он окажется напротив. Чертовски близко.

— Ч-что ты... тут делаешь? — Беспомощно пробормотала Каролайн, озираясь по сторонам, словно в поисках помощи.

Эохайд остановился в метре от нее. Весь такой неотразимый от кутюр, дышащий своим великолепным одеколоном. И ей, кажется, необходимо было дотронуться до него, чтобы убедиться, что это не нелепый сон. Но, в самом деле, какого дьявола он делает здесь?!

— А ты, Кэри? — Он немного наклонился вперед. — Ведь я надеялся обнаружить тебя в своей постели, когда вернусь.

Какая наглая ложь! Не потерять сознание ей не дала именно злость: мужчина сам сбежал, а теперь говорит, что мечтал о продолжении. Не то, чтобы она расстроена. Напротив, он сделал им обоим огромное одолжением...

— Как ты меня расстроила...

— И потому ты решил притащиться сюда? — Разговаривать с ним в таком тоне можно было лишь при условии нахождения взгляда не на мужчине. Носки осенних ботинок вполне подойдут. — Как ты узнал?

А что важнее, каким образом он оказался здесь раньше? Свой личный самолет? А почему бы и нет?

— Твой брат, конечно же.

— Конечно же! — И ты, Брут! — Надеюсь, он получил свои тридцать серебряников?

— Не говори так о нем. Чейз неплохой парень. Переживает за тебя.

— А вы спелись. — Пробормотала раздраженно Кэри, цепляясь за свою злость, как за спасательный круг.

Именно злость помогла ей сдвинуться с места и направиться к выходу из аэропорта. Добраться до такси. Сесть в машину. Назвать адрес.

— Что... оставь меня в покое! — Встрепенулась Каролайн, когда соседняя дверь открылась и рядом с ней (как же близко!) сел мистер Эохайд. — Неужели вчерашнего унижения было недоста...

Мужчина порывисто наклонился, обрывая ее на полуслове. Его дыхание скользнуло по волосам, щеке. Шофер любопытствующе уставился на них в зеркало заднего вида.

— Тише, Кэри. — Зашептал Эохайд. — Умоляю тебя, не при свидетелях. Потому что вчерашнего мне было не просто недостаточно, а чертовски мало. И я готов в любую секунду продолжить то, на чем мы остановились... или ты предпочитаешь начать сначала?

Словно ища поддержку у совести, Кэри посмотрела на его левую руку. На обручальное украшение. Отсутствующее.

— Почему... почему ты снял кольцо? — Ох, она не должна была задавать такие вопросы такой интонацией! Ведь за осуждением скрывалась нечестивая надежда.

Глубоко вздохнув, мужчина плавно отклонился. Лицо его было мрачно.

— Я в разводе с сегодняшнего дня.

* * *

Несколько часов ранее.

Ему понадобилась вся долгая осенняя ночь, чтобы вернуть себе неустойчивое спокойствие. Не то завидное хладнокровие, которое, кажется, шло в одном пакете с веками, прожитыми на земле. А шаткую полу-убежденность полу-надежду, что когда он вновь переступит порог своей спальни и увидит Айрис среди простыней, он не накинется на нее как изголодавшийся зверь. И надо же! ему даже не пришлось себя сдерживать: женщина сбежала из его постели.

Вытряхнув из растерянного Виктора правду, Брес исчез в своем кабинете, кажется, еще более злой, чем был, когда покидал дом. Хорошо, как бы там ни было, он вернет ее. Совсем скоро. А для начала уладит парочку вопросов.

Раз уж Айрис не хочет идти на жертвы ради него, жертвовать придется ему. Ей мешает его положение женатого мужчины, за которое так бестолково цеплялась Миранда? Отлично. Ему ведь как раз по дороге сюда пришла мысль, что эта извращенная донельзя женщина может быть той самой падшей душой, которой грозит небытие. К черту Энки, он справится сам. Ведь душой Миранды он может распоряжаться как хочет: срок его службы уже почти подошел к концу.

И тут было два варианта: а) он объявит женщине свою милостивую волю в официальный день завершения контракта, когда та будет умолять его на коленях не покидать ее одну в этом жестоком и ненавистном ей мире. А еще после смерти не забирать ее в Ад, ведь она просто несчастная жертва. б) он сообщит ей о своем решении сейчас, сказав, что предлагает ей выбор. Он вернет ей душу, при этом исправно дослужив срок, если только она прямо сейчас подпишет развод.

Конечно, в любом случае он в проигрыше, а Миранда — баловень Фортуны. И ко всему прочему Бресу не выгодно расторгать контракт раньше назначенного времени: вполне вероятно, что вместе с силой их договора исчезнет его бессмертие и кое-какие полезные способности — пережиток золотого века язычества.

Понаблюдав за изменчивой глубиной ночного неба с минуту, Брес прошел к телефону.

Миранда ответила не сразу, давая представление о ее нынешнем состоянии. И когда Эохайд уже поверил, что его идея не осуществляется, так как ее необходимо пересмотреть, в динамике раздался хриплый, больной голос. Едва ли Миранда была готова к серьезному разговору, но, пусть извинит, он чертовски торопится.

— Я хочу тебя. — Протянула женщина, как только узнала его голос. — Ты так редко звонишь мне... ты скучаешь?

Он без вступлений и замешательств на понятном ей языке объяснил причины своего звонка. И нет, сексуальное желание, не входило в их число.

— Что? — Выдохнула она в итоге, заставляя его повторить:

— Я оставляю тебе твою душу, дом, прислугу, все твои шмотки — всё. Если ты сегодня же подпишешь развод.

Она протрезвела и проснулась мгновенно.

— К-какой еще развод?

Да ладно тебе. Неужели он не единственный ее «муж»?

— Подпишешь расторжение брака, и я перепишу на твое имя счет в швейцарском банке. — Брес добавил ко всему соблазнительному коктейлю щедрот «вишенку».

Миранда долго молчала.

— Ни черта я не подпишу! — Зашипела она взбешенной кошкой в итоге. — Решил от меня отделаться? С какой стати?! Ты нашел кого-то, так? И кто эта сука?

Спокойно, спокойно...

— Миранда, послушай меня. — Очень убедительно прорычал Брес. — Я даю тебе возможность начать жизнь с чистого листа. У тебя будут деньги и свобода. Так почему бы тебе не найти мужчину, который разделит с тобой эту жизнь? Который будет любить тебя.

— Кто она?! Ну, скажи, кто? Я должна понять! — Заладила, рыдая, женщина. — Чем я хуже, ответь! Почему ты не хочешь меня? Даже мою душу! Я настолько противна тебе, что ты, прослужив мне почти пять лет, решил, что лучше не иметь награды вообще? Чем такую, да?

— Черт тебя дери, женщина! Я предлагаю тебе свободу, взамен на гребаный развод! Я иду тебе навстречу!

— А я не согласна, понятно? Ты никогда не думал, что я хочу, чтобы ты забрал мою душу? Чтобы взял себе хоть что-нибудь от меня. Если уж мое тело тебя не прельщает...

Брес закрыл глаза.

— Ладно. Каковы твои условия? Я получу этот развод, Миранда, хочешь тебе этого или нет. Просто возни будет больше. А теперь говори, что ты хочешь за свою подпись?

— Скажи имя этой сучки.

Вдох-выдох. И еще раз.

— Имя моей женщины каким-то чудесным образом вынудит тебя согласиться?

— Значит, это правда?! Ну почему?! За что?! Я убью эту шлюху! Слышишь?! Я убью ее!

Ладно, хорошо хотя бы Миранда находится черт знает где, не рядом с ним, в безопасности. Ведь при иных обстоятельствах ее душа отделилась бы от тела раньше времени.

— Миранда. — Она умолкла. От страха. — Я даю тебе последний шанс. Говори. Чего. Ты. Хочешь.

— Тебя! — Естественно. — Одну единственную ночь. Брес, пожалуйста, будь со мной. Люби меня. Как ее. Прошу. И я подпишу, все что скажешь. И можешь делать, что хочешь после этого. Я больше никогда не помешаю тебе. Вам. Слышишь?

Эохайд резко выдохнул — прозвучало, как ругательство. Ему жутко хотелось спросить, какого черта Миранда предпочитает поклонение унижению. Тысячи мужчин выстроились бы в очередь за такой завидной невестой. Разве разумно с ее стороны жаждать того, кто заведомо не доставит ей наслаждения ощущать себя желанной любовницей? И скажи он ей «нет» — это было бы не надменным отказом гордеца, а огромным одолжением по отношению к ней. Но Брес, будь все проклято, не был рыцарем.

— Где ты? — Простонав от предвкушения, она еще долго соображала насчет адреса. — Через час я буду у тебя с бумагами. И, Миранда, тебе придется несладко.

12 глава

Как кровь на восемьдесят процентов состоит из воды, так и мысли Кэри с некоторых пор были заняты на это самое подавляющее число процентов одним единственным человеком. Если же Эохайд находился рядом, эта цифра увеличивалась с восьмидесяти до девяноста девяти. И теперь только один единственный процент — загородный дом родителей, перед которым она ныне стояла — помог ей трезво взглянуть на мужчину и заговорить в достаточной мере убежденно:

— Тебе... лучше вернуться. Мне нет никакого дела до вашего развода, потому что... — твой поступок характеризует тебя как непостоянного, ветреного и несерьезного подлеца — ...потому что это сугубо ваше с Мирандой личное дело. И, прошу, не нужно приплетать сюда еще и меня. Я и без того... чувствую себя отвратительно, думая, что... — могла послужить причиной развода? — ... фактически поступила очень подло с ней, придя к вам домой и...

— Ты жалеешь?

Выискивая ответ, мистер Эохайд напряженно смотрел в ее глаза.

— Да.

— Хорошо. — Безумец опять решил, что распознал отрицание в ее утверждении!

— Кое-кому следовало бы жалеть тоже! — Окей, это прозвучало смешно. Вряд ли этот парень знаком с совестью. — Неужели нарушать данные некогда клятвы так просто? Время стирает даже это? Каких-то пять лет назад вы с Мирандой обещались вечно любить... быть вместе в болезни и здравии... вас сам черт не разберет! Чего вам не хватало?

— Я люблю другую.

Кого? Ох, боже...

— Это не важно. Там... — Она показала за свою спину, на крыльцо, на двойные двери. —

...должны остаться только я и моя семья. Это личное. Посторонним придется уйти.

— Мне казалось, я уже перестал быть посторонним, милая Кэри. Или ты скажешь, что вчерашняя ночь ничего для тебя не значила?

— Именно так.

— Ясно. — Да чтоб тебя! — Я хочу познакомиться с твоей семьей. Уверен, эти добропорядочные люди тоже этого хотят.

Мистер Эохайд, собранный, спокойный и уверенный, как сам бог, стоял перед ней, такой желанно свободный, ничей, прося пустить его в свой дом, в свою жизнь. Хотел познакомиться с ее родителями. Представиться им в качестве... кого?

— Нет. — Покачала головой Кэри, повторив: — Нет. Я всему этому не верю. Еще вчера ты называл Миранду своей женой, а сегодня...

— Еще вчера, Каролайн, ты лежала в моей постели, и я видел, как ты кончаешь, выкрикивая мое имя. — Проговорил очень разборчиво и медленно мужчина, наклоняясь к ней. — И сегодня я здесь, рядом с тобой. И, кто знает, может этой ночью увижу продолжение.

Святые отцы, и это ей говорит тот, кого она называла своим преподавателем. Насколько опустившейся надо быть, чтобы млеть от этих преступных слов?

— Интересно ты рассуждаешь. — Голос дрожал и это, конечно, не скрылось от Эохайда. — Сколько жен надо было иметь, чтобы даже не подать виду, что обеспокоен разрывом с той, которую называл своей супругой в течение пяти лет.

— Как мало ты знаешь, Кэри...

— Так может в этом и проблема? Я знаю не просто мало, а ничего. Ничего я не знаю!

— А ты хочешь?

— Не хочу.

— Хорошо.

Да что с ним не так?! Стараясь вывести его на агрессию, задеть, прогнать, Кэри натыкалась на погашающую злость «хорошо» и терялась. А сказать «убирайся!» казалось невозможным. Ведь этот мужчина, вопреки доводам разума, еще ни разу не причинил ей зла. И хотел ли?

— Поступай, как знаешь. — Устало сдалась Кэри в итоге, отворачиваясь от его всеподмечающего, пристального взгляда.

Преодолеть расстояние от калитки до крыльца было сложнее, чем перелететь из одного города в другой.

Звонок. Такой привычно музыкальный, громкий, требовательный. Еще минута и коридор огласит радостный возглас матери. Потом в равной степени — ее горестный вой. Ведь как только Кэри объявит причину, вынудившую ее приехать, миссис Атолл не сможет сдержать слез. Ее первенец, любимый сын, с которым было связано столько надежд, окончательно пал. Вероятно, когда женский плач стихнет, Кэри решится сказать, что не только Чейз, но и она тоже — весьма несостоятельная и бестолковая особа. Ведь она не просто приехала погостить, а

вернулась, вероятно, навсегда.

Зачем уезжала? Зачем создавала себе столько проблем? Зачем перечила родителям?

Дверь отворилась бесшумно и гостеприимно широко. Миссис Атолл сразу вышла за порог. Как похоже на нее.

Седеющие волосы заплетены в косу. Просторная рубашка любимого бирюзового цвета. Льняные брюки. Сосредоточенная внимательность на уже потерявшем молодость и начинающем терять моложавость лице.

— Кэри! Детка, ты почему не предупредила, что приедешь? — Воскликнула застигнутая врасплох хозяйка, порывисто обнимая дочь. — Чейз звонил нам, ты не отвечаешь на сотовый... он там с ума сходит, не знает куда ты делась.

— Отлично. Хоть нашел повод позвонить.

— Бог ты мой, что же... — Глаза матери ослабили свою цепкую внимательность, обращая ее с девушки на мужчину, стоящего перед ступеньками крыльца. — Ох, а вы...

Прикусив губу, Каролайн глядела на женщину и понимала. Как же она понимала это выражение лица. Еще хуже выглядела сама Кэри, когда ее взгляд обнимал этого мужчину. Потому что кроме своей безупречности, которую дозволено наблюдать всем женщинам без исключения, ей он предлагал эту безупречность взять себе, прикоснуться, властвовать...

За ее спиной стояли Валтасар, Цезарь и Кефал, некогда покоривший своей красотой саму Эос, в лице одного лишь мистера Эохайда, так что не стоило удивляться реакции миссис Атолл абсолютно.

— Мы с вашей дочерью встречаемся. — Раздался ответ со стороны незваного гостя, что заставило миссис медленно поднести руку к сердцу и посмотреть на Кэри глазами, блестящими от гордости и восторга.

— Нет. Нет, вообще-то это мой пре... — подаватель.

Каролайн осеклась.

Рушить столь обильное счастье, выступившее на глазах драгоценными слезами, было преступлением худшим, чем все предыдущие грехи в их суммарности. Рушить беспощадным: твой сын — долбаный укурыйш — занялся продажей наркоты, за которую без задней мысли готов продать свою сестру. И, кстати, это еще не все — мое университетское обучение накрылось медным тазом. Похоже, ваши дети — хреновые и быстро вянущие цветы, от которых вам не следует уже ждать ничего хорошего.

— Мой прекрасный мужчина. Брендан. Да-а, вот он какой. — Глуповато протянула Кэри, фиксируя на лице широкую улыбку. — Прости, что без приглашения.

— Ну что вы... что же вы стоите! Заходите скорее! Я Бейли, мама Каролайн, как вы уже догадались. — Она протянула свою ладонь мужчине, который прикоснулся к ней галантным поцелуем. Мама помолодела. — Не удивительно, что она ничего не говорила о вас. Как здорово, что вы решили приехать!

Она с радостным щебетом весеннего соловья упорхнула в коридор, а там в просторную

гостиную, чтобы оповестить о прибытии гостей отца. Кэри вспоминала все молитвы, которые некогда учила в детстве.

Томас Атолл был суровым мужчиной, скужающим на своей заслуженной пенсии. Его жизненное резюме можно было разорвать на тезисы: училище, служба в ВМФ, свадьба, дети, череда военных контрактов, ранняя пенсия. Потому Кэри знала, что именно ее отец будет тем, кому ее «выбор» не понравится. Помимо осанки вечного солдата, строгой упорядоченности в жизненном графике и интерьере собственного дома, папиной отличительной чертой была неприязнь, почти ненависть, к праздным красавчикам.

И теперь, когда он вплыл, как атомный крейсер, из-за угла, Кэри приготовилась заслушать (вполне справедливый) список упреков.

— Привет, пап. — Улыбнулась она одними губами.

Прихрамывая на одну ногу, высокий и широкий в плечах, Томас казался капитаном пиратского корабля. Опрятная короткая борода, пронзающий взгляд темно-карих глаз, контроль в каждом движении.

— Познакомься, это Брендан. — Как же тяжело даются ей эти слова. Называть его по имени...

Отец молча протянул свою тяжелую и широкую, как совковая лопата, ладонь. И кажется, их рукопожатие сопровождалась игрой мускулов и хрустом костей. Мужчины долго молчали, присматриваясь друг к другу, изучая, заставляя женщин нервничать.

— Томас. — Пробасил хозяин дома. — Крепкое приветствие, Брендан.

— Не крепче вашего, сэр. — Улыбнулся Эохайд. Но не заискивающе, а как-то ненавязчиво дружелюбно, как равный равному. — Ирак?

Отец одобрительно хмыкнул, посмотрев на свою хромающую ногу.

— Две тысячи третий. Суннитский треугольник. Шрапнель попала в бедро.

Каролайн обреченно закрыла глаза, понимая: отныне эти двое — лучшие друзья.

* * *

Еще никогда до этого Кэри не видела свою маму настолько счастливой. Обидно, что так светиться родные глаза заставляет ложь.

Допустим, Каролайн погорячилась уехать и порвать с университетом. Но даже если она вернется, когда-нибудь родители должны будут узнать, что ее и мистера Эохайда больше (и раньше тоже) ничего не связывает. Их печаль по этому поводу будет такой же всепоглощающей как и нынешняя радость?

— Детка, пойдика в кладовку, принеси орехов. — Бросила на лету Бейли, порхая от плиты к столу, оттуда к тумбочкам и снова к плите, являя собой *perpetuum mobile* — вечный двигатель. — И лимонное варенье. И маринованный имбирь захвати.

Кажется, миссис Атолл решила собрать сегодня вечером у себя всех голодающих мира и накормить тех на сто лет вперед. Как бы там ни было, сегодняшней ужин обещал быть очень многолюдным и шумным: Бейли не могла упустить шанса похвастаться перед соседями и

подругами удачным выбором своей дочери.

Что касается самого «выбора» тот уже несколько часов подряд сидит наедине с ее отцом. И Каролайн правда надеялась, что они обсуждают боевые подвиги последнего.

На пороге холодной, тесной кладовки она щелкнула выключателем, зажигая свет. Крутая лестница свела ее в комнатку, обставленную многоэтажными полками, на которых громоздились засоленные, засахаренные, маринованные дары природы. В выборе можно с легкостью заблудиться.

— Кэри. — Выдох за плечом прозвучал так плотно, жарко и... совершенно неожиданно.

Если бы в ее руках находились орехи, банка с лимонным вареньем или имбирем, то все это добро уже давно находилось бы... там же, где и ее сердце, на самом деле. Не успела она так подумать, как чужие руки притянули ее к горячему, невероятно напряженному мужскому телу. Быстро и решительно ладони скользнули под ее домашнюю полинявшую футболку, накрывая груди, сжимая, лаская.

Жалобный вскрик. Мужской одобрительный стон.

— Ч-что ты... — Кэри задыхалась, попытавшись отстраниться.

— Когда ты назвала меня своим... черт, мне стоило огромных усилий удерживать себя вдали от тебя все это время. — Использовать такой сексуальный голос — запрещенный прием. — Повтори, Кэри. Докажи.

Его руки. Его шепот, ласкающий теплом волосы, щеку, шею. Все это наталкивает на болезненные воспоминания...

— Я не собиралась ничего такого... ах!

— Боже, какая ты чувствительная. — Наклонившись, мужчина прижался губами к ее виску. — Какая красивая. Я так редко говорил тебе это...

Да о чем он вообще?! И это его поведение... возможно ли, что так завести его могли простые слова, ложь? И, кто знает, может его признание и польстило Кэри в другой ситуации, если бы это был не дом ее родителей, а, к примеру, его спальня... ох, его спальня!

— От... отпусти меня. — Стиснув зубы проговорила она, хватаясь за стоящую напротив полку, чтобы не упасть, не оказаться в его руках полностью.

— Ты вернешься со мной? — Конечно, приказы тут отдает он.

— Не... ни за что.

— Молодец. — Одобрительно выдыхает Эохайд, после чего убирает руки.

Чтобы через секунду повернуть ее за подбородок к себе и зажать губы долгим поцелуем, лишая остатков рассудка. Он остановился внезапно, беспощадно отрываясь от нее, оказываясь у противоположной стены за секунду. Оставляя Кэри ошалело хлопать глазами и пытаться вдохнуть.

— Ну, почему так долго? — Раздался сверху, на лестнице голос Бейли. Через мгновение появилась и она сама. — Ох, не можете и минуты друг без друга прожить? Молодость...

Кэри резко отвернулась, радуясь единственной энергосберегающей лампочке, дающей такой тусклый рассеивающий свет. Прячущий ее пылающие щеки и глаза.

— Нет, просто... я не нашла... всего так много... ты как всегда в своем репертуаре, мам...

— Да вот же. Прямо перед носом твоим стоит. — Воскликнула с укором миссис Атолл, спускаясь вниз, указывая на банки.

Одинаковые, совершенно одинаковые банки, до которых Кэри нет никакого дела.

— Я помогу. — Любезно сообщил Эохайд, беря маринады из рук Бейли.

Претворяется праведным Иовом, а на деле — Люцифер. Как ловко накинул шоры на глаза ее родителям, они даже представить себе не могут, какой он на самом деле... какой же он...

Смутное чувство дежа вю наполнило успокаивающее сердце новой тягучей тревогой. Почему ей кажется, что уже однажды она доверилась этому мужчине, вот так же точно, назвав его во всеуслышание своим? Откуда это страшное предчувствие беды? Эта ноющая боль? Откуда этот страх?

Словно пытаясь отыскать ответы, Кэри оглядывается. И (почему?!) в отличие от недоуменной и суетливой матери, Эохайд смотрел на нее так пытливо, пронзительно... понимающе?

Спонтанно возникшая мысль, что мужчина — единственный, кто ее знает, пугает сильнее, чем его несдержанная страсть.

13 глава

Быть центром всеобщего внимания для мистера Эохайда состояние такое же естественное, как дыхание. Будь то светский раут или же посиделки в узком домашнем кругу. Казалось, что и в первом и во втором случае общение с этим мужчиной одинаково лестно, будь ты хоть нефтяным магнатом или же недалекой миссис Пэнскот, без умолку хохочущей вот уже два часа к ряду.

Им не хотелось идти сюда. Теперь? Они думали о необходимости ухода с возрастающим отчаяньем. А он, как милосердный бог, дарил всем, каждому, каждой, свое внимание. Говорил, смотрел, улыбался. Для других.

За столом собралось около двадцати человек — лишь самые близкие, которых Бейли успела обзвонить. Нестрашно: уже завтра утром весь небольшой городок будет знать, что дочь семьи Атолл помолвлена с богатым красавчиком профессором (пусть даже это звучит как нелепейший парадокс) и, скорее всего, эта спешка со свадьбой (какая разница, что речи о свадьбе вообще не было?!) обусловлена тем, что она залетела.

Все лица были знакомы Кэри. Она выросла у них на глазах, и потому теперь они так умильно глядели, на деле завидуя, не понимая. То есть, разделяя ее чувства полностью. Она тоже не понимала. И тоже завидовала. Презируя себя, завидовала незаносчивой гордости, с которой мужчина держит себя. Тогда как она опять напаялила на себя какую-то бежевую нелепость, теперь мечтая поскорее закрыться в своей комнате. Краснея. Бледнея. Оглядываясь по сторонам, вымучивая из себя улыбки и какие-то ответы.

— Какая молодец! Хваткая! — Вещала охмелевшая от вкусного ужина пышнотелая Пэнскот. — Беру свои слова обратно: я ведь как-то сказала тебе, что лучше Джея не найти. — Кэри

вздрыгнула, когда ладонь Эохайда мягко, но настойчиво обхватила ее колено. В то время как выражение его лица оставалось непроницаемым. — А теперь с ним такое несчастье...

— Говорят, его состояние стабилизировалось. — Отозвалась дама с другого конца стола. — Я слышала от Джоны, она навещала беднягу. Однако все указывает на то, что его бейсбольной карьере пришел конец.

— Какая досада! Он ведь подавал такие успехи.

— Да. — Хохотнула говорливая миссис Пэнскот. — Даже трудно представить, кто мог его так... он хлюпиком никогда не был.

Вцепившись в край стола, Каролайн метнула уничтожающий взгляд в сторону своего «жениха»: его рука поднялась выше, к ее бедру, пальцы скользили по границе чулка и обнаженной кожи.

— Не будем о грустном. — Улечься угнетающей тишине не позволила хозяйка дома.

И по ее взгляду стало ясно, что Бейли придумала какую-то очередную затею. С ней всегда так — гостеприимность, которой она не была обделена, предполагала кроме прочего умение срочно находить темы для разговора, который мог бы поддержать каждый присутствующий.

— Весь вечер мы только и говорим, что о молодости. О молодости наших детей, у которых, конечно же, вся жизнь впереди. А почему бы нам сейчас не вспомнить свою собственную? — Гости несколько оживились. — Предлагаю, чтобы никому не было обидно, по очереди высказаться вот по какому поводу. В жизни каждого был момент до того смешной и смущающий, что мы предпочли бы отдать лет пять своей жизни, чтобы... да чтобы просто забыть его! — Слушатели одобрительно загудели, пересмеиваясь. — Так вот дабы немного рассеять атмосферу принужденности, скованности... давайте поддержим друг друга и в очередной раз докажем, что все мы простые смертные.

Никто не выказал возражения: все готовы были посмеяться над другим, а что касается себя — выдумать любую глупую историю или приукрасить некогда пережитую.

По неписанному закону логики, Бейли рассказывала первой, как зачинщик забавы. И хотя Кэри откровенно боялась услышать от мамы что-то смущающее о ее прошлом, все оказалось не таким уж катастрофическим: эту историю она уже знала.

Историю о том, как миссис Атолл однажды в торговом центре потеряла пятилетнего Чейза и заметила его в отделе игрушек спустя десять помноженных на панику минут. Облегчение, сменилось гневом: она, даже не взглянув на его лицо, потянула за собой, крича на ходу, что теперь-то дома ему достанется. Крик собрал людей, в их числе была и... настоящая мать ребенка. Как оказалось, Чейз все это время стоял у фонтана и «кормил рыбок» печеньем, а тот мальчуган, которого Бейли приняла за своего сына был просто одет в точно такую же курточку. Миссис Атолл еще долго оправдывалась перед его матерью и полицейским, желая в тот момент в самом деле провалиться сквозь землю. Вот такая она никудышная мама, даже собственного ребенка от чужого отличить не смогла.

Гости весело посмеялись над историей, ужин трансформировался в собрание не совсем анонимных неудачников, которые наперебой убедительно заявляли, что и с ними так же, и они такие же. Следующим на очереди был хозяин дома, которого тоже слушали раскрыв рот, потому что травить военные байки Томас умел. Однако все присутствующие на деле ждали и не могли уже дождаться, когда же очередь дойдет до мистера Эохайда.

Все они не хотели, да просто не могли поверить в то, что у кого-то в жизни не случилось чего-нибудь постыдного, конфузного, заставляющего себя ненавидеть. Пусть даже это был такой с виду совершенный во всем мужчина. Им жизненно необходимо было узнать его недостаток, чтобы уже себе сказать с облегчением: «ты такой же, ты один из нас».

Однако, увы и ах, им не суждено разувериться в его неземном происхождении. Не сегодня, точно. Потому что эстафетную палочку Эохайд должен был забрать из рук Кэри, которая, на самом деле, уже почти достигла точки кипения.

Стыд. Паника.

Отец заканчивал свою хохму, гости покатывались над историей новобранца во Вьетнаме, уже пригласительно посматривая на Каролайн. Которая теребила тканевую салфетку, пытаясь выровнять дыхание и собраться с мыслями. Отказываться было, конечно же, невежливо и грубо. И Кэри, правда, не хотела выставлять себя заносчивой задницей, однако ее память не могла подкинуть, что-нибудь такое же глуповатое, смущающее, но исключительно в рамках приличия, над чем можно было бы посмеяться с высоты прожитых лет всей компанией.

Гости впились в нее взглядами, поторапливая. Они уже готовы были перейти к главному «блюду», а она их бессовестно задерживала.

— Ну же, Кэри. — Протянула ласково мама.

Взгляды стали подозрительными. И Каролайн показалось (опять!), что все эти люди, сидящие здесь, все эти близкие друзья родителей — порядочные, в меру воспитанные, ходящие по воскресеньям в церковь и собирающиеся всей семьей на День Благодарения — уже всё знают. Словно каким-то магическим образом ее мысли стали известны им, и теперь гости шокированы ее испорченностью. Молчат возмущенно и осуждающе.

Но, будь все проклято, с некоторых пор любая история из области «стыдно» была крепко связана с женщиной, который сидит рядом, вынуждая вспоминать...

— Мне... мне нужно выйти. Простите. — Пролепетала девушка, порывисто вставая из-за стола.

Послышались участливые вздохи и вопросы о ее здоровье, которые Кэри бессовестно проигнорировала. Сбегая наверх, в свою комнату, прикрывая дверь, падая на кровать.

Ее руки, которые она поднесла к лицу, были холодными, а кожа под ними пылала. Больна ли она? О да, и довольно давно. Им.

Дверь легонько скрипнула, отворяясь. Конечно же, это была не мать, и уж точно не отец.

— Почему ты ушла?

Ох, она знает. Мужчина сейчас стоит возле кровати, над ней, пристально смотрит.

— Не... не подходи. — Пробормотала опасливо Каролайн, отодвигаясь в сторону. Потом поднимаясь на ноги, решая, что безопаснее увеличить расстояние. — Просто оставайся там.

Кажется, мистер Эохайд выглядел удивленным и все же с места не сдвинулся, наблюдая за тем, как девушка отходит в угол, почти скрываясь за книжным шкафом.

— Что с тобой происходит, Кэри? — В его улыбке проскальзывало беспокойство. — Боишься

меня?

— Ты мне противен. — Проговорила она тихо, не желая смотреть на то, какую реакцию вызвали ее слова. — Ты заставляешь меня ненавидеть саму себя. Чувствовать себя... здесь, в присутствии родителей... чужой, испорченной, грязной. Я обманываю их, они же не знают, как ты... с легкостью можешь бросить одну и увиться за другой. А я... я еще и позволяю тебе это.

— Ты просто не знаешь... — Начал настойчиво, обличающе Эохайд, собираясь затронуть, кажется, весьма болезненную тему.

— А я тебе не верю. Мне все равно, что ты скажешь. Кто знает, может пять лет назад ты тоже самое говорил Миранде. Срок годности вашего брака оказался весьма скоротечен, что говорит о тебе, как о мужчине, привыкшем бросать слова на ветер.

— Это ревность?

— Нет. — В какой-то мере. — Может Миранда и не была хорошей женой, но кто знает, что вынудило ее стать такой. А еще, я не хочу, чтобы она думала, что я — причина вашего разрыва. Она... любит тебя.

— Любовь и слепое желание обладать — разные понятия, милая Кэри.

— Спасибо за разъяснение, сэр.

Его глаза загораются. В сумраке, рассеиваемом лишь светом уличных фонарей, он выглядит больше, опаснее... притягательнее?

— Пять лет назад я Миранде не говорил ничего подобного.

— Ну-ну.

— Этот брак был ее инициативой.

— О, так тебя заставили?

— Нет. Я пошел на это добровольно. Это контракт.

Господи, неужели все, что говорила в пьяном бреду Миранда во время их поездки из клуба в «замок Шамбор» — правда? И пусть Кэри не верила в мистику, с каждым днем этот мужчина все меньше казался ей обычным человеком. Демон? Почему бы и нет?

— И что, ты его уже выполнил?

— Я изменил некоторые условия.

И вряд ли она хочет знать подробности.

— Меня это не касается.

— Разве не ты говорила, что ничего обо мне не знаешь? Ты даже не пытаешься узнать. Отгораживаешь от меня. Сбегаешь. Почему ты убежала только что?

Мыслеобразы всех «почему» встали перед глазами, заставляя судорожно вобрать в легкие воздух.

— А ты почему? Все, наверняка, мечтают выслушать твое выступление.

— И в половину не так сильно, как я твое. О чем ты думала в тот раз, Кэри?

Плохая идея. Плохая. Идея.

— О том, что гостям, вероятно пришлось бы слушать тишину, когда очередь дойдет до тебя. Ты же у нас мистер совершенство, ошибок и провалов никогда не ведал.

— Я падал бессчетное количество раз. Так часто и много, что любой другой либо отчаялся, либо ему потребовалось на то, чтобы пройти тот же путь, десять жизней. Поступков, о которых я жалею слишком много. Даже не знаю, какой выбрать. — Она сосредоточилась, ожидая продолжения. — Дамы вперед.

— Я не...

— Честный обмен. — Не просил — требовал.

— Сначала ты.

Эохайд прищурился, когда в темноте раздался этот глухой согласный шепот. Такому голосу он не мог и не хотел сопротивляться.

— Неделю назад я избил сопливого юнца до полусмерти. Хотя топить котят не в моих правилах. Но мысль о том, что заносчивый молокосос силой забрал себе то, что должно было быть добровольно отдано мне, вывела меня из себя. И пачкая его кровью свои руки, я убеждал себя в том, что некогда он запачкал руки, причинив боль самой дорогой для меня женщине. Жалею ли я об этом? Нет. Чувствую ли я себя героем? Нет. Однако «забыть и простить» — не мой стиль.

Прислонившись плечом к книжному шкафу, Кэри спряталась от чужого взгляда.

Теперь, когда он признался в этом, сомнений не осталось. А ведь некогда предположения об активном участии Эохайда в нынешнем состоянии Джея вызвали у нее нервный смех. И все-таки это сделал он. Сказал, что не жалеет...

— Это не в счет... — Еще тише проговорила Каролайн. — Вообще-то... речь должна была идти о том, что тебе стыдно вспомнить.

Мужчина приблизился на шаг. И еще один. Чтобы видеть ее, когда будет исповедоваться.

— Ладно, а как насчет этого? Сегодня утром я пошел на поводу у озлобленной, испорченной женщины и трахнул ее. — Шокированный выдох полный безысходности и боли. — Это еще не все. Тебе нужно знать, Кэри, я всегда спал исключительно с такими женщинами. Для которых понятия «верность» не существует. Которые с легкостью предают, лгут, изменяют. Я достоин только этого. Я не заслуживаю ничьей любви и твоей особенно, но не стоит обвинять меня в том, что я не в состоянии не хотеть этого.

Окей, за что боролись, как говорится. Но, боже, его откровения сделали лишь хуже: то, что Кэри узнала, не сделало их ближе, не наладило между ними дружественных отношений, не дало почувствовать себя в безопасности. Его признания уводили землю из-под ног.

— Так достаточно откровенно?

— Вполне. — Сипло ответила она, обхватывая себя руками.

— Я слушаю.

Черт возьми, мистер Эохайд открывал свои тайны так, словно те были козырными картами — без всякого стеснения, четко, ставя перед фактом. Она так не умела, потому теперь долго мялась, поглядывая в сторону двери. Сбежать?

— Кэри. Говори.

Она скажет, конечно. Вот только с той секунды, как ее слова будут им осмыслены, держать его на расстоянии и показывать напускное отвращение уже перестанет быть возможным.

— Сегодня в самолете... После того, что произошло, я... я была очень... очень сильно... — Господи, как трудно даются слова, когда он так смотрит. — Я была очень сильно возбуждена. И мне надо было что-то с этим делать, потому что все мысли были только о... том вечере. Я вышла в туалет и там... я довела себя до оргазма. Я кончила. Дважды. Думая о тебе.

Честный обмен? Если бы.

— Тебе стыдно?

Она не сказала ни слова против, когда он приблизился, опираясь руками в стену. Нависая, закрывая собой от остального мира.

— Чертовски.

— Потому что ты покинула мою кровать, в которой я мог бы дать тебе куда больше удовольствия? Все-таки в самолете было не очень уютно, не так ли? — Некогда Миранда сказала, что от его улыбки можно кончить. Видимо, она еще никогда не слышала такого голоса. — Ты делала это медленно, наслаждаясь? Или быстро, словно желая поскорее отделаться?

Дьявол! кто ж мог представить, что ее исповедь превратится в допрос.

— Зная тебя, все-таки второе. — Осуждающе прошептал Эохайд, отрывая одну руку от стены. Он не стал ждать официального приглашения, прикасаясь к женскому бедру, собирая подол платья, чтобы в итоге медленно скользнуть ладонью под ткань трусиков. — Да, наконец-то я чувствую это... ты такая влажная. Посмотри на меня. — Ей удалось поднять голову с трудом. Его лицо, на которое попадал тусклый, холодный свет, было напряжено, серьезно — полный контроль. Что касается ее? — Тебе понравилось то, что я делал с тобой вчера своим ртом? Мои руки тоже кое-что умеют. — Она охотно этому поверила. — На этот раз медленно, Кэри. И если захочешь остановить меня, тебе просто нужно сказать.

— Не останавливайся. — Успела обреченно прошептать она до того, как ее рот будет зажат жарким, терпко-сладким поцелуем.

Будь проклята эта двойственность: ненависть к своей испорченности никуда не исчезла, но как можно было отказаться от недолгого мгновения собственного превосходства? Разве когда-нибудь ранее мужчина заставлял ее чувствовать себя настолько нужной, желанной, красивой? И будет ли это в будущем? Как-то мистер Эохайд сказал, что не святой. Так вот, она тоже.

Цепляясь за него, подаваясь навстречу ласкам умелых пальцев, отвечая на поцелуи, Каролайн

казалось, что этого самого момента она так долго ждала. Не недели, нет, — годы. Возможно ли..?

— Уедем завтра. — Глухо прорычал мужчина около ее шеи. — Нет, сегодня. Прямо после того, как ты кончишь. Я хочу получить тебя на своей кровати, под собой. Боже, как долго я ждал тебя. Как же долго...

Осознание того, что она готова оказаться под ним прямо сейчас, в доме родителей всколыхнулось смутным беспокойством. Которое превратилось в панику, когда на лестнице послышались чужие шаги.

Нет-нет-нет. Она же почти... еще чуть-чуть...

Каролайн вцепилась в мужскую руку, не останавливая, а умоляя ускориться.

Тройной стук требовал обратного.

— Кончи, Кэри. — Тихо приказал Эохайд, наклоняясь, задевая ее искусанные губы своими. И когда она задрожала, он заглушил благодарный стон долгим поцелуем. — Тише... из-за твоего упрямства, нам обоим придется сдерживаться. Видишь, что ты наделала?

— Я вхожу. — Раздался голос миссис Атолл за дверью.

Резко одернув подол платья и запечатлев поцелуй, — финальный аккорд, завершающий симфонию ее сегодняшнего удовольствия — мужчина уже через секунду оказался сидящим на краешке кровати. В полном порядке. В отличие от нее.

Когда Бейли зашла в комнату, поражаясь тому, что они сидят в темноте, Кэри тщетно пыталась выровнять дыхание и пригладить волосы. Боже, верх нижнего белья был сдвинут в сторону, сквозь ткань трикотажного платья проступали неприлично возбужденные соски. Губы — красные, припухшие от мужских жгучих прикосновений.

Еще долго щурясь от включенного света, она мысленно пыталась подобрать ответ на вероятный вопрос «какого черта вы тут делаете?»

Яростно дискутируем по поводу дихотомии тела и разума?

— Твое желание вцепиться в Брендана и не отпускать от себя ни на минуту понятно каждой женщине, милая. — Смущенно посмеиваясь проговорила мама: — Но гости расходятся, спуститесь попрощаться.

— Да. Минутку. — Отозвалась осипшим голосом Кэри, не прекращая попыток спрятаться за книжным шкафом. — Уже идем...

Кажется, Бейли вышла, потому что взгляд Эохайда медленно вернулся к Каролайн, после чего мужчина демонстративно поднес пальцы ко рту. Вырывая беззвучный женский стон.

14 глава

Отсутствие вещей мистер Эохайд объяснил тем, что на самом деле остановился в гостинице, чтобы не стеснять домашних «своей девушки». И хотя Бейли уговаривала его остаться, убеждение Брендана, схожее с гипнозом, было оружием более крупного калибра, вынудившее хозяйку сдаться.

И только одна лишь Кэри понимала, как важно сейчас установить расстояние между ними. Потому что теперь, стоит ему оказаться рядом, приблизиться настолько, что она ощутит тепло его тела, и вряд ли этот процесс будет обратим. В итоге не только ее несчастные, благопристойные родители, но и весь городок узнает о том, какой мистер Эохайд хороший любовник. Ведь Каролайн Атолл будет кричать об этом очень громко.

Всю скоротечную ночь, которая не желала отдавать сон, Кэри просидела на кухне за разговорами с мамой. И естественным было то, что после вопросов о Чейзе и учебе, речь пошла о Брендане. Мама, конечно же, не поняла бы, как это — не знать о мужчине, которого ты называешь своим, ни-че-го.

Сказать, что он еще вчера считался женатым? Сказать, что до недавнего времени он был именно ее преподавателем? Сказать, что он фактически купил ее, потому что отдал за Чейза по-настоящему большие деньги?

Что она могла рассказать Бейли об этом мужчине? Она даже не знала, живы ли его родители, какой его любимый цвет или какую музыку он слушает. Всю эту как будто не существенную, но такую важную мелочь, о которой влюбленные узнают в первую очередь.

Потому Кэри легла в холодную постель перед рассветом, чувствуя, что лимит лжи превышен. И это ощутимо давит.

Желание уехать завтра же Эохайд разделил на двоих.

Сон, подхвативший Кэри ближе к рассвету, тёк нервно и стремительно, несмотря на то, что комната и кровать были родом из беспечного детства. И почему-то беспокойно вертеться на ней, как в чертовом блендере, Кэри казалось, что своими мыслями она оскверняет подушку, которая некогда впитывала лишь невинные детские мечты и чистые слезы обиды... Может, она сошла с ума?

Однако, как вскоре выяснилось, мысленное преступление совершил и мистер Эохайд, в чем он сознался, стоило Бейли выйти из кухни.

Оказывается, Брендан появился здесь уже час назад и все это время мило беседовал с ее матушкой, пробуя замечательно сваренный кофе и блинчики.

— А мы только что о тебе разговаривали! — Воскликнула миссис Атолл, стоило Кэри появиться на пороге. — Брендан так много знает о тебе, даже не скажешь, что вы знакомы немногим дольше месяца. Да, не смотри на меня так, я устроила ему тест. Он набрал сто из ста.

— Неужели. — Пробормотала растеряно Каролайн, размышляя над тем, когда он успел ее узнать настолько хорошо, что отразил все атаки ее мамы. И отца, наверняка, тоже. Черт, почему это пугает, а не прельщает?

— Доброе утро, любимая. — Протянул тихо мужчина, не упустив момент: назвавшись ее бойфрендом, он мог теперь без особого стеснения говорить так и распускать руки при свидетелях, и она, конечно, не имела права возражать.

Налив ей кофе, Бейли поставила чашку рядом с его чашкой, вынуждая сесть на соседний стул. Вынуждая сдерживать себя, чувствуя, как мужская рука нарочито медленно обвивает ее талию, как горячие губы оставляют поцелуй на щеке, задавая сердцу ускорение.

Масло на сковородке зашипело с новой силой, и Бейли перепорхнула от стола к плите.

— Как ты чудесно пахнешь... — Прошептал Эохайд, наклоняясь к Кэри, вдыхая запах ее волос. — А какая ты сладкая на вкус. Я всегда знал, что ты там очень сладкая. И сейчас, когда я об этом вспоминаю, мне безумно хочется...

Грубое слово, напоенное обещанием наслаждения, перекрыл зов дверного звонка.

— ...тебя своим ртом. — Его губы вновь надолго прижались к ее пылающей коже.

— Бегу-бегу! — Увернув жар конфорки, Бейли выбежала с кухни, оставляя свою дочь наедине с яблоком раздора.

— Не... не говори так.

— Почему?

— Потому что... — меня это дико возбуждает, настолько сильно, что просто находиться в одном доме со своими старыми-добрыми родителями становится преступно. — ... это неприлично. Ты же учитель... откуда у тебя такое воспитание?

— Но я уже не твой учитель. Я твой любовник, потому имею все права говорить тебе это. И не только говорить. — О да, красавчик, повтори-ка еще раз. — Как тебе сегодня спалось?

— Отлично.

— Ты скучала по мне? — Что ж, она промолчит, давая ему понять: молчание в данном случае в самом деле знак согласия. — Прикасалась к себе этой ночью? — Ох, черт... Тяжело дыша, Кэри медленно покачала головой. — Возможно, потому что мои руки понравились тебе больше? — Кто спорит, его руки не для скуки. — Тебе нечего стесняться своих чувств, милая Кэри. Может тебе будет интересно: лично я сегодня ночью не ограничился двумя разами.

Да-а-а, очень интересно. Спасибо, что держите в курсе, мистер Эохайд. Однако, дьявол! если бы Каролайн в этом признался любой другой мужчина, это вызвало бы лишь вполне оправданную массу возмущения и отвращения. В случае с Бренданом даже такие пошлости казались изысканным комплиментом. Вынуждая задуматься над тем, какого черта с ней происходит?

— Мы уедем сегодня. — Безумный порыв спросить «обещаешь?» едва удалось подавить. — Хочу, чтобы ты предвкушала, Кэри, потому что как только мы окажемся на моей территории, я не стану тратить время на поцелуи. Но я уверен, ты к тому моменту уже будешь готова для меня.

Эохайд успел отклониться как раз в тот момент, как вернулась мама. Лишая возможности запустить пальцы в его волосы и притянуть к своему лицу. Впитаться в этот греховно-красивый рот, позволяющий себе говорить все эти прямолинейные и от того такие сексуальные вещи, долгим, смелым поцелуем.

Чувственный флер, затуманивший разум, рассеялся лишь через минуту. В тот момент когда до Каролайн дошло, что Бейли вернулась на кухню не одна. Вместе с ней в комнату зашли миссис Салазер со своей дочерью Венди, принеся с собой потяжелевшее от восхищения и зависти дыхание и клубничный пирог.

Клубничный. Пирог.

Давя непроизвольное, как инстинкт, недовольство утренним кофе, Кэри слушала, как Эохайд бессовестно любезничает с гостями.

Миссис Салазер не было на вчерашнем приеме, но ее проинформировала соседка, которая была. И разве теперь она могла упустить возможность нанести визит, прихватив еще и свою (свободную) дочь? С Венди Каролайн училась в одной школе, правда, в разных классах: Венди была на два года старше.

— Вы... не попробуете мой пирог? — Пролепетала светло-русовая девушка, вперившись в лицо мужчины затуманенными глазами.

И пока рядышком мама о чем-то весело болтала со своей знакомой, Кэри была вынуждена с таким упорством, о котором не слышал даже Сизиф, держать на лице приветливую улыбку.

— Ты сама его приготовила, Венди? — Порочно тихо произнес Эохайд, заглядывая в глаза несчастной жертве.

— Д... да. — Выдохнула та, наблюдая за тем, как мужчина берет маленький кусочек, прячет его между своими губами, слизывает с пальцев клубничный джем.

— Вкусно. — Заключил Брендан, соблазнительно улыбаясь. Приковывая взгляд Венди к своим губам. — Кэри, не хочешь попробовать?

Их взгляды скрестились.

— Пойду полью цветы, мам. — Пробормотала Каролайн, сползая со стула.

Сделать свой шаг твердым, непохожим на позорное бегство, было невероятно тяжело. И оказавшись в палисаднике, который здесь, в теплом климате, цвел пышным цветом вплоть до конца ноября, она еще долго возилась с садовым шлангом.

Проклятый мужчина сделал это специально! Однако сильнее всего Кэри возмутило не то, что мистер Эохайд бесстыже занимался любовью с этим клубничным пирогом, а то, что для него все это ничего не значило. Он использовал Венди для своих целей, ведь так? Чтобы вызвать ревность. И конечно же, у него все вышло как по нотам.

Злость обжигала израненную душу так сильно, что теперь, смотря на водяную струю, идущую из шланга, Каролайн едва сдерживалась от желания, окатить ей себя.

Хотя ревность была не единственной эмоцией. Еще была обида. Причем не за себя, а за Венди. Ведь... черт, если так подумать, чем Кэри отличается от нее? Ее глаза смотрят на Брендана так же, не стесняясь того, что он уже принадлежит другой. Бедная Миранда... она чувствовала себя так же, когда ее мужчину окружали сотни озабоченных девиц? Все эти студентки, учителя, знакомые или случайные прохожие?

Словно отзываясь на ее мысли, в кармане растянутых на коленках штанов завибрировал телефон. На этот раз, это был не замученный совестью Чейз.

Миранда.

Болезненно зажмурившись, Каролайн держала трубку перед собой. Ее палец замер над

кнопкой «пошла к черту», и, казалось, Кэри просто нужно нажать на нее, чтобы Мира узнала, где ее муж и с кем. Проклятье, теперь все казалось таким очевидным. Имеет ли смысл таиться?

Если же Миранда звонит не потому что уже обо всем догадалась, то благороднее будет самолично оповестить ее.

— Привет. — Сдалась Кэри, поднося телефон к уху.

Всего несколько секунд терпения. В конце концов, все проклятья и угрозы, которые на нее посыплются, вполне заслужены.

— Привет. — отозвалась как эхо Миранда, давая понять — ей там тоже не сладко. — Как дела?

Кэри стояла, как громом пораженная. Чтобы Миранда поинтересовалась чужими делами? Начала разговор не с себя? Нет-нет-нет, лучше бы почином их беседы был крик.

— Неплохо... Да, все в порядке. — Прошептала Каролайн, выключая воду.

— Ты не пришла в университет.

— А... да, знаешь... — Я мечтаю о твоём бывшем муже. Он, к слову, тут рядышком, не хочешь поболтать? — Я у родителей... решила навестить их. Понимаешь, я очень по ним скучала все это время...

— Понимаю. Когда приедешь?

— Думаю... сегодня вечером. Как ты?

— Замечательно. — Миранда шумно выдохнула, давая понять: нервно курит. — Просто подумала, что ты сможешь сегодня составить мне компанию.

Все внутри провопило «нет!!!»

— Почему бы и нет? Приезжай ко мне. Мы с братом сменили место жительства. Запишешь адрес?

Миранда права, это не телефонный разговор. Честнее будет сообщить лично этой женщине, никогда никем не принимаемой всерьез, о неприглядной правде, согласно которой именно Кэри стала ненавистной разлучницей. Той, ради кого Брендан бросил свою несчастную жену. А ведь та погибнет без него. Ей не выжить одной.

Боги, что же она наделала...

— Да. До встречи. — Как будто бодро попрощалась Каролайн, запихивая телефон обратно в карман, словно пытаясь отделаться от улики своего преступления.

Ей захотелось вымыться. Как можно больше мыла и горячей воды.

Стоя в окружении мокрой почвы и цветов, она еще долго размышляла над словами мудрого о том, что за свою любовь надо бороться. Но что если эта любовь преступна? Что если она разрушает чужие судьбы, заставляет других страдать? Что если в такой любви нет и никогда не будет ничего святого? За такую любовь стоит бороться?

Гадать ей над этим пришлось недолго: из дома, приковывая ее потерянный взгляд к себе, вышел мистер Эохайд. Белая футболка и джинсы. Как всегда неземной даже в такой простоватой одежде. Наталкивает на мысль: борясь за все это, не обречен ли ты на поражение заранее?

— Ревнуешь? — Без вступительных слов спросил Брендан, останавливаясь в метре от Кэри. На его лице красовалась полуулыбка. Для него все это было забавной игрой?

— Да. — Имеет ли смысл отрицать? К тому же при условии, что ее слова сделают этого мужчину предельно серьезным.

Кажется, мистер Эохайд не ожидал такой откровенности, потому теперь застыл смотря на девушку так, словно уже видел, к каким доказательствам прибегнет через минуту.

Дверь открылась, выпуская на крыльцо маминых гостей. Очевидно, дамочки решили, что раз их общество покинул тот, ради кого они, собственно, здесь и появились, то и им пришла пора отчаливать. Но теперь, увидев его в палисаднике, миссис Салазер и Венди остановились, явно желая что-то сказать на прощание.

— Поцелуй меня. — Проговорила настойчиво Кэри, возвращая мужчине свой взгляд. — Так, как ты умеешь. Без нежностей.

Отлично, она знала, что об этом его не нужно просить дважды. И вопреки оклику миссис Салазер, Эохайд рывком притянул Каролайн к себе, запуская руки в ее волосы, оттягивая голову назад, заставляя выгнуться навстречу. Его поцелуй присваивал и поработал, и Кэри надеялась, что Венди все отлично видно.

15 глава

Именно так чувствовал себя Атлант, когда с его плеч сняли тяжесть небесного свода.

Сидя рядом с Айрис, Брес не мог заставить себя не пялиться. Весь этот путь из дома до аэропорта, в самолете и теперь в машине, он смотрел на девушку, боясь спугнуть момент.

Ее неповторимой красоте остроту добавляла какая-то мрачность. И ему было чертовски интересно узнать причину, вот только правильно ли лезть к ней сейчас с расспросами? Вероятно, она до сих пор боится его. Пробуждающаяся память ее души подсказывает ей, что от него лучше держаться подальше, даже если с момента его предательства прошло чертовски много времени.

— Поверните, пожалуйста, направо. — Попросила таксиста Айрис, заставляя Бреса произвольно сжать руку на ее ладони.

— Бросаешь меня? — Не возмущение — спокойный укор.

— Мне нужно поговорить с Чейзом. — Отозвалась глухо Айрис, отворачиваясь к своему окну. — Ну и... все это очень сложно. Хочу привести мысли в порядок.

— Хорошо.

Его понимание и покорное согласие удивило ее, заставляя Бреса слабо улыбнуться.

— Твое настроение... очень быстро меняет заряд с отрицательного на положительный. —

Заметила она несколько смущенно, но руку отнять не пыталась.

— Я ни к чему не буду тебя принуждать, Кэри. Ты можешь приехать ко мне когда захочешь. У тебя есть адрес. Я буду ждать. — Брес наклонился к ней, прошептал: — Хотя, что скрывать, иногда мне жутко хочется выкрасть тебя и запереть в своей спальне.

Вспышку стыдливого предвкушения перебила какая-то инородная, острая как игла мысль. Загоревшиеся глаза женщины мгновенно потухли.

— Дело не только в Чейзе, не так ли? — Догадался Брес, следя за ее реакцией.

Айрис неопределенно пожала плечами.

— Дело в Миранде. — Не вопрос, а утверждение. — Не подходи к ней для своего же блага, Кэри. Слышишь?

— Почему же?

— Потому что она неуравновешенная, больная женщина, от которой можно ожидать чего угодно.

И хотя Миранда божилась небом и землей, что не подойдет к нему и его женщине, Брес еще не настолько обезумел, чтобы в это поверить. И возможно то, что Кэри пока побудет от него в стороне — неплохое решение. Совсем скоро он уладит последние финансовые вопросы касательно развода, приобретет недвижимость далеко отсюда для своей «бывшей», устроит ее на работу или в университет, расторгнет их контракт и... всё. Наконец-то всё будет в порядке. После стольких лет...

— Пообещай мне, что будешь держаться от нее подальше. — Потребовал Брес, следя за тем, как Айрис согласно кивает.

— Ладно. Как скажешь.

— Как скажу? — Повторил с расстановкой мужчина, улыбнувшись. Словно не в состоянии поверить в то, что эти слова уживаются с ее характером. — Я хочу, чтобы ты приняла от меня кое-что.

Она посмотрела на него испуганно и несогласно. Вероятно, подумала о том, что это будет нечто в духе избалованного толстосума. Отнюдь. Его «подарок» характеризовал его как нищего, влюбленного идиота.

Сняв со своей шеи цепочку с уже почти искрошенной, затертой, такой родной серебряной монетой, Брес вложил нагретую своим теплом вещицу в женскую ладонь. Айрис же, как будто почувствовав, насколько только что произошедший ритуал важен для него, молча сжала руку. Принимая его. Что за день сюрпризов, Брес уже жалеет, что он скоро закончится.

— Спа... спасибо. — Поблагодарила она неловко, рассматривая амулет. — Выглядит... довольно древне.

Ты даже не представляешь насколько.

— Занимаешься коллекционированием археологических находок?

— Вроде того.

— Здорово.

Разговор их распался, на выдерживая царящего напряжения. Ее напряжения. Почему даже находясь так чертовски далеко, Миранда все равно стоит между ними?

Когда машина мягко затормозила, Брес посмотрел на любимую женщину, на притягательные губы. Но черта с два он позволит постороннему увидеть то, насколько она прекрасна, когда возбуждена.

— До завтра. — Произнесла на прощание Айрис, продолжая хмуриться и смотреть на него еще так несмело. Словно не могла поверить, что происходящее — реальность. Что сказать, он тоже. А еще... когда в последний раз «завтра» было таким многообещающим?

* * *

Как много обмана и притворства — переплетенный клубок змей, образующий проклятый гордиев узел. И сегодня она перерубит его, резко, с плеча, жестоко. И не будет никаких «прости, если сможешь». Такое не прощают...

Сидя за столом в новой квартире Чейза, Кэри нервно поглядывала на часы. Кажется, ее бы всерьез увлекла планировка жилья, если бы только все мысли не были схвачены цепкими маникюренными руками Миранды.

Под каким соусом преподнести несчастной женщине правду, дабы она ее съела, избежав летального исхода? Боже, думая теперь над словами, которые упрямо пытались оформиться в оправдательную речь, Кэри чувствовала себя гадкой разлучницей и предательницей. Миранде будет совершенно справедливо плевать на ее правду, потому что у нее будет ее собственная, согласно которой муж бросил ее, уйдя к другой.

— Ну я пошел. Развлекайтесь тут. — Заглянул в кухню бедняга Чейз. Синяки на его лице едва начали желтеть. — Если понадоблюсь — просто позвони.

Кэри улыбчиво попрощалась, пряча свое истинное настроение за виной брата. Несомненно, он стал бы допытываться, какого дьявола с ней происходит (все эти поездки, молчание, состояние близкое к истерике, а теперь еще визави с Мирандой), если бы у него были на это права. Но его совесть говорила ему, что устраивать допросы сестре — утраченная привилегия.

Дверь за ним закрылась, ключ проскрежетал в замочной скважине.

Обхватив голову руками, Кэри попыталась сосредоточиться на дыхании — простом тиканье ее тела.

Миранда обещалась зайти вечером, стрелки часов уже отмеряли ночь. В предоставленном времени, которое представлялось теперь не свободным полем, а непролазным лесом, Каролайн вспомнила, как единожды в детстве ходила на исповедь. Убежденная тогда в том, что она уже закаменевшая грешница, могла ли Кэри помыслить, что нынешняя исповедь — не священнику, а порочной, развратной женщине — будет в разы тяжелее?

Тишина нагнетала атмосферу.

Стрелки часов — колокол, натягивающий струну, заставляющий ее протестующее звенеть, трещать, истончаться, пока...

Динь-дон.

...она не лопнет с тихим криком.

Дверной звонок не заставил вскочить и кинуться к выходу, хотя и был такой порыв: распахнуть дверь и громогласно, беспощадно объявить правду в лицо.

Медленно поднявшись со стула, Каролайн прошла в коридор. Отперла ключом дверь, впуская в квартиру свой ночной кошмар с поднятой головой.

Как всегда разряженная в пух и прах, Миранда колыхалась за порогом, удерживая равновесие при помощи стены. На плечо накинута дорогая кожаная сумочка. В свободной руке — початая бутылка мартины.

— Прости... Начала без тебя. — Протянула хрипло женщина и, не дожидаясь приглашения, шагнула внутрь квартиры, оттесняя Кэри. — У тебя тут... убогенько, словно я вернулась на пять лет назад... в свою гадкую жизнь.

Скинув пелерину из меха и швырнув туфли в угол, Миранда обошла всю небольшую квартирку, останавливаясь в итоге на комнате Каролайн. Плюхнувшись на ее кровать, она огляделась, пригубив бутылку.

— За твоё новоселье. — Пробормотала Миранда, находя взглядом застывшую у противоположной стены Кэри. — Скучота какая... может двинем в клуб?!

— Нет, я...

— Брезгуешь теперь? Ну и черт с ним, с клубом. Я ведь... не за этим сюда пришла. — Нерешительность Кэри предоставила Миранде право первого слова: — Знаешь, я тебе солгала... — Женщина нервно рассмеялась, теребя кольцо на безымянном пальце. — Да, я соврала, насчет того, что у меня все отлично. У меня... ни черта не отлично! — Ее голос задрожал. — Он... Брендан... бросил меня.

И снова Кэри зажмурилась, так сильно, словно мечтала о пробуждении.

— И мне... не с кем поговорить теперь... всем на меня наплевать... Никому я на хрен не сдалась! А ему в первую очередь! — Слова утонули в жадных глотках. — Хочешь знать, как это было? Два дня назад он позвонил мне... и сказал, что хочет развода... никогда раньше такого не было. Мы оба не пытались друг друга ограничивать, и все его измены я... просто закрывала глаза на его шлюх, а за пять лет, поверь мне, их было много...

Услышав тяжелый выдох со стороны своей слушательницы, Миранда приняла его за сочувствие, ускоренно продолжая.

— И тут такая... просьба... нет, не просьба — приказ... он заставил меня подписать! Вынудил! Сказал, что если не сделаю это добровольно, он отнимет у меня все, и я окажусь на улице. И я... боже, как я была напугана! Я умоляла его... говорила, что не буду против, если он... черт, да пусть трахается с кем хочет! Мне хватит просто называть его своим. Но он одержим этой новой сучкой. Что она сделала с ним? У этой потаскухи нет не стыда не совести! Неужели она не знала, что у него уже есть я? Что он женат? А ведь я пыталась стать идеальной женой, но он не дал мне этого! И... знаешь, что самое смешное? с ней он поступит точно так же! — Миранда начала неистово капаться в своей сумочке, выуживая сигареты. Не спрашивая разрешения. Чиркая зажигалкой. Вдыхая. — Она думает, что будет для него единственной? Нет, судя по

тому, как он одержимо за ней бегаёт, её ждёт ещё более худший конец. Он смешал меня с дерьмом, хотя ему было на меня наплевать, её же он уничтожит, когда она приедет к нему. Превратит в руины. Да и... что сказать, после такого мужчины трудно найти себе достойную замену. Всё какое-то... сплошное, пресное сено... по сравнению с ним.

Зажать уши? Сбежать? Выставить Миранду вон? Наперекор своим желаниям, Кэри слушала и дышала пропитанным никотином и горем воздухом.

— Интересно, когда я была в разъездах, они трахались на нашей кровати? Это их заводило? — Миранда безумно расхохоталась. — Хороша же она, так легко повелась на его смазливую мордашку и деньги. Дура ещё не знает, что это за мужчина. Чудовище. Гребанный монстр.

Она докурила до фильтра, трепещущий огонек уже обжигал её пальцы, но Миранда словно не чувствовала боль, остекленевшими глазами смотря в пустоту.

— Я уезжаю послезавтра. Мы с ним так договорились. Он отдаёт мне часть своего капитала... а я проваливаю к черту из этого города «влюбленных». Конечно, теперь мне тут не место. — Она кидает окурки, испачканный помадой, прямо на пол, доставая новую сигарету. — Им нужен целый город — их огромная проклятая кровать. Ну и пусть развлекаются, пока могут. Совсем скоро он поймёт, что его ненаглядная — такая же как и другие. Чем она лучше, а? Пройдёт несколько месяцев и на её месте окажется новая, и старую выкинут, как использованный презерватив. Надеюсь, она повесится от горя.

Ох, это вполне вероятно. Потому что желание избавиться от голоса этой женщины становилось всё острее, превращаясь в нужду.

— Узнать бы напоследок, кого он мне предпочёл. — Усмехнулась ядовито Миранда, глотая сигаретный дым, запивая его алкоголем. — Посмотреть бы на неё, узнать его тип. Заглянуть в глаза этой беспринципной суке. И сказать, что она совсем скоро подавится своим счастьем.

Через минуту Миранда кинула окурки на пол, туда же, где валялся первый, закрывая лицо руками. Каролайн же, пошатываясь так, словно это она не раз прикладывалась к бутылке, подошла к своей кровати. Присела перед женщиной, вынуждая её открыть глаза.

— Чего это ты? Жалеешь меня? — Хохотнула та резко.

— Смотри.

— Чего?

— Смотри. — Повторила тихо Кэри. Перед глазами всё плыло от слез. — Смотри, Миранда. Это — я.

— Я вижу, что это ты! С ума сошла, что ли?!

— Твой муж ушёл от тебя из-за меня.

Молчание не продлилось долго: Миранда весело расхохоталась.

— Насмешила! Да ты на себя в зеркало-то смотрела? Да это же... смешно! поставь вас рядом и... ха-ха-ха... это будет лучшая шутка, которую я когда-либо видела! — Тишина убеждала её в обратном. — Скажи, что ты пошутила, дорогуша. Скажи. Что. Пошутила! — Прошипела Миранда, сверкая глазами.

— Я позвала тебя сюда именно за этим. Чтобы честно рассказать. Ты заслуживаешь честности, Миранда. И я не могу так больше. Он нравится мне. Очень сильно. Возможно, я даже...

— Что?! Что «возможно»? Возможно, ты его любишь?! Я тебе шею сверну, паскуда!

Толкнув девушку на пол, Миранда села сверху, вцепившись в ее горло своими ладонями, сжимая, шипя от злости и напряжения. Но она, хилая и пьяная, была противником весьма слабым, потому уже через несколько секунд борьбы Мира была скинута на пол. Хватая ртом воздух, Кэри отбежала от нее к стене.

— Иди сюда! Шлюха! Я убью тебя! — Взревела женщина. Дотянувшись до бутылки, она схватила ее за горлышко, разбивая. Пытаясь встать на ноги, падая, ползя. — Ах ты тварь! И все это время... да как ты посмела... и я сама привела тебя в свой дом, чтобы потом... вот какая ты благодарная! Блудливая потаскуха! Я убью тебя, клянусь!

Смотря на то, как Миранда пытается подобраться к ней, отсекая руки в кровь об осколки, скользя по разлитому алкоголю, ругаясь, рыдая, исходя на нет от ненависти, Кэри молчала, стоя в стороне.

Борьба за любовь — как высокопарно и гордо звучит. В отличие от жалкой, низкой, отвратительной реальности.

— Я не отдам его тебе! Только не тебе! Ты же — ничто! Ничто! Ну почему?! Почему?! — Выла Миранда, сжимая в руке обитое горлышко бутылки. — Чем я хуже тебя?!

Из этих слов следовало, что ни о каком добровольном разводе речи не шло. Мистер Эохайд может с легкостью считать себя свободным и даже не думать о Миранде, но сама Миранда никогда его не отпустит и никогда не примет ту истину, по которой он может ее так просто забыть, найти себе другую — лучше.

Боже, во что он ее превратил. Кэри хотела бы увидеть Миранду пять лет назад, до того, как он встретила своего мужчину. Увидеть хотя бы фотографии этой женщины, чтобы сравнить и убедиться в том, что Миранда, ползающая сейчас на коленях, совсем не та Миранда — восемнадцатилетняя улыбчивая девочка, мечтающая о простом женском счастье. Чем она отличалась от нее, от Кэри тогда? Любовь к Брендану не сделала Миру счастливой, а низвергнула в пучину ада. Он уничтожил ее, как она и сказала, превратил в руины.

Но, проклятье, могла ли Кэри кого-нибудь из них обвинять?! Ведь именно она — тот нежелательный элемент, разрушивший пусть шаткую, но все-таки реально существующую структуру их брака.

Хриплое дыхание Миранды перемежалось с всхлипами — женщина выбилась из сил и теперь просто пыталась отдышаться, стоя на четвереньках. Именно эту переполненную ненавистью, бессильной злобой и виной минуту выбрал Чейз, чтобы вернуться домой. Вполне вероятно, забыл кошелек, плеер, мобильный — на выбор.

И теперь, застыв на пороге комнаты своей сестры, взирал недоуменно и молча на сцену, случайным свидетелем коей стал, вероятно, гадая: скорую или полицию вызывать. Когда их взгляды встретились, Кэри покачала головой — «не спрашивай».

— Пошли вы все к черту! — Прошипела устало женщина, пытаясь подняться. С третьей попытки ей это удалось. Откинув остатки бутылки в угол, она нащупала сумочку и выпрямилась. Посмотрела на Кэри протрезвившим от алкоголя, но не от безумной ярости взглядом. — Ты

меня еще вспомнишь, Каролайн.

Вероятно, она хотела сказать что-то еще, но потом, поняв, что всё необходимое уже было ей озвучено, Мирнада откинула волосы с лица и шаркающей походкой направилась в коридор. Чейз отшатнулся в сторону, давая ей выйти из комнаты, а там и из дома, громко хлопнув дверью на прощание.

— Вашу-то мать! что это только что было?! — Пробормотал он, сосредотачивая взгляд сначала на разлитом алкоголе с кровью, потом на своей сестре, которая, обхватив ладонью шею, дышала так, словно до этой самой минуты пыталась выплыть на поверхность.

Прислонившись спиной к стене, Кэри посмотрела на своего брата пристально и печально, как будто приготовилась к расстрелу. Однако пытки — не конек Чейза.

Вздыхнув, он привычно потупил глаза в пол и запустил пятерню в свои волосы, неуверенно предложив:

— Косячок?

В этот раз отказа не последовало.

16 глава

Солнце, неприлично яркое для середины осени, насмехалось сегодня над ней.

Назначив встречу на три, Кэри пришла на целый час раньше — сорвалась. О посещении университета нечего было и думать, и даже теперь, сидя в этой потрепанной, как и ее нервы, кафешке, Каролайн Атолл мечтала оказаться дома, в кровати, под одеялом. Словно с некоторых пор сон стал решением всех ее проблем.

Метнув взгляд на часы, Кэри уже через мгновение забыла положение стрелок. Посмотрела снова. Еще пятнадцать минут — вечность.

Как это происходит у обычных людей? С чего начать? Есть ли вообще инструкция по разрешению той неоднозначной ситуации, которая возникла между ними? Стандартно «все кончено»? Или попытаться объяснить? Господи, кто ж знал, что это будет настолько тяжело...

Решив в итоге плыть по течению будущего разговора, Каролайн принялась пересчитывать зубочистки. И остановилась на тринадцати, когда богатый, почти что мелодичный рев мотора огласил тесную улочку, на которой примостилось это неприлично дешевое, угнетающее одним своим видом, и потому идеальное для нее, кафе. Пусть не обессудит, но именно такие места подходят для темы, которую она собралась вынести на рассмотрение. Говорить о разрыве за фарфоровой тарелкой, груженной лобстерами, было бы, наверное, не комильфо. Хотя, черт, вряд ли обстановка будет играть хоть какую-то роль уже через пару минут.

Мазерати, вероятно, любимая игрушка мистера Эохайда; припарковав машину на противоположной стороне улицы, мужчина быстро пересек дорогу. Вынуждая всех на себя пялиться, как всегда.

Только что с лекций, на которые всегда одевается так, словно всего пару минут назад участвовал в показе на миланской неделе моды. И стоило ему появиться в дверях, как вся убогая жизнь кафешки задержала дыхание: «остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Это все значительно утверждало в правильности своих намерений, сказать по правде.

Народу было — три калеки с половиной, потому мистер Эохайд быстро отыскал ее, пришибленную бессонной ночью и безысходностью, за затертым пластиковым столом. И неуместное чувство собственного превосходства (смотрите все, этот мужчина идет именно ко мне) пришлось задавить воображаемыми руками, которые были так похожи на вчерашние руки Миранды.

— Здравствуй. — Неловко бросила Кэри, обрубая его желание приветствовать ее не только на словах.

Указав на место напротив, она уже задала разговору нужную атмосферу. Плавно опустившись на диванчик, мистер Эохайд снял свои «рэй-бэны», пристально посмотрев на девушку. Та глядела мимо него, на подплывающую к ним официантку.

— Закажи что-нибудь. — Попросила тихо Кэри. Их должны были оставить в покое хотя бы на десять минут.

Отмахиваясь от официантки, Брендан попросил принести эспрессо.

— Я не заметил тебя в университете.

Окей, собственно, она и не надеялась начать беседу с «прекрасный нынче денек, сэр».

— Ты еще не видел Миранду, не так ли? — Спросила Каролайн, упрямо пряча глаза.

— Нет.

— И она не звонила тебе?

— Что произошло, Кэри? — Ох, этот властный голос, она будет по нему скучать. — Я сказал тебе держаться от нее подальше. Ты мне пообещала, не так ли?

Его злость вполне оправдана. И возможно даже при иных обстоятельствах она попросила бы наказать себя.

— Я так не умею. — Пробормотала Каролайн, поднимая на него свои не спавшие глаза.

— Не уверен, что понял. — Он наклонился, опираясь локтями в столешницу, всматриваясь, уже предчувствуя неладное. — Что с тобой?

— Вчера... — Она вынуждена была замолчать: мистеру Эохайду принесли его кофе.

И молоденькая официантка хотела растянуть момент — черная бурда лилась в чашку в режиме «slow motion».

— Что-нибудь еще надумали, сэр? — Девушка в грязно-желтом форменном платье сделала свой голос нарочито низким. И можно ли ее в этом обвинять?

— Нет.

— А ваша... собеседница?

— Нет. Спасибо.

Ее «собеседница» — очередной камешек в урну «прости-прощай».

— Если что, только свистните. — Сексуально протянула она, обращаясь исключительно к мужчине.

— Я рассказала ей все. — Произнесла Кэри, когда они вновь остались наедине. — Миранде. Про нас.

Брендан тихо выругался, отодвигая чашку в сторону, кладя руки на стол.

— Интересно узнать зачем.

— Зачем? — Переспросила Кэри. — Затем, что она твоя бывшая жена! Затем, что никто, а ты особенно, не принимает ее всерьез! Затем, что я чувствую себя... не сказать как, из-за того, что все это произошло. — Обхватив голову руками, она потупила взгляд. — Боже, зачем я сюда приехала...

— Потому что должна была приехать.

— То, что я сделала... если бы ты видел ее, ты бы так не рассуждал. Не знаю, чем нужно было заслужить такое наказание — она ужасно несчастна. Я чертовски жалею, что вмешалась в вашу жизнь. Однако, вряд ли сожаления теперь что-то исправят.

— Кэри, послушай меня. — Настойчиво произнес мужчина, заставляя поднять глаза. — Что бы ни сказала тебе эта женщина — всё от первого до последнего слова было ложью.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

Кэри невесело усмехнулась.

— А ты знаешь, что делаешь с женщинами? — Она повертела в руках салфетку, которую не так давно оставила на их столе официантка. С номером телефона, естественно. — Ты никогда не думал, что любовь к тебе всегда поставляется вместе с безумием? Кто знает, какой Миранда была пять лет назад. Возможно, такой же как и я...

— Кэри, черт возьми! — Сдавленно прорычал Эохайд, подаваясь вперед. — То, что ты солгала мне, ставит тебя в довольно опасное положение. Мне жутко хочется продолжить этот разговор у себя дома.

— Она ничем не заслужила твоей жестокости. — Упрямо гнула свою линию Каролайн.

— Я никогда не обещал ей любви! Это был чертов контракт.

— Но это был брачный контракт! Разве в него не входит пункт о любви?

— Не в этом случае.

— Да это и не важно. Это ваш брак. Но, проклятье, почему же именно я стала той, из-за чего все полетело в тартарары? Я не привыкла рушить даже иллюзии чужого счастья! Для меня это в новинку. И мне это не понравилось.

— Я развелся бы с Мирандой в любом случае уже через месяц.

Кэри устало взмахнула руками, взглянув на него так безнадежно.

— Дело... дело даже не в Миранде. Дело во мне. Я не могу... быть с тобой.

Его взгляд застыл на ней в неуверенности, гадая: шутка?

— Послушай, пожалуйста. — Торопливо начала Каролайн, словно боясь спугнуть момент его растерянности, а значит молчания. — Я на самом деле не думаю, что ты лгун последний и подлец, а иногда мне кажется, что ты... смешно, конечно... что ты единственный, кто меня понимает, однако... рядом с тобой я чувствую, как теряю себя. Утрачиваю разум. Миранду ты не любил. Она знала это, и все равно ее душа превратилась в развалины после твоего «предательства». Как ты думаешь, что станет со мной?

— Кэри, какого...

— Будем реалистами, ты не создан для серьезных отношений вроде семейной жизни. Ты... — Она мучительно зажмурилась. — Ты дьявольски красивый мужчина, Брендан. И я... я не умею любить таких как ты. Я не тот святой тип женщин, которые могут простить своим мужчинам ложь, грубость, измену. Разбить мое сердце — ничего не стоит такому как ты. Ты можешь сделать это случайно, даже не заметив. Это не упрек. Я понимаю, что ты и я из разных вселенных. Мы не знаем законов, которым следуют в этих мирах. Ох, возможно, тебе кажется, что я несу какую-то чушь... Просто... ты для меня «слишком», понимаешь? Слишком умный, взрослый, обеспеченный, привлекательный... это не то, что я могу с легкостью назвать своим. Ну... в общем-то, Миранда сказала, что после того, как ты бросишь женщину, которую называл своей, она будет уничтожена. Думаю, это правда. А я... я слишком слаба, я боюсь этого. Я должна быть уверена в завтрашнем дне, а с тобой я не буду верить ни себе, ни тебе. И в итоге совершенно свихнусь. Предполагаю, тебе тоже не понравится такой исход, да? — И она невпопад, горько рассмеялась.

Он долго, как будто ошарашено молчал, прежде чем уточнить:

— Ты бросаешь меня?

— Господи, конечно же нет! — Воскликнула Кэри, для которой «бросаешь» и этот мужчина не могли стоять вместе ни в каких вариациях, кроме как «бросает в дрожь». — Я просто говорю, что... ничего не получится. У нас с тобой.

— И ты думаешь, я так легко с этим соглашусь?

— Д-да?

— На что я был бы годен, если бы «да»! Ты боишься, Кэри, и, вероятно, не без причин, но, пойми, ты — мое всё. Я не позволю ничему плохому случиться с тобой. — Теперь мистер Эохайд казался не просто жутко раздраженным, но еще и основательно взволнованным ее заявлением. Возможно даже, в эту самую секунду искал нужные слова. — Дай мне шанс. Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо со мной.

Ох, черт, она знает, что с ним будет хорошо. Лучше некуда. Но дело в том, что после этого «хорошо» следует куда более значительное «плохо».

— Понимаешь, у меня брат наркоман, я не верю мужским обещаниям.

— Кэри, ты должна верить мне. Я люблю тебя. — Ну вот опять! Проклятье, когда он так

говорит, ей кажется, что она действительно «должна». — Возможно, ты поймешь степень моей серьезности, когда узнаешь, что это сказать для меня — не пустяк. Ты первая женщина, которой я это говорю, предлагая всего себя.

Какая ложь! А как же детские и подростковые влюбленности? А как же любовь к родителям?

— Зря ты это сказал. — Пробормотала устало Кэри, вытаскивая из кармана брюк монету вместе с цепочкой. — Вот, забери...

— Не смей. — Прорычал тихо мужчина. — Не смей швырять мне в лицо то, что я оторвал от сердца.

Она растерялась, сжимая ладонь на его подарке. Кто бы знал, что вещь значит для него так много...

— Я просто... хочу доучиться, наконец, найти работу и устроить нормальную жизнь. — Обреченно выговорила Кэри, покорно убирая древнее украшение в карман. — А наши понятия «нормальности» отличаются. Для тебя это... — она подтолкнула салфетку с номером ближе к Брендану — ...нормально. Нам не по пути, потому что я... я не привыкла и никогда не привыкну делиться своим с другими.

— Ну так я тоже. — Его рука схватила ее за запястье, заставляя замереть. — Не теперь, Кэри. Я не отпущу тебя теперь.

— Ч-что? — Боже, иногда он ее жутко пугал.

— Я сказал, что ни боги, ни Миранда, ни уж тем более другой мужчина не заберут тебя у меня.

От убежденности его голоса по коже пробежал не метафорический холодок. Так говорить мог лишь человек, принесший с собой чемодан доказательств, или же одержимый фанатик. В данном случае? Бесспорно, второе.

— Я не хотела расставаться таким образом. — Пытаясь подменить страх злостью, произнесла Каролайн, выдергивая руку из его хватки. — Не думала, что дело дойдет до угроз. Но если вы начнете меня преследовать, я буду вынуждена обратиться в полицию. Сэр.

Или в сумасшедший дом? Уже насчет себя самой, ведь, черт возьми, его настойчивость была воспринята какой-то частью ее женской души с ликованием.

— В полицию? Seriously? — Его голос утратил свою напряженность. Интонация как будто удивлялась ее примитивности.

Все верно, к черту копов. Ведь в последнее время Кэри кажется, что ей никто (полиция тем паче) не сможет помочь. Никто, кроме того, кто заставляет забыть о существовании мира одним прикосновением. Боже, и это она, лицемерная, обвиняла Чейза в наркотической зависимости?!

— Извини, что так вышло. — Заключила Каролайн поднимаясь, оставляя на столе деньги. — Пожалуйста, не ходи за мной.

По лицу мужчины скользнула тень печальной улыбки. Очевидно, всерьез он ее не воспринял. Логично, ведь ее слова не звенели стальной решимостью, хотя и были правдивы.

Заметив намерение «собеседницы» уйти, официантка быстро вошла в режим полной боевой готовности: поправила макияж и двинулась в сторону Эохайда, вероятно, желая сообщить, что через пятнадцать минут заканчивается ее смена. Это позволило Кэри в очередной раз умиловить совесть. Женщин, желающих скрасить его тоску, было так много, что их очередь могла протянуться вдоль великой китайской стены и оказалась бы длиннее.

Она сумела сделать один шаг, когда мужчина порывисто поднялся, загоразивая путь отступления. Кэри не успела возмутиться: его руки, не спрашивая разрешения, оказались на ее голове, притягивая к себе, вынуждая принять поцелуй. Не прощальный, конечно же нет. Настойчивые, восхитительные движения умелых губ и языка перечеркивали все доводы разума, озвученные ей здесь не так давно. И, дьявол, ей нечего было на это ответить.

— Ты моя.

Втянув воздух в грудь, Кэри обнаружила замершую неподалеку официантку. Бедняжка выглядела так, словно все известные ей законы мироздания рушились у нее на глазах, и она не могла помешать катастрофе. Хотя, официанты — не единственные свидетели, о которых следовало волноваться. Ведь в эту самую минуту в кафешку за пончиками решили зайти копы. Суровое трио блюстителей закона остановилось в дверях, молча рассматривая подозрительную парочку и, вероятно, гадая над тем, по их ли части происходящее.

— Нет. — Отозвалась Кэри, торопливо и оттого так неуклюже обходя мужчину.

И только на улице она сообразила, что его слова не были вопросом.

* * *

Явление такое же редкое, как солнечное затмение? Обнаружить Миранду трезвой в достаточной степени для понимания слов родного языка. Как чертовски удобно для Бреса появиться именно в этот редкий момент.

Женщина была взволнована, расхаживая по своим новым хоромам, отдавая распоряжения прислуге: кажется, переезд захватил ее, отвлекая от головной боли и служения собственным страстям.

Незапланированный визит Бреса был встречен ей с испугом и... да, с восторгом. А ведь последняя встреча с этим мужчиной, казалось, доступно объяснила ей, что рассчитывать на новое свидание в скором времени не следует.

Но вот он здесь, идет к ней, уверенный, сильный и прекрасный, как сам дьявол. И в тот момент, когда Эохайд оказался в метре от Миранды, ее память, замутненная впечатлениями от новоселья, сокрушительно и беспощадно наполнила сознание, душу, все ее естество воспоминаниями.

Его тело, вкус, запах... да отрежут язык тому лгуну, который сказал, что рай не может сосредоточиться в одном человеке. Миранда поверила этому и потому искала свой Эдем во множестве других мужчин, совмещая отдельные черты своих любовников. На самом деле, понимая, что эталон находится так близко...

Его появление нарушило ритм ее дня и дыхания. Миранда протянула руки, желая ощутить под ладонями твердость его совершенного тела и вопреки его опостылевшим правилам почувствовать его губы своими...

Ее страстный порыв был оборван жестоко его рукой, которая в итоге пригвоздила женщину к стене. Слуги встрепенулись и поспешили убратся к черту с глаз разгневанного хозяина, послушно оставляя ему в качестве мишени госпожу.

— Ты перешла границы, — прорычал Брес, давая окончательно убедиться: не играет. Его грубость не граничит с сексуальностью на этот раз, — приблизившись к ней!

— Ч-что ты... я... — Миранда хватанула ртом воздуха, не пытаясь, однако, избежать давления мужской руки на своем горле. — Значит, это все-таки правда... эта нелепая шутка в теле женщины, эта Каролайн... Ты серьезно? — Словно в ответ на этот вопрос его ладонь сжалась сильнее. — Она же... посмотри, что она сделала...

Задыхаясь, Мира подняла свои перевязанные трясущиеся ладони, взглянув на мужчину так жалостливо.

— Дорогая, я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить в это. — Брес резко отстранился от нее словно от ядовитой змеи. — Не смей больше напоминать ни ей ни мне о своем существовании. А если вдруг ты решишь рискнуть, не рассчитывай на снисхождение. Пусть мне и чертовски не хочется марать руки твоей кровью, если я узнаю, что ты опять приблизилась к Кэри, я нарушу еще один свой принцип: не убивать женщин.

— О, стать твоей первой... эта перспектива такая соблазнительная. — Рассмеялась безумно Миранда. — К тому же именно твоя «Кэри» пригласила меня к себе. Хотела похвастаться своей добычей. Хотя, что сказать, я бы тоже не посмотрела на то, что ты женат, если бы...

Гребаное проклятье, думал Брес, повернувшись спиной к истерично хохочущей женщине. Суть его заключается не в принудительной высылке с небес, а в том, что из века в век обстоятельства меняются, вселяя надежду на то, что в этот раз уже наверняка он заполучит любимую женщину. Докажет ей свою преданность и благость намерений, не вызвав неприязни. И вот, кажется, он уже держит ее благословенное «да» в своих руках... но обязательно, черт возьми, всплывает какое-то обстоятельство, которое отвращает ее от него. Которое как каток давит его надежду, смешивая ту с грязью. Обрекая на новый круг. Который закончиться так же, как и все предыдущие, не так ли?

— ... и ты для этого пришел? Я же уже черт знает где, не мозолю вам глаза. Возможно, ты хочешь повторить наше милое рандеву. Ты помнишь тот раз...

Да, что касается причин его появления здесь.

Снова сократив расстояние между ними, Брес протянул к ней правую руку, словно в приглашая. Миранда, растерянно замолчав, усталилась на мужскую ладонь, пытаясь понять причины его внезапной расположенности. Конечно, этот жест не был скреплением союза дружбы и партнерства с его стороны, и в этом ей пришлось убедиться через мгновение. Когда их руки соприкоснулись, мужчина резко дернул ее ладонь на себя, словно забирая что-то, вырывая. Стирая лишь ему видимое клеймо контракта.

Прочувствовать благодатный миг освобождения Миранде не дало пугающее осознание, что теперь ее и его ничто не связывает. Что он забрал последнее, что объединяло их. Что позволяло ей видеть его, быть с ним рядом, говорить, требовать, надеяться...

Брес покидал дом в сопровождении несогласного вопля спасенной им женской души. Последней. Пятой. Которая вопреки судьбе не будет уничтожена им и, возможно даже, ища спасения, обретет его в лоне церкви. Почему бы и нет? Ведь многие находят рай,

предварительно дойдя до самого дна ада, дабы после оттолкнуться от него и всплыть. Брес надеется, что это касается и Миранды.

Что насчет него? День избавления от власти проклятья, испорченной женщины и собственной божественной сути станет несомненно памятным.

17 глава

Новость о разводе мистера Эохайда и подозрительно спешном исчезновении Миранды с поразительной стремительностью наводнила все умы и углы университета и, кто знает, может быть и всего города. Даром что об этом не кричали заголовки Таймс.

Рутинные студенческие будни раскрасились в непривычно-яркие цвета. В основном в призывный алый, который нашел себе место на губах студенток и молоденьких преподавательниц, на их туфельках, юбках, блузках, бижутерии. Удивительно, что так ожить и обновиться всю женскую половину университета заставил развод какого-то мужчины.

Однако, проклятье! «какого-то» это не про Брендана, хотя Кэри и пыталась упрямо убедить себя в обратном вот уже которую неделю. Время оказалось неблагонадежным помощником: ее влечение скорее можно было сравнить с возрастающей жаждой, чем с неаккуратным ожогом, который должен без следа пройти если не сегодня, то завтра.

Возможно, ей помогло бы расстояние: переезд опять черт знает куда со всеми вытекающими проблемами. Ведь мысль, что мужчина может находиться буквально за соседней стеной, не давала покоя.

— ...меня одно удивляет. Как он мог ее так долго терпеть? — Небольшая группа по интересам обосновалась у широкого окна главного коридора, рьяно обсуждая новость недели, месяца, года. — У этого мужчины стальные нервы.

— Не только нервы. — Раздалось в ответ с придыханием. — Однажды я неаккуратно завернула за угол и... боже, увидеть бы его хоть раз без рубашки. Мой парень качается, но он и в половину на ощупь не такой, как наш Эохайд. Можете осудить мою примитивность, но он на самом деле — сталь, обернутая бархатом.

— А еще... мне жутко хочется узнать название его туалетной воды — подарила бы своему.

— Уверена, это эксклюзив, на который не хватит твоей нищенской зарплаты...

Проклиная свое любопытство, Каролайн намерено замедлила шаг, вслушиваясь. Понимая, что все симптомы ее болезни можно отыскать в каждой женщине, которая хоть раз видела Брендана. Что с одной стороны угнетало, а с другой давало повод вздохнуть с облегчением.

И она бы с удовольствием дослушала мнение девушек о сегодняшнем выборе одежды профессора, но гори в аду ее невнимательность — сплетни интересовали ее больше, чем собственный маршрут. Натолкнувшись на человека, Кэри тут же отскочила назад, следя за падающими на пол учебниками. Чертова туча толстых томов.

— Прости. Прости, не вижу, куда лезу. — Разлилась торопливыми извинениями Кэри, присаживаясь, чтобы собрать книги в стопку. — Господи, где были мои глаза...

— Э-э-э... без проблем. Чего уж там... — Неловко отозвалось сверху, после чего студент, решивший, кажется, позаимствовать у библиотеки половину ее собрания, опустился на колени

рядом с Кэри, забирая из ее рук учебники. — Это я... с такой башней обзор весьма ограничен. — Он взвесил книги в руках. — Это уже второй раз... дойти бы живым до парковки.

Каролайн молча уставилась на парня, вспоминая, где могла его видеть. Возможно, мельком в японских комиксах. Длинноногий, высокий блондин, с большими серыми глазами и очаровательно-пышными ресницами.

— Я помогу. — Решительно объявила Кэри, забирая часть книг и не встречая возражения. Отлично, хоть кто-то здесь из парней не корчит из себя альфа-самца. — Ты новенький?

— Я... — Он как будто растерялся, удивленно посмотрев на нее. — Мы вообще-то ходим вместе на лекции по античной литературе. Вот уже почти два месяца. Ты же Каролайн, да?

Тут нечему удивляться. Направление ее мыслей, кажется, имеет лишь два режима: учеба и один конкретный мужчина. Но вряд ли о причинах такой вопиющей рассеянности нужно знать ее новому знакомцу.

По дороге до парковки, выяснилось, что кроме прочего, Мэт (а именно так звали студента с книгами) учился на одном курсе с Мирандой. Пока та внезапно не забрала документы, хотя все указывало на то, что она-то при столь вольготных условиях, будет последней, кто захочет добровольно оставить это место. Кстати, не знает ли Кэри почему?

— Без понятия. — Солгала Каролайн без задней мысли. — Мы с ней не были особо близки.

— Правда? А я другое слышал про вас... — Пробормотал натужно он, перехватывая ношу поудобнее. В наступившем молчании до него дошло, что высказанное предположение было в некотором роде грубостью. — Но я не прислушиваюсь к сплетням. А вокруг Миранды их всегда было слишком много. И в основном, все лживые.

Кэри не очень бодро согласилась и дело тут не в Мэте, а в воспоминаниях. Все-таки их с Мирандой прощание было слишком... не дружеским. С тех пор, стоило об этом подумать, и Каролайн хотелось прочистить горло и ослабить воротничок рубашки.

Старенькая тойота, возле которой они остановились, была представителем не «первых рук», не «вторых» и даже не «третьих». Подержанная в пятом поколении, быть может. И такая древняя простота, честно признаться, не могла не располагать к себе.

Сердечно поблагодарив за помощь, Мэт закинул книги на заднее сиденье, где им составили компанию пустые бутылки из-под пива и опустошенные пачки чипсов. Странно, что в его жизни не сопоставимое с такой легкостью совмещалось. Кажется, ей интересно...

— Тебя подвезти? — Предложил Мэт, смущенно отводя взгляд, словно делать такие предложения в новинку для него. Что вряд ли.

Вежливо улыбнувшись, Кэри взглянула на здание университета, дабы подкрепить свой уже готовый быть озвученным отказ. У нее еще одна лекция, которую, в виду участвовавших прогулов, нежелательно пропускать. Но слова застряли в горле вместе с дыханием, когда ее глаза обнаружили стоящего у главного входа Брендана. Гребаный ад, ей казалось, что сегодня-то встречу с ним удастся избежать...

Их взгляды сцепились.

Профессора обтекала весело воркующая толпа студентов, здороваясь, желая привлечь

внимание, выделиться. Он же смотрел исключительно в сторону старенькой тойоты, Мэта, а если точнее — на Кэри, которая вопреки расстоянию почувствовала этот взгляд кожей. Испытывающий, обличающий, предостерегающий. Так похожий на... ревность? Может ли такое быть?

Взглянув на несуразного по сравнению с Эохайдом Мэта, Кэри недоумевала: неужели Брендан решил, что...

Клин клином вышибают? А почему бы и нет?

— Да. Если можешь. — Отозвалась Каролайн, замечая, как парень с облегчением выдыхает, словно уже отчаялся получить ответ.

— Садись! Извини за этот бардак. Не успел вчера прибраться. — Бойко оправдываясь, Мэт забрался в машину, открывая соседнюю дверь — снаружи это сделать было невозможно ввиду отломанной ручки. — Тачке уже лет сто, но, не переживай, старушка еще крепкая, доедем.

Как глупо было считать, что в машине она сможет спрятаться от этого противоречивого позорного чувства: ей хотелось сбежать. К Брендану. Вопреки доводам разума и расстоянию, открыть чертову дверь и на глазах у всех броситься к нему. Ощутить на себе его руки, движение его губ на своих губах, разделить дыхание на двоих... Боже, знал ли мир до нее о подобном безумии?!

И-и-и... ради чего она сейчас оставляет мистера Эохайда за своей спиной?

— Так ты не знаешь, что там с Мирандой?

Ах да, Миранда... спасибо, что напомнил, дружище.

* * *

Будь проклят его величество случай: мистери Бейверу приспичило взять больничный именно на среду. И разве мог такой рыцарь, как профессор Эохайд, бросить своего коллегу в беде? Он с величайшим удовольствием взял его группу к себе, к тому же та не высказалась против, счастлива воспользоваться уникальным шансом. И мысль о побеге была хоть и постыдной, но спасительной, ведь Кэри знала: мужчина не упустит возможности отыграться.

Как удачно для него, планы их групп совпадали, потому студенты целый день предвкушали беседу о неподражаемом Оскаре Уайлде. И, воистину, лучше бы это был «Портрет Дориана Грея».

— Я видела тебя... и я полюбила тебя. Я еще люблю тебя, Иоканаан. Тебя одного. Твоей красоты я жажду. Лишь твоего тела я хочу. И ни вино, ни плоды не могут утолить желания моего.

Сгорая от стыда, Кэри стиснула пальцами обложку любезно предоставленной книжки, пытается скрыть дрожь голоса. В то время как самоуверенный и непоколебимый словно айсберг мистер Эохайд стоял внизу, опираясь бедром о свой массивный стол. Скрестив руки на груди, он упивался ее смущением и паникой, глядя так пристально, молчаливо, мрачно.

Черт возьми, конечно же, он случайно решил разобрать на лекции именно «Саломею». Так же «случайно» он выбрал студентку, которая должна будет зачитать «случайный» отрывок. Сплошные, мать их, случайности.

— Что буду делать я теперь? Ни реки, ни великие воды не погасят огонь моей страсти... — Ее голос звучавший поначалу откровенно жалко теперь совершенно растворился в шепотках и призывных вздохах студенток, мысли которых она зачитывала.

— Вам плохо видно? — Поинтересовался с завидным спокойствием мистер Эохайд, когда в хрупком молчании протянулась целая минута.

— Я... я не буду это читать. — Пробормотала Кэри, услышав удивленный тихий возглас со стороны сидящего рядом Мэта.

— Громче. — Потребовал Эохайд, прикидываясь, что не расслышал.

Кэри словно ослепили сотней прожекторов — внимание всей аудитории сосредоточилось на ней.

— Я сказала, что не буду это читать.

— Отчего же? — Как будто недоуменно осведомился Брендан, а Каролайн оставалось только удивляться его таланту: он так умело прикидывался безразличным незнакомцем, что ни у кого и мысли не могло возникнуть, что их что-то может связывать. Например та одержимая, древняя как мир страсть, о которой вещает уайлдоская Саломея.

— Не хочу.

— Что?

— Не хочу декламировать этот нимфоманский бред! Попросите любую другую! — Выкрикнула озлобленно Каролайн, ожидая от него логичного «выйдите из аудитории».

Качать права, и главное с кем... боже, ее не любили еще со времен ее дружбы с Мирандой. Теперь, после того, как она нахамила любимчику всея университета, Кэри безусловно станет лидером в черном списке у многочисленных фанатов Эохайда. И тем не менее, покорно выставляя себя посмешищем по его указке она не станет.

— Нимфоманский бред? — Переспросил невозмутимо Эохайд, пытая пронзающим взглядом. Громкий хохот аудитории поддержал его. Какое унижение. — Оставайтесь после лекции, мисс Атолл. Нам необходимо обсудить ваше пренебрежительное отношение к Оскарду Уайлду.

Она с превеликим удовольствием осталась бы подискутировать, скажем, с мистером Бейвером. С его же сегодняшним заместителем ей пришлось бы обсуждать пренебрежительное отношение к совсем другому мужчине. Потому Каролайн предсказуемо улинула, пока внимание профессора было похищено обступившими его студентами, у которых как всегда была масса вопросов.

Мэт, приятельские отношения с которыми скрепила та рухнувшая гора книг, отнесся к ее маневру с отступлением непонимающе. Парень отказывался даже просто предположить, что краснота ее щек и тяжелое дыхание — следствия не задетой гордости и злости. Что заикаться ее заставляла не непристойность признаний разнузданной героини, которые было унижительно озвучивать. А их истинность в отношении ее, Кэри, и как будто чужого мистера Эохайда. Он знал, черт возьми, о ком она будет думать, читая это.

Долго мучиться не пришлось: со следующей лекции ее вызвал к себе ректор. Конечно же причина была не только в участвовавших пропусках. Просто профессор Эохайд решил добиться

своего, воспользовавшись авторитетом мисс Фауст. Ведь ей Кэри не могла отказать, так как для этой суровой дамы нежелание студента не принималось за аргумент.

До этого Каролайн Атолл еще никогда не вызывалась на ковер. Ощущения, которые ей довелось испытать при этом, были незабываемыми. К сожалению.

Внушительная мисс Фауст, сидела в своем кожаном кресле за таким же необъятным, как и ее фигура, столом, перечисляя преступления, которых хватило бы на новый Нюрнбергский процесс. Брендан же расслабленно разместился на стуле, располагающемся напротив стола ректора, и сейчас сидел полубоком к краснеющей от стыда Кэри. Боже, ее отчитывают, как негодную школьницу. У него на глазах.

— Мистер Эохайд... — С ума сойти, Фауст завелась, просто произнеся его имя, — ...очень уважаемый профессионал. Его слово имеет вес не только в нашем коллективе, но в сфере образования нашей страны в целом. И ваше неуважительное поведение, мисс Атолл, говорит о вас как об особе весьма... легкомысленной. Вы должны быть благодарны судьбе за то, что вам выпала такая возможность: обучаться у столь... — Она обдала мужчину жарким взглядом — ...авторитетных специалистов.

Судя по всему, Кэри была в этом кабинете пятым углом. Хотя даже не просто лишним элементом. Чертовски нежелательным, скорее. Но, странное дело, свой же кабинет покинула именно ректор.

— Что ж, оставляю вас наедине. — Недоуменно Каролайн следила за тем, как Фауст поднимается из кресла и проходит к двери. — Советую вам принять к сведению мои слова. И слова мистера Эохайда, конечно же.

Конечно же. Его слова? Всенепременно. Обяза...

Кажется, дверь за мисс Фауст еще не успела закрыться, а Каролайн уже ощущала спиной прохладу стены, в то время как чужие губы оборвали вскрик возмущения. Судя по напряженному телу, которое прижалось вплотную, лишая возможности вырваться, Эохайд собирался ближайшее время посвятить не защите писательского авторитета Оскара Уайлда.

Поцелуи мистера Эохайда в самом деле очень красноречиво доказывают его исключительную профессиональность. Вот только неужели мужчине нет никакого дела до того, что у его «разъяснительной беседы» могут появиться свидетели? От той же мисс Фауст до любого студента. Это же кабинет ректора, считай, проходной двор. Черт, разве ее должно волновать именно это?!

— Прекра...

— Нравится? — Хриплым шепотом спросил Эохайд, обхватив ее пылающее лицо руками, приныкая к приоткрытым губам снова. Боже, было глупо надеяться, что он не воспользуется случаем доказать, кого на самом деле слушается и хочет ее тело.

— Ты... с ума сошел!

— То, что ты делаешь со мной, нравится тебе?

— Я не пони... — Кэри замерла, покорно принимая очередной безжалостный поцелуй. В коридоре послышался стук приближающихся каблуков, пресекая все попытки сопротивления. Заставляя мысленно умолять пройти мимо.

— Хочу прикоснуться к тебе. — Выдохнул нетерпеливо мужчина, рукой скользнув по грубой ткани джинсов между ее ног. Почти, еще бы чуть-чуть...

— Очнись, ты в чужом кабинете! — Прощедла на одном дыхании Каролайн, отталкивая его руку. Честное слово, он не должен узнать, что не одинок в своем желании. — Что ты делаешь?

— Что делаю? — Переспросил Эохайд, после чего наклонился, чтобы в очередной раз, не тратясь на слова, объяснить. — Я хотел это сделать еще в той аудитории. И, кто знает, может в следующий раз так и поступлю. Если ты будешь вести себя так же вызывающе.

— Вы... вызывающе?

— Тебя это заводит? Смотреть на меня, разговаривать, как с незнакомцем, когда рядом сидит этот мальчик?

— Мэт? — Недоуменно уточнила Кэри.

Брендан резко усмехнулся.

— Мэт. Ты получаешь удовольствие от его прикосновений? — Поинтересовался как будто невзначай мужчина, наклоняясь к ее шее. Вжимаясь бедрами в ее живот, вырывая возмущенный (предвкушающий) выдох. — Кэри, ты заслуживаешь хорошего любовника. Скажи, этот Мэт справляется?

— Отпусти меня! — Зашипела она, впившись ногтями в его предплечья.

— Кажется, мальчик ни на что не годен. — Заключил Эохайд, настойчиво проведя ладонями вдоль женского тела, снизу вверх, сжимая мягкие груди, вырывая едва слышный стон. — Тогда зачем ты тратишь на него свое время?

Действительно.

Когда их взгляды встретились, Кэри поверила в магию. Как еще объяснить этот безумный порыв? Так трудно было заставить свое тело слушаться, но едва она отцепилась от его предплечий, ее руки сами собой поднялись к его голове, пальцы запутались в мягких волосах. Божественное ощущение, заставляющее утратить контроль. Не только ее.

Забавно, и это она буквально несколько секунд назад требовала расстояния? Сейчас все ее тело просило его не останавливаться.

Заснувшее благоразумие вынудил очнуться лишь стук в дверь.

— Мисс Фауст? — Раздался голос ректорского секретаря за дверью.

— Боже, что... я схожу с ума. — Сбивчиво шептала Кэри, поспешно вырываясь из плена чужих рук. — Как же ты...

На пороге она столкнулась с идеальной от до кончиков ногтей Дрю. Догадаться о темах завтрашних сплетен не составило труда. Стоило просто заглянуть в эти всеподмечающие лисьи глаза, заслоненные стеклами очков.

Едва не сбивая секретаршу с ног, Каролайн вылетела в коридор, а оттуда, цепляясь за перила и стены, на улицу. Однако швыряющий ветра ноябрь вряд ли смог бы остудить этот внутренний огонь. Саломея, мать ее.

Ну как, как можно жить с мужчиной, рядом с которым забываешь о самой жизни? А он даже не понимает, каково это...

Жадно вбирая в легкие воздух, Кэри оглядывалась по сторонам, понимая, что привлекает слишком много внимания. Очевидно, вид у нее был не соответствующий благонаравному воспитаннику сей альма-матер. Откровенно дикий.

Словно отвечая на ее мысленные молитвы, внизу, перед мраморной лестницей главного входа остановилась подержанная тойота, из которой выглянул Мэт.

— Вот, ждал тебя тут... ты не против? — Нашел необходимым объясниться он, словно Кэри было какое-то дело до того, какими судьбами эта машина (убежище) здесь оказалась. — В общем-то, если хочешь...

Без лишних заверений и благодарностей Каролайн села рядом, захлопывая скрипучую дверцу. Продолжая дышать так, словно ее гнали адские гончие.

— Ты... хм... ты в порядке? — Кажется, парень хотел дотронуться до ее лица, но вовремя себя одернул. — Ты вся горишь.

Мэт, душка, ну разве ты не капитан очевидность.

— Поехали. — Просипела Кэри, убирая волосы с лица.

— К-куда?

— Все равно.

— А... ладно. Окей. — Растеряно пробормотал Мэт, выезжая с территории университета.

Она не следила за дорогой. И за попытками Мэтью завязать разговор тоже, хотя судя по интонации парень задавал какие-то вопросы. Но, видит бог, Кэри сейчас не смогла бы даже отличить черное от белого.

Открыв окно, она подставила горящее лицо холодному потоку, пытаясь стереть следы чувственных прикосновений. Вытравить это прожигающее насквозь ощущение. Скорость создавала иллюзию полета, цели, свободы и потому, когда машина остановилась, тело вновь сковала тягучая тоска.

Боже, ей надо что-то решать. Вечно бегать от него (себя) не получится, и дело не в том, что из нее никудышный бегун, а в том, что она уже не видит смысла убегать. Смисла в лице Миранды.

— Ну вот... твой дом, да?

Как всё было просто раньше: Он женатый мужчина. Она его студентка. С первым разобрался он, со вторым — она. А ей нужен закон, который останавливал бы всякие помышления и надежды, потому что... кажется, любовь к нему задается пропорциональной зависимостью безумия от влечения. Или что-то вроде этого.

— Слушай, я... давно хотел сказать... спросить у тебя... Черт, в общем-то я... я, наверное, затеял этот разговор не вовремя...

Просто осознания, что она превратится в конченую истеричку, доверившись ему, не хватает. Доводы разума это, конечно, мощный аргумент, но вот если бы был какой-нибудь запрет... К

примеру...

— Ты... Кэри, ты не хочешь... не могла бы ты... встречаться со мной? — Каролайн встрепенулась, поворачиваясь к Мэту. — Стать моей девушкой. — Какое-то время он стойко смотрел в ее еще не понимающие глаза. Но потом отвернулся и положил голову на руль. — Не знаю, как это делать правильно. Раньше все происходило само собой.

Вздыхнув, словно выругавшись, Мэтью закрыл глаза. Уже не надеясь услышать ответ.

— Поцелуй меня.

Парень дернулся, кидая на нее вопрошающий взгляд. Подумал, что ослышался.

— Ч-что?

— Поцелуй. Меня. — Она смотрела на него серьезно и прямо, продолжая часто дышать.

На самом деле, этот поцелуй должен был стать отрезвляющей пощечиной, а не чувственным закреплением нового уровня их отношений. Но Мэтью не умел читать между строк. Увы.

18 глава

Спустя пару дней, протагоровскую истину, согласно которой человек является мерой всех вещей, Кэри переосмыслила относительно своей жизненной ситуации. Мерой всех вещей для нее стал мистер Эохайд. И теперь, чтобы не делал Мэтью, она неосознанно сопоставляла его поведение с другим мужчиной, убеждаясь снова и снова, что они абсолютные противоположности. Это должно было бы радовать ее, и все же...

Брендан был самоуверенным (не без причин) яппи. Мэт был и, кажется, навсегда останется чуть неряшливым, абсолютно безопасным студентом третьекурсником. Простоватым, непритязательным, берущим тонны книг из библиотеки, но, кажется, не читающим их. Что странно.

Ругая себя последними словами, Кэри анализировала каждый ответ Мэтью, мысленно отмечая, что Брендан сказал бы иначе. Лучше. Точнее.

Что скорее всего, если бы дело дошло до прогулок, он не стал бы переплетать по-детски их пальцы, а предложил свой локоть, как английский джентльмен. Таким образом он бы ненавязчиво предоставлял самого себя, в то же время доминируя.

Мистер Эохайд во многом был старомоден. Например в снисходительно-трепетном отношении к женщинам, что могло бы оскорбить современных феминистично настроенных дам. Но он так умело мог обставить всю ситуацию знакомства и общения, что ни у одной не возникнет возражений — он ведет. Виновата ли в этом женская физиология, но ему хотелось подчиняться...

— Ну... как тебе фильм? — Поинтересовался Мэт, когда они вышли из кинотеатра, следуя течению толпы.

Ах да, фильм...

— Отличный. Крутые спецэффекты. — Резюмировала Кэри, припоминая мелькание кадров на экране.

Мэт охотно уцепился за тему, заполняя молчание между ними своими впечатлениями. Вышли на аллею, заполненную в выходной гуляющими парочками, разглядывая которые Каролайн понимала, что этот тихий вечер честнее было бы провести в одиночестве. Мэт не заслуживает быть эрзацем, он достоин девушки, для которой стал бы единственным и неповторимым. Или хотя бы которая не будет так безжалостно его игнорировать. Стоило ему сказать об этом...

— Красивый вид, да? — Поинтересовался Мэтью, когда они вышли к смотровой площадке, с которой можно было любоваться панорамой парка и города, сияющего мириадами искусственных звезд.

Прежде чем поцеловать девушку, Мэт неуверенно спрашивал разрешения, что, безусловно, говорило в его пользу. Его неловкость и стремление к романтике указывали на неопытность. В то время как мистер Эохайд всю неловкость своих первых шагов растерял давным-давно, доведя искусство обольщения до совершенства. Что не могло не наталкивать на мысль: сколько у него было женщин до встречи с ней, с Кэри. И сколько у него их сейчас. Может быть, в эту самую секунду.

Отстраниться друг от друга их заставил телефонный звонок.

— Прости. — Торопливо извинился парень, доставая из кармана сотовый. — Я... отойду ненадолго.

Если бы Кэри была чуть менее увлечена собственными терзаниями, ее бы это насторожило. А так она просто кивнула, облакачиваясь на парапет смотровой площадки. Голос Мэта звучал в отдалении раздраженно, словно он спорил или что-то доказывал. Возможно, ей следовало, как хорошей подруге, попытаться узнать суть его проблем, утешить... Ох, ну почему она все только усложняет? Какими словами теперь объяснять Мэту, что она не любит его?

Муки ее совести были напрасными. Мэтью тоже ее не любил, и это бы стало очевидным, если бы Каролайн прислушалась. К своему сердцу. Или буквально.

— Если ты занят, можешь не провожать. — Предложила Кэри, когда парень приблизился к ней, затапливая телефон обратно. Вытирая вспотевшие руки о джинсы. — С тобой все в порядке?

— А? Да... да, полный порядок. — Он неуклюже рассмеялся. — Конечно, я довезу тебя, если ты уже хочешь домой.

— Завтра вставать рано. — Оправдалась она, после чего решила поблагодарить за проведенный вечер. Мэт чистосердечно ответил, что благодарности не стоит.

Когда они забрались в машину, парень еще долго копался в бардачке, поправлял зеркала и убирал мелкий мусор: словно оттягивал какой-то момент. Его руки немного дрожали, когда он вставлял ключ в замок зажигания.

— Мне нужно кое-куда заехать по дороге. — Заявил Мэтью, когда Кэри поинтересовалась почему они направляются к окраине. — Это быстро. Прости, что так неожиданно...

Каролайн долго смотрела на него, словно пытаясь просканировать.

— Ладно. Если это важно.

— Очень. В общем... — Парень судорожно вздохнул. — Мой старший брат работает тут неподалеку...

— Не знала, что у тебя есть братья.

— Да... я никогда не говорил о нем. У нас довольно натянутые отношения. Были в прошлом.

— Ясно.

— Мне нужно... кое-что передать ему. Вот. — Он резко повернул, через минуту останавливаясь в каком-то тесном проулке, напротив большой, металлической двери, которая давала понять, что его брат работает не в кондитерской и даже не в автомастерской.

— Я подожду тебя здесь. — Уверено ответила Кэри, готовая оставаться один на один в этом пропахшем опасностями сумраке.

— Нет, ты что, я тебя тут не оставлю! — Поспешно оборвал ее намерение Мэт. — Идем, познакомлю тебя с... Джоном. Прости, но мне очень хочется похвастаться... ты сегодня так замечательно выглядишь.

Кэри никогда себя пустоголовой не считала, но почему-то в этот раз она не решилась отказать, хотя весь спектр факторов — от голоса Мэта до здешней обстановки — был самым громогласным «нет» из всех возможных.

Она вышла из машины, обхватив озябшие плечи, сжавшись. Мэт свершил ряд каких-то манипуляций у двери, после чего та открылась, пропуская на лестницу, ведущую вниз. И почему-то Кэри это показалось таким логичным. Когда они спускались, парень любезно поддерживал ее за руку. Следующая по узкому коридору дверь была обшарпанной, деревянной, без замка. За ней — небольшая лишенная мебели комната. Просто четыре бетонные стены в которой и находился «Джон». Точнее, их было двое.

— Здравствуйте, ребят...

Судя по голосу, даже Мэтью не мечтал приближаться к ним или находиться в их обществе. Лица таких людей, которые балансировали на грани человечности, она уже видела однажды. Когда Чейза нежданно-негаданно навестили его коллеги по бизнесу.

Два мускулистых лысых уголовника скосили в их сторону свои глаза-лезвия.

— Какого черта так долго? — Прохрипел один из них, откидывая в сторону недокурную сигарету.

Этот голос лишил Кэри дара речи и движения.

— Да... я...

— Деньги принес?

— Да, всё тут! — Мэт угодливо поспешил достать из внутреннего кармана пачку хрустящих купюр. — Если честно, я...

— Проваливай уже. — Хохотнул грубо другой, расстегивая ремень. — Она ничего. Я уже завелся...

Кэри отшатнулась, найдя взглядом Мэта, который упрямо прятал глаза.

— Что происходит? — Спросила она одними губами, хотя, черт возьми, о происходящем было

не так уж трудно догадаться.

— Ты просто... просто не понимаешь... — Заикаясь проговорил Мэтью, отступая. — Миранда никогда не замечала меня... и такие деньги...

Миранда. Ну конечно же, Миранда. Ее последние слова, облекшиеся в угрозу, только теперь обрели смысл. Все было подстроено, сыграно по заранее написанному сценарию. Их «случайное» столкновение, эти книги... боже, как банально.

Словно доказывая себе, что этот день станет той самой датой, которую поставят на ее надгробии после тире, Каролайн оглядела комнату, замечая черный полиэтиленовый мешок. Скорее всего в нем было что-то вроде пилы или лобзика.

Мир закачался. Гамма ее эмоций была в тот миг предельно проста. Никакой обиды, злости, сожалений. Лишь дикий, животный страх.

— Ты свалишь отсюда уже? Извиняй, но ты к столу не приглашен. — Объявил с волчьей улыбкой самый нетерпеливый. — Никому нахер не интересны твои признания.

— Мне интересны.

Странное дело, но Кэри удивила сначала реакция головорезов на этот голос, чем тот факт, что он принадлежал мистеру Эохайду. Не владея своим телом, Каролайн смотрела прямо перед собой на криминальный дуэт. Она могла поспорить — эти парни синхронно вздрогнули, хотя, казалось, уже давно разучились выполнять подобные телодвижения, свойственные нормальным людям.

— Про... фессор? — Пропищал Мэт, словно осознание того, что его застучал на месте преступления собственный преподаватель, вышибло из его груди весь воздух.

— Встань к стенке. — Потрясающе ровно для такой чертовски сложной ситуации произнес Эохайд. — И только попробуй, мать твою, дернуться.

Мэт подчинился, с радостью прижимая свой тощий трясущийся зад к стене.

— Сопляк, не видел, что у тебя хвост? — Пробасил главный, грубо выругавшись.

— Сваливаем, пока сюда не нагрянули копы... — Ответил ему второй, кажется, желая уже дернуться в сторону выхода.

— Копы? — Переспросил Эохайд так, словно усомнился в умственном здоровье мужика. — Тебе не стоит на них надеяться.

Боже-боже, будь обстоятельства не такими ужасающими, Кэри бы рассмеялась. Это прозвучало слишком самоуверенно для того, кто решил заглянуть в гости к гиенам в попытке отобрать у них добычу, не преминув поставить их в известность, что он один и без оружия.

На лицах мужчин проступил хищный оскал. Переглянувшись и посмеявшись над чем-то своим, они в итоге решили не нападать сообща, растянуть удовольствие. Теперь, когда деньги и главная жертва находились в одной с ними комнате, у парней, кажется, была уйма времени.

Горообразный солист дуэта походкой леопарда прокрался мимо Каролайн, к дверному проему, в котором остановился Брендан. Уже через секунду раздался громкий стук и следующий за

ним тошнотворный хруст дробящейся кости. Осознание произошедшего заставило Кэри резко обернуться и обреченно закричать.

19 глава

В иные моменты начинаешь понимать, что время в самом деле пластично. Иногда не замечаешь, как пролетают недели, а потом приходит такая минута, которая растягивается на часы.

Сидя теперь в машине, закутанная в кожаную мужскую куртку, но все равно дрожа всем телом, Кэри оставалось только благодарить бога за то, что эта самая минута осталась позади.

— Красный. — Прошептала неслышно Каролайн, смотря на то, как мистер Эохайд и без того нарушив все существующие ограничения скорости, игнорирует и светофор. Как если бы перед ним расстилалась не трасса, а бесконечная взлетная полоса.

Красный... на самом-то деле этот цвет был повсюду.

Теперь уже не пытаюсь отвести взгляд, она смотрела на мужчину. Его вид, откровенно ужасающий, вопреки логике успокаивал ее. На его одежде кровь. Еще в тех катакомбах, прежде чем взять ее на руки он вытер ладони о белоснежную и наверняка непомерно дорогую рубашку. Поразительно, как так получается, что даже придя за ней туда, он не выглядит как герой?

Кэри помнит, как однажды он сказал, что топить котят — не в его правилах. Кажется, сегодня он их снова нарушил, потому что та разможенная о дверной скос голова красноречиво говорила о том, что убить человека, который сам привык убивать, не стоит особых усилий для мистера Эохайда. Сообщник не решился приблизиться или вытащить пушку, а может просто не мог. Его реакцией на произошедшее стало оцепенение, тогда как у нее подкосились ноги, а Мэта стошнило. Интересно, что с ним стало потом... хотелось бы верить в снисходительность оставшегося в живых и надеяться, что он просто отпустит паренька.

— Ты следил за мной? — Стуча зубами спросила Кэри, вновь не получив ответа. С тех пор, как она оказалась в этой машине, мужчина не проронил ни слова.

А ведь ей так много хотелось узнать помимо того, какими судьбами он появился там так чертовски вовремя. К примеру, не преподавал ли он в прошлом боевые искусства, прежде чем заняться литературой? Ей необходимо найти разумные объяснения его незаметным появлениям и нечеловеческой силе.

Машина остановилась, но Каролайн не потрудилась осмотреться, продолжая глядеть на профессора. Мужчина еще долго сидел не шевелясь, смотря на свои руки, сжатые на руле. В глухой тишине создавалось впечатление, что он с чем-то борется... с желанием вернуться и увеличить счет с одного до трех? Как бы там ни было, Кэри чувствовала себя жутко неуютно. И почему-то не по причине убийства, свидетелем которого стала, хотя после такого у нее были все основания держаться от мистера Эохайда как можно дальше. Вместо этого ей было чертовски стыдно перед ним за то, что она в очередной раз создала большие проблемы, послушавшись его. Спасаясь от страданий, которые якобы должен причинить ей этот человек в будущем, она наполняет свое настоящее страданиями, перспектива которых пугает куда сильнее. Господи, она едва не погибла сегодня, и, кажется, прежде чем ее убить, те ребята отменно постарались бы, чтобы смерти она захотела.

— Простишь? — Прошептала Каролайн, спугнув его неподвижность.

Отказываясь смотреть на нее, Брендан резко открыл дверь со своей стороны, обошел машину, чтобы снова взять девушку на руки. У Кэри не возникло мысли заупрямиться. Даже не потому, что весь вид мистера Эохайда твердил «ни слова», а потому что она не была полностью уверена в том, что ее ноги вернули себе силу.

Ох, боже, его дом... конечно, глупо было рассчитывать, что сыграв роль ее ангела-хранителя, он еще с превеликим удовольствием предложит ей услуги таксиста. На чем они мило распрощаются, и все вернется на круги своя.

Открыв кодовый замок, Брендан прошел внутрь. В кромешной темноте он легко сориентировался, потому в итоге Кэри почувствовала под спиной матрас. И разве не удивительно то, что у нее не промелькнуло мысли против? Скорее даже она обрадовалась тому, что этот мужчина так хорошо понимает, что именно нужно ей, дабы забыть эту проклятую ночь.

Вопреки ее надеждам, мистер Эохайд отклонился. В его прикосновениях и раньше не было ничего намерено чувственного, а теперь, когда он отошел от нее, чтобы включить тусклый светильник, прикрепленный к стене, сомнений не оставалось — мужчина и не думает о сексе. И напряжение, сковавшее все его тело, далеко не сексуальное. Вероятно, она окончательно тронулась от переживаний, раз рассчитывает, что эпилогом к их приключению станет постель.

Брендан прошелся по комнате, кажется, намереваясь что-то сказать. Может быть, даже нечто утешающее, но, очевидно, на уме у него были сплошные ругательства.

Раздраженно выдохнув, проведя рукой по своим волосам, мужчина вышел из комнаты. В отдалении хлопнула дверь, послышался приглушенный шум воды. Что ж, кто спорит, душ — отличное средство против стресса. Что насчет нее? Кэри сейчас бы не отказалась от кое-чего покрепче воды.

С этой целью, она поднялась с кровати. Скинув верхнюю одежду и ботинки, обошла комнату, вышла в коридор, отмечая, что дом мистера Эохайда раз в десять меньше того дворца, в котором он некогда жил с супругой. Во всем интерьере присутствовала простота, а не терзающая глаз пошлая роскошь. Ища зеркало, она обнаружила его лишь в прихожей, мысленно недоумевая: как такому красивому мужчине может быть не свойственен нарциссизм?

Отражение моментально оправдало холодность Эохайда. Но разве мудрено выглядеть столь отталкивающей той, которая буквально час назад стояла на грани между жизнью и смертью?

Никогда ранее не прибегая к помощи алкоголя, Каролайн решила сделать в этот раз исключение. Натолкнувшись на небольшой бар, она достала бутылку Блэк-Джека, надеясь, что хозяин чертогов не рассердится еще больше, узнав о ее самостоятельности. Вряд ли, все же до того как Брендан лишил ее своего общества, ей показалось, что его злость уже достигла предела.

Кэри пригубила виски. Поморщилась с непривычки. Добавила трясущимися пальцами непослушный лед.

Господи, она совершенно забыла про Чейза! Достав из кармана джинсов мобильник, Кэри с пятой попытки набрала избитое «все ок. задержусь. не жди». Отправив, подумала над тем, сколько часов в себя включит это «задержусь». И что важнее, какими будут эти часы.

Размышляя над этим, она сделала еще один неровный глоток. Алкоголь расслаблял мгновенно,

что теперь грозило обернуться истерикой. Это душевное давление должно было как-то себя израсходовать.

Мэт. Миранда. Эти головорезы. Черт, почему это все происходит именно с ней?

Повернувшись, чтобы донести стопку до раковины, Кэри уже в следующую секунду забыла свое намерение. Потому что на пороге кухни стоял Эохайд, появившийся как всегда словно из воздуха. Влажные взъерошенные волосы, пристальный взгляд ярких, как будто искрящихся глаз и... святые угодники, мужчина был обнажен по пояс, и, Кэри готова была спорить, эти штаны очень легко снимаются.

Проклятье, то что она способна думать о сексе сразу после покушения, многое о ней говорит.

— Ты не против? Я... опять лезу, куда не просят. — Пробормотала Кэри, опуская стопку на столешницу. Честное слово, безопаснее этой стеклянной вещице не находиться в ее руках. — Прости, что все так... вышло.

Ну разве не идеальное извинение? Прямо-таки до слез.

— Хочешь принять ванну? — Да он сама невинность! Даже предполагая наличие ее в его доме, в ванной, без одежды, Эохайд выглядел исключительно невозмутимо. Его было буквально не узнать.

— Нет.

Что уж скрывать, она хотела кое-чего другого, но этот мужчина реагировал на возникшую ситуацию должным образом, в отличие от нее.

— Тебе необходимо отдохнуть. — Голос был полон благоразумия, когда он кивнул в сторону комнаты, в которую некогда ее отнес.

— Да... спасибо. А ты?

— Здесь есть несколько спален. — Отозвался Эохайд, на что девушка покивала.

Несомненно, вот только... как он расценит заявление, что она не сможет заснуть одна? Только не после того, через что прошла сегодня.

— Хорошо. Спасибо. — Каролайн положила ладонь на лоб, покрытый холодным потом. Не стоит доставлять профессору еще больше проблем, пусть убедится в том, что она может быть при необходимости тихоней. — Ну... я пойду, да?

— Я буду рядом. Если тебе что-нибудь понадобится...

Интересно, он тоже думал над тем, откуда появилась эта неловкость между ними? Очевидно, ее спасение, приправленное жертвенной кровью, слишком стремительно сблизило их. Сильнее чем страсть, поцелуи... исключительно ее оргазмы. Что несправедливо.

— Да. Спокойной ночи. Спасибо. — Кажется, она повторяется.

Он повернулся к ней спиной, заставляя кусать губу. Безумная, что могло ее так завести? Его скульптурный торс? Вся беда в том, что она уже до этого была возбуждена. Еще в машине...

Скрываясь в комнате, Кэри заперла дверь и прислонилась к ней спиной, прислушиваясь. Самая

дальняя по коридору дверь мягко затворилась. Брендан решил держаться подальше от своей гостью совершенно оправдано. Вполне вероятно, что отныне ее вид вызывает в нем лишь отвращение. Считает, что она променяла его на этого недоумка Мэта. За что и поплатилась.

С мучительным стоном, Каролайн сползла на пол, подтягивая колени к груди. Боже, происходящее все еще казалось ей извращенной фантазией подсознания. Потому ей не хотелось спать, ей необходимо было проснуться.

* * *

Всё повторяется, проклятье!

Упершись руками в подоконник, Брес ссутулился, устало опустив голову. Мысль, что на этот раз он успел, была настоящим спасением, однако... черт, однажды он подверг ее этому. И если сама Айрис не помнит, что некогда такие же точно ублюдки добились своего, то Брес, закрыв глаза, мог воспроизвести в деталях тот момент отчаянья.

Он нашел ее в библиотеке, расхищенную и мертвую, готовый отдать вечность за возможность вернуть упущенный час. Представить себе, что она испытала перед смертью не составило труда, но сколько это стоило безысходной муки. А теперь эта неугомонная Миранда со своим тренированным щенком... как объяснить всем этим людям, что он готов проломить череп кому угодно за любую попытку навредить его до сих пор наивной и невыносимо упрямой женщине? А что важнее, как это объяснить ей?

Вряд ли он мог найти ответ на этот вопрос там, куда он посмотрел, но, дьявол! верх его брюк так топорщился, что можно назвать чудом то, что Айрис не заметила степень его радости видеть ее в этом доме. Знать, что она проведет здесь ночь. Не с ним, но поблизости, совсем рядом...

И кто он после этого? Айрис едва не подверглась насилию и теперь вряд ли решится подойти к мужчине. Особенно к такому, у которого желания на лице написаны... черт, не только на лице.

Дверь за его спиной отворилась практически бесшумно, заставляя резко убрать руки от пояса штанов и выпрямиться. Чувствуя себя преступником, которого застали с поличным, Брес замер, пытаясь представить, для чего ей мог понадобиться. Чтоб его, он ведь даже не рассказал ей, как устроен этот дом и где она может найти все необходимое. Да, пусть отнесется с пониманием, его голова была занята мыслями совсем иного рода...

Гребаное дежа вю. Брес помнит нечто подобное: вот он уже собрал все свое ничтожное благородство воедино, решая повести себя достойно приличного хозяина. Тактично осведомиться, что угодно его драгоценной гостье. А она выкидывает нечто такое, что заставляет его забыть свои похвальные намерения разом.

Он вздрогнул, как долбаный сопляк, когда ее руки скользнули вокруг него. Ее упругие груди прижались к его спине. Она все еще в одежде, но судя по оборотам, которые набирает этот поезд, — ненадолго. Глотнув воздуха, Брес смотрел на то, как женские ладони двинулись выше, от низа его живота, к груди. Лаская, вызывая, требуя... А потом он почувствовал ее дыхание у своего плеча. И то нежное, почти невесомое прикосновение к коже, несомненно оставили ее губы. Какого ж дьявола...

— Каролайн... — Услышал он свой предостерегающий голос. В ее озвученном имени звенело намерение послать к черту все запреты и даже ее «нет», когда она одумается.

— Я хочу тебя. — Едва слышно проговорила девушка за его спиной, заставляя забыть про дыхание.

Он, мать его, спит. Как еще объяснить эти слова, которых он добивался черт знает сколько времени? И вот теперь он держит этот момент в руках. Собираясь воспользоваться ее слабостью, не так ли? Брес знал, что нужен ей в качестве успокоительного. Она хотела заменить одни эмоциями другими, и будь он чуть более достойным мужчиной, то хотя бы попытался объяснить ей, что спонтанный, отчаянный секс — не то, что он мечтает дать ей. И уж точно не то, что она хочет от него получить. Ведь ее завтрашние сожаления, станут и его сожалениями, а Брес меньше всего хочет, чтобы воспоминания об их близости вызывали неприязнь и боль.

— Кэри, тебе лучше... лучше будет, если ты уйдешь. — О, и это он говорил, что не святой? Такие подвиги и Гераклу не снились.

Кажется, он переборщил с моралью: Айрис вздрогнула за его спиной, словно от удара. Думает, что он отвергает ее, проклятье! Брес уже хотел было повернуться, дабы (исключительно на словах) заверить ее в том, что она — прекраснейшее и желаннейшее из всего, что создала природа. Однако ее руки, ослабевшие на мгновение, сжались на нем с новой силой. Прижавшись лбом к его плечу, она тяжело задышала.

— Ты хочешь наказать меня? Злишься? Справедливо. Но если бы ты знал, как мне нужно это. Ты... ты мне чертовски нужен. Прямо сейчас. — Ее голос дрожал из-за непрошенных слез. — Сделай это, как хочешь. Не заставляй меня умолять тебя...

Он разъединил ее руки, встречая незначительное сопротивление. А уже через секунду Айрис лежала на полу, в то время как он торопливо избавлял ее от одежды. Вспыхнувшая на секунду паника, исчезла за той древней как мир потребностью, что теперь утяжелила ее дыхание и заставляла податливо выгибаться, когда Брес стягивал с нее джинсы и трусики.

Умолять?! Она его? Когда мир успел встать с ног на голову?

— Прости. — Прохрипел у ее губ Брес, заглядывая в блестящие, полные предвкушения глаза. Устраиваясь между раскрытых женских бедер, спуская штаны вниз.

Проявившееся недоумение в ее взгляде требовало объяснений. Нужда в которых отпала уже в следующий миг. Смежив веки, Айрис облегченно застонала, откидывая голову назад. Чудно, ведь если бы он взялся перечислять все поводы для этого жалкого «прости», ей пришлось бы ждать утра. Следующего.

Для начала? Он хотел извиниться хотя бы за то, что годы предвосхищения этого самого момента были бледной тенью по сравнению с тем штормом эмоций, который его накрыл ныне. В связи с чем ему следовало бы отнестись к эйфории, которую он берет от нее, с большим почтением. Айрис заслуживала лучшего ложа, чем холодный, твердый пол, пусть даже кровать стояла чертовски далеко. Вся штука в том, что расстояние теперь измерялось им не в метрах, а в секундах и их долях.

Еще? Он обязан был начать с восхваляющих и в то же время просящих поцелуев, прежде чем оказаться в ней. Не для того, чтобы завести сильнее — ее сокровенное местечко было таким влажным и жарким, что в прелюдиях не было никакой нужды — но для того, чтобы показать свое исключительно трепетное отношение. Заверить, что не она для него, а он для нее. Что века его терпения у ее ног, и он может подождать еще несколько секунд, однако... гребаный ад, он не мог.

Какой сюрприз, они все-таки добрались до кровати.

Первая осознанная мысль после пробуждения была похожа на открытие подобного рода. Ведь Кэри не помнит того момента, когда жесткий паркет сменился мягкостью матраса и шелковистостью простыней. Да и кого это волновало в тот раз?

Тело приятно ныло, визуализируя в голове причины этой тягучей боли. Боже, она как только увидела этого мужчину уже знала, что близость с ним будет похожа на сражение, бурю, настоящее безумие.

Осторожно повернув голову, Кэри не сдержала томного выдоха. Кажется, все это время второй мечтой ее было увидеть его спящим. Что касается первой? Эохайд осуществлял ее всю ночь с завидной неустанностью, потому стоило дать ему передышку. К тому же, похоже, она отлежала ему руку.

Соскользнув с кровати, не в силах отказать себе в удовольствии еще пару секунд полюбоваться открывшимся видом, Каролайн неслышно вышла из комнаты. И почувствовала себя так, словно должна немедленно вернуться... Ох, ее потребности становятся пугающе примитивными.

Обхватив лицо ладонями, Кэри побрела по коридору, как ей показалось, в сторону ванной. Думая над тем, что все испортила. Потому что... проклятье, как мало она знает о соблазнении и сексе самом. Теперь все вышло не по правилам, не само собой, как это бывает у нормальных людей. Она прямолинейно заявила, что хочет его. Сразу после того, как он убил человека, м-да. Это вряд ли можно назвать нормальным.

Кстати, по поводу примитивности. Презируя себя, Кэри забрала одну из его футболок, прежде чем зайти в ванную комнату и провести там не меньше получаса. Рассматривая, прикасаясь, вдыхая в себя запахи шампуня, мыла, лосьона для бритья. Озабоченная идиотка.

Закончив с душем, она расчесала влажные волосы и отметила про себя, что его футболка потрясающе на ней смотрится. Возможно, это был единственный раз, когда отражение ее не ругало.

Надеясь, что хозяин дома простит ей очередное своеволие, Каролайн прошла на кухню, которая, по всей видимости, использовалась крайне редко. А может, и никогда. Однако отыскать кофе труда не составило.

Почему мысль, что она варит утренний кофе не только для себя, заставляла краснеть? Называя Эохайда старомодным, она сама недалеко ушла, раз млеет, представляя, как будет готовить ему, чтобы потом вместе завтракать и ужинать.

Знать бы, пыталась ли в первые годы совместной жизни ему готовить Миранда? Ох, Миранда...

Воспоминания вчерашних потрясений волной страха всколыхнули душу. Кто бы мог подумать, что Миранда настроена настолько серьезно. Эта неудавшаяся попытка грязного убийства совершенно оправданно вызвала массу... хм... негодования, однако, больше всего Кэри хотелось знать, что будет теперь. Как произошедшее изменит ее судьбу.

Каролайн метнула взгляд в сторону коридора, пройдя по которому, можно набрести на ту самую комнату, что была облюбована ей нынешней ночью, и подумала о мужчине... который, вопреки ее предположениям, не спал, стоя теперь за порогом кухни. Взъерошенный, мрачный

и молчаливый. Как будто недовольный... тем, что она ушла? Или тем что без спроса хозяйничает у него дома?

— Не хочешь... ирландский кофе? — Предложила Кэри, выключая плиту.

Судя по его тяжелому выдоху и взгляду, который буквально касался ее через слой ткани, Эохайд хотел не кофе. И в момент их зрительного контакта, в ее голове возникло это совершенно нелепое желание озвучить слова родом из совершенно диких веков. Слова, за которые ее с чистой совестью могли презирать современные свободолюбивые женщины. Но вряд ли ей тогда было до них какое-то дело.

— Возьми меня. — В этом робком требовании уже читалось «прямо здесь и сейчас».

Отлично, смысл слов дошел до него почти мгновенно. Кэри понимала его секундное замешательство, все-таки подобная смелость никогда не имела места в ее жизни. После встречи с этим мужчиной? Вероятно, совсем скоро он услышит что-нибудь покруче в ее исполнении...

Когда Кэри оказалась прижата к стене, пытаясь ответить на безжалостный поцелуй, то невольно отметила, что проявлять инициативу — чертовски приятно. Смотреть, как он выходит из себя под действием пары слов? Предел мечтаний.

— Не уходи... от меня... больше... — Между рваными поцелуями, ласкающими лицо и шею, процедил мужчина.

Ее согласный стон был лучшим «как скажешь». Не важно, говорил ли он о том, что она опять покинула его постель, или имел ввиду ее предыдущие упрямые попытки бегства.

— Оставим это на тебе. — Решил Эохайд, намекая на свою футболку, после чего опустился на пол, вставая на колени.

Святые... небеса, она знала наверняка, что все это значит. Потому ее дрожащая рука смяла край футболки, медленно поднимая ткань, обнажая бедра, что было встречено тихим одобряющим рычанием.

Прикосновение его губ было нарочито медлительным, пленяющим, обжигающим.

Еще никогда гравитация ей так не мешала. Теперь же сила притяжения грозила все испортить. Хотя к черту законы физики, во всем виноваты внезапно ослабевшие ноги, отказавшиеся ее слушаться.

— Держу тебя. Я держу тебя. — Шепотом заверил мужчина, обжигая дыханием бедра и низ живота. Его сильные руки обхватили ее талию, крепко удерживая у стены.

Иногда Кэри казалось, что он читает ее мысли. Нетерпеливо выгнувшись ему навстречу, она, совершенно осмелев, запустила свободную руку в его волосы, сжимая мягкие пряди в кулаке. И, какая жалость, ее неопытность дала о себе знать: удовольствие было интенсивным, но недолгим.

Одобрительно заурчав, Эохайд отклонился, облизывая губы, после чего поднял свой взгляд на пунцовую и тяжело дышащую Каролайн. Которая размышляла над тем, что в качестве завтрака намеревалась предложить ему кофе и, может быть, тосты... а не себя.

Думая, что сказать, Кэри пришла к выводу, что «спасибо» прозвучит убого. Кэри говорила «спасибо» кассиру в универмаге и незнакомцу в метро, который галантно придержит дверь. Затертое слово благодарности, казалось, не окупит и сотой часть того, что он ей дал. Черт, как бы ей не хотелось в этот момент вспоминать о Миранде, Кэри понимала, за что ее хотела убить та женщина.

— Видел ли мир что-нибудь прекраснее... — Задумчиво проговорил Эохайд, продолжая смотреть на нее, окруженную печальным светом ноябрьского солнца и раскрасневшуюся от удовольствия, причина которого — он. Его губы надолго прижались к внутренней стороне ее бедра.

Да, определенно читает ее мысли. Потому что в этот самый момент, охваченный эротическим напряжением, мужчина был неотразим.

— Еще... — Прошептала Кэри, смотря на него, припоминая их ночь. Во время которой она успела повторить это слово раз сто. — Продолжай. Ты не закончил. Не останавливайся.

Судя по взгляду, которым он ее одарил, «останавливаться» не значило в его плане на ближайшие пару часов. Отлично, ей просто надо было убедиться.

— Скажи, когда устанешь от меня. — Хрипло попросил Эохайд, поднимаясь, подхватывая ее на руки, прижимая к стене.

Обхватив его плечи руками, Кэри уткнулась в мужскую шею, блаженно застонав, когда он наконец вошел.

— Не останавливайся. — Повторяла она, обвивая его бедра ногами. — Не останавливайся.

* * *

— Самый вкусный кофе, который я когда-либо пробовал. — Заключил с загадочной улыбкой Брендан, рассматривая девушку, сидящую напротив.

Остывший кофе с коньяком и карамелью. Самый вкусный? Ох, сейчас Кэри казалось, что она поверит чему угодно, если он произнесет это таким же вот тоном... Мистер Эохайд в одних штанах низко сидящих на его бедрах, влажными после душа волосами, выглядящий как сытый хищник, был квинтэссенцией всего самого чувственного и сексуального.

— У тебя... ты пропустил лекции из-за меня. — Проговорила заикаясь Кэри, думая над тем, когда она, черт возьми, перестанет стесняться его. Однако после того, как ее отпустил эротический дурман, собственное поведение казалось ей непозволительной распущенностью.

— Я взял выходной на два дня. — Ответил мужчина, продолжая неотрывно смотреть на нее. — Еще нужно перевезти твои вещи.

Глупый порыв спросить «я переезжаю? куда?» едва удалось сдержать. Но может ли такое быть? Чтобы он сам решил себя стеснить? Брендан не выглядел как мужчина, который мечтает обременить себя одной единственной женщиной. Черт, философия семейной рутины совершенно не соотносилась с его внешностью и образом жизни.

— Ты... ты серьезно? — Пробормотала недоверчиво Кэри, замечая, как он хмуриться, словно готовясь встретить ее возражения. — Просто... — я была бы счастлива жить с тобой, в безопасности и... с ног до головы в любви — ... я не хочу нарушить ритм твоей обычной жизни

и сидеть у тебя на шее. Знаешь, со мной всегда полно проблем...

Она попыталась выставить это как шутку, невнятно рассмеявшись. Не выгорело.

— Мой ритм жизни только и ждал, чтобы его нарушили. — Ответил напряженно мужчина через некоторое время.

Судя по морщине, которая залегла между его бровями, это правда. В которую она не посвящена. Как-то Чейз сказал, что Брендан Эохайд выглядит, как человек, прошедший ад и рай. Кто бы мог подумать, что ее брат сможет рассмотреть отпечаток преисподней в этом лазурном взгляде.

— Я позвоню Чейзу. Скажу, что мы приедем... через час?

Ее исключительно послушное поведение заставило его удивиться уже в который раз за это утро. Плавно поднявшись с высокого стула, Эохайд медленно обошел стол, приближаясь. И этот взгляд... черт возьми, он что-то определенно значил.

— Через два? — Предположила она, следя за ним. — Через три? Завтра..?

* * *

Глупо было думать, что свою коллекцию машин и книг Брендан оставит бывшей жене. BMW X6 с легкостью вместил в себя нехитрые пожитки Каролайн Атолл.

Чейз выглядел неприлично счастливым, и когда она с ним обнималась на прощание, даже не проронил показушной слезы. Называть Эохайда своим братом... звучало как главный приз какой-то небесной лотереи, которую он выиграл. Что ж, отлично, вся ее родня без ума от Брендана.

Что насчет нее?

Кэри молчала всю дорогу, потому что разговор, начатый ей, стартом имел бы вопрос «ты убивал раньше?». Вероятно, это несколько рассеяло бы атмосферу романтики, а ей едва ли этого хотелось. Однако, доверяясь этому мужчине, при этом ничего не зная о его несомненно богатом прошлом... это походило на попытку зайти в клетку к спящему тигру. Не совсем безопасно.

Когда ее вещи были выгружены, Брендан предложил съездить в ресторан и там пообедать. На что Кэри, смущенно отворачиваясь, попросила доехать до супермаркета, потому что...

— Мне хочется... приготовить что-нибудь... для тебя. В смысле, для нас.

В следующий момент она узнала, как важны в жизни влюбленных объятия. Что порой они драгоценнее поцелуев и секса. Впитывая в себя эту удивительную безмятежность, она готова была стоять так вечно, чувствуя его позади, его сильные руки вокруг себя.

Никогда еще ни один дом не казался ей крепостью. Почему же теперь, находясь в объятиях практически незнакомого мужчины, в его доме, она чувствует, что защищена от всех существующих зол?

После обеда, перед ними встал выбор: разбирать ее вещи или книги, которыми был заставлен весь второй этаж. Кэри показалось, что выбор очевиден: ее вещи могли подождать.

Разъяснив Каролайн принцип устройства собственной библиотеки, Брендан взял канцелярский нож, принимаясь распаковывать коробки. Некоторые книги, правда, были слишком древними, чтобы транспортировать их столь грубым образом. Такие экземпляры лежали отдельно в специальных кейсах и для них, скорее всего, было предусмотрено особое место.

— Что там? — Спросила Кэри, когда заполнив несколько полок, решила передохнуть.

Взяв бутылку воды, она подошла к небольшому плоскому чемоданчику, сильно выделяющемуся на фоне остальных. Эохайд как будто колебался некоторое время, вглядываясь в нее. Давая воображению развить собственную теорию. Оружие? Деньги? Наркотики?

Поднявшись с пола, мужчина прошел к кейсу, осторожно его поднимая и проходя к письменному столу. Подбравшись ближе, Кэри следила за тем, как он вводит код, чтобы открыть крышку и услышать «Господи Иисусе» в ответ.

В ложе из черного бархата лежал древний фолиант.

— Какой век?

— Третий. — Отозвался негромко мистер Эохайд, отходя в сторону, давая больше пространства ее любопытству.

У Каролайн чесались руки.

— Невозможно! Обложку делали позже? — Она схватила тут же тонкие перчатки, чтобы потом провести пальцами по оттесненным на коже узорам, драгоценным камням и металлическим уголкам.

— Это работа реставратора.

— Потрясающе! Она стоит целое состояние, да?

Мужчина промолчал: конечно, какой смысл отвечать на глупые вопросы?

— Насколько мне известно... примерно треть книги утрачена.

— Она была больше? Господи, это просто... титанический труд. — Тихо, словно боясь спугнуть присутствующий дух тайны, проговорила Кэри, бережно переворачивая страницы выскобленного пемзой пергамента. — Ты позволишь?

— Конечно. — В его ответе проскользнуло напряжение, которое Кэри списала на опасение за сохранность книги.

— Я буду осторожна, клянусь.

— Она твоя. — Бросил мистер Эохайд, направляясь к выходу из комнаты.

— Нет, как же... — Обернулась она, успевая проследить за тем, как дверь закрылась.

Делать такие подарки... Он не в себе? Настроение этого мужчины — ветер в горах.

Оставшись наедине с тишиной, Каролайн склонилась над самой историей, вглядываясь в древние, неразборчивые письма. До этого момента она предполагала, что знает латынь неплохо. Полный провал.

Включив люминесцентную настольную лампу, Кэри прищурилась, привлеченная бросающимся в глаза заголовком. «RETRIBUTIO». Яркая киноварь. Оставив книгу, она метнулась к коробкам, разыскивая латинский словарь. После чего вернулась к столу во всеоружии, готовая к погружению в прошлое.

21 глава

Она спустилась в гостиную по прошествии часа, входя в комнату осторожно. Заметно нервничая.

Мистер Эохайд сидел за ноутбуком, давая повод вспомнить о его профессии. Вероятно, готовил доклад к очередной конференции или, может, статью на публикацию. Такой непривычно домашний... и ее появление, естественно, разрушило идиллию.

Подняв голову, мужчина посмотрел на Кэри так пристально, словно желая узнать до того, как она заговорит, причину ее скованности и волнения. Он опять хмурился, и ей хотелось бы думать, что эту морщинку оставила незавершенная умная мысль, просящаяся на лист, а не ее появление.

— В очередной раз убеждаюсь, что у тебя великолепное собрание. — Начала издали Каролайн, останавливаясь у стены. Далеко от кресла, которое он занимал. И когда Брендан промолчал, пришлось «ораторствовать» дальше: — Твои родители... часть этой коллекции принадлежала им, да? Эта книга в том числе?

— С чего ты решила? — Глухо поинтересовался Эохайд.

— Ну... ты же знаешь, там есть один раздел. «Возмездие»...

— Воздаяние.

— Да, вроде того... Твои родители соригинальничали, выбирая тебе имя. — Прикусив губу, Кэри вспомнила слова Миранды.

Он не человек. Его зовут не Брендан, а Брес.

Черт возьми, однажды она, подчиняясь какому-то неизъяснимому порыву, обратилась к нему так же. И вот теперь она узнает, что этим именем некогда называли языческое божество. Можно предположить, конечно, что Миранда тоже видела эту книгу и под действием алкоголя и стресса втемяшила себе в голову, что ее супруг — демон. Тем более мужчина подходил под описание — он был слишком красив для обычного смертного.

Спотыкалась ее теория лишь на том, что Миранда была равнодушна к книгам и знала латынь на уровне «никак». Однако на что только не пойдет человек, чтобы подвести пугающую информацию, которая колышется на грани фантастического, под законы логики.

— Я не знал своих родителей. — Ответил Эохайд разрывая молчание. Его слова прозвучали спокойно, даже безразлично. Как и подобает человеку, который не помнит даже цвет глаз своей матери.

Безумный порыв подойти и обнять пришлось грубо в себе подавить. Вряд ли он оценит такую слюнявую сентиментальность.

— Ясно. — Она снова надолго замолчала, определенно, отвлекая его от дел. — Можешь считать

меня сумасшедшей, но... разреши называть тебя... так, как в этой книге.

Кэри не смогла заставить себя посмотреть на него. Ее просьба была совершенно лишеной смысла, даже оскорбительной. Еще подумает, что ей не нравится его настоящее имя.

— Это имя подходит тебе... — Попыталась торопливо оправдаться она. — А еще... знаю, что это прозвучит нелепо, но... иногда, смотря на тебя, мне кажется, что я тебя уже где-то встречала. Это невозможно, конечно, ведь я бы запомнила. Просто бывают такие моменты, когда возникает нелепая мысль, будто мы давно знакомы. Я не верю в мистику, но эта книга...

Тяжело вздохнув, Кэри приказала себе заткнуться. Правильно сделала. Кажется, мистер Эохайд всерьез озаботился ее душевным здоровьем, глядя так пронизывающе, испытывающе. Вероятно, гадает над тем, почему ему попадают только тронутые женщины.

— Не буду тебе мешать. — Слишком оживленно произнесла Кэри, заталкивая руки в карманы. — Жутко устала. Пойду спать, пожалуй.

Наверняка, он проводил ее понимающим взглядом. Целебный сон — то, что нужно ее разгулявшейся фантазии. И может дело именно в том, что он был ей нужен, а может в том, что с некоторых пор темнота ее пугала, сон не шел. Ворочаясь в своей новой постели, Каролайн не могла думать ни о чем другом кроме книги и мужчины, которому эта книга принадлежит.

Почему Эохайд молчал? Ему нужно было опровергнуть ее абсурдные предположения смехом. Он же был, напротив, предельно серьезен. Можно сказать, растерян. Даже... напуган? В любом случае, и в половину не так, как она. Его прошлое оказалось загадкой куда более запутанной и темной, чем представлялась поначалу.

Он не знал своих родителей. Тогда кто так превосходно воспитал его? Есть ли у него родственники? Брендан никогда о них не упоминал, а ведь Кэри так хотелось увидеть лица тех, кто был с ним одной крови. Ходят ли под этим небом такие же люди, как он? Оценили бы они его выбор?

Накрыв лицо руками, Каролайн последними словами обругала свою наивность. Уже примеряет на себя роль спутницы его жизни, вот те на.

Дверная ручка щелкнула, заставляя очнуться и кинуть взгляд в сторону открывшейся двери. Из коридора лился тусклый свет, очерчивая мужскую фигуру. Профессор Эохайд пришел пожелать спокойной ночи? Как мило, но нет.

Возможно, дело в темноте: он выглядел опасно. Может даже опаснее, чем в ту ночь, когда без лишних колебаний прикончил несостоявшегося насильника. Черт, вряд ли такие воспоминания помогут ей расслабиться.

Кроме того, темнота была не единственным пугающим фактором. Это гнетущее молчание тоже должно было что-то значить. Ох, как и то, что переступив порог, он быстрым движением снял с себя футболку. Как жаль, что он не позаботился о свете. К черту ее страхи, теперь Кэри угнетала невозможность разглядеть его рельефное тело.

Ее дыхание сбилось, когда мужчина избавился от штанов, после чего, не говоря ни слова, прошел к кровати, стягивая с нее одеяло. Явно намереваясь заменить его собой. Немного удивленная его внезапным появлением и неутомимостью, Каролайн откинулась на подушки, смотря на то, как Эохайд нависает над ней, наклоняется... Ее руки взметнулись вверх, желая оказаться в его густых волосах. Что не позволили ей сделать крепкие ладони, приковавшие

запястья девушки к кровати по обе стороны от ее головы. Окей, кажется, в этом танго ведет исключительно он.

Когда он наклонился к ее губам, Кэри была уверена, его поцелуй развеет это смутное беспокойство. Хрен там плавал... грубый и глубокий, он имел вкус терпкого виски. Заерзав под мужчиной, Кэри пыталась понять, что могло его так завести. И речь идет не столько о его готовом, напряженном теле, сколько о смятении, даже злости, с которыми он прикасается к ней теперь.

Оторвавшись от ее рта, Брендан резко задрал ночную сорочку, укрывавшую женское тело, и стянул ненужную одежду через ее голову, откидывая в сторону. Замирая.

Смотря в его глаза, Каролайн пыталась определить, что заставило его остановиться. Вид ее обнаженного, ждущего продолжения тела? Или его подарок, расположившийся теперь между ее грудей?

Когда Эохайд опустился на нее, разводя ее бедра, тяжесть его тела была встречена поощряющим стоном.

— Как можно быть такой... — Испуганно замерев, Кэри слушала его тяжелое дыхание у своей шеи, — ... идеальной.

— Брес...

Ответом ей стало его долгожданное проникновение, заставляющее податься навстречу и застонать.

— Даже если ты возненавидишь меня... — Проговорил хрипло мужчина, начиная сокрушающее движение, — ...я не смогу тебя отпустить.

— Почему... — я должна тебя ненавидеть?

— Все может измениться. В любой момент.

— Не хочу... — чтобы что-то менялось.

— Я тоже. Будь я проклят, я тоже.

Откинув голову назад, она закрыла глаза, принимая ласки его губ и языка на ее шее и груди. Оказывается в некоторых случаях осознание собственной уязвимости может чертовски возбуждать.

— Только не теперь. Не снова. Я не вынесу этого. — Прошептал он с пугающей убежденностью.

Промелькнувшее беспокойство было похоже на ревность: оказывается в его жизни уже была такая сводящая с ума любовь, потеря которой изранила его. Возможно, в эту самую секунду он даже думает о той женщине. Каролайн бы всерьез обеспокоила эта новость, если бы не... ох, боже... как же он... хорош.

— Не нужно. — Выдохнула она, подаваясь навстречу. — Просто... не отпускай меня.

Очевидно, если он и собирался, то точно не в ближайшие часы. Давая повод задуматься над тем, как можно быть настолько... идеальным.

— Я не могу принять от тебя такую драгоценную книгу. — Прошелестела почти беззвучно Каролайн, обессилено закрывая глаза.

Она лежала на мужчине сверху, уткнувшись в его шею, и кажется совершенно его этим не стесняя. Слушая дыхание и сердцебиение, звук которых успокаивал лучше любой гармонии из семи нот.

Что касается разговора, если уж до него дошло дело: Каролайн хотела озвучить нечто совсем противоположное несогласию. Как насчет «какой же ты потрясающий»? или «не возьмешь выходной еще на денек? два? неделю?». А может «ты так восхитительно пахнешь». Книга для нее сейчас находилась в ином мире, а не комнате.

Эохайд тихо, как будто печально усмехнулся.

— Через девять дней тебе исполнится двадцать один год. — Проговорил он в итоге. Его грудь поднялась и расширилась посредством тяжелого вздоха.

— Тебя это печалит? — Ее улыбка коснулась его горла.

— Можешь считать это подарком.

— Ты мог бы подарить мне цветы и открытку.

— Тебе до сих пор нравятся орхидеи?

— Как ты можешь знать обо мне так много, тогда как я... — Определенно, этот разговор набрал бы обороты, будь у нее хоть немного энергии. — Не хочу...

— Мы можем выбрать тебе подарок вместе.

— ...сопротивляться тебе.

Она быстро заснула в наступившей тишине, пытаясь убедить себя в том, что это молчание вовсе не горькое, а умиротворенное. И что в их раю нет никакого змея. Вот только мужские руки, так крепко и настойчиво, словно что-то доказывая, обнявшие ее, говорили об обратном.

22 глава

Нежелание сопротивляться и невозможность, абсолютная бесполезность этих усилий, все-таки — разные вещи. Потому тот факт, что Каролайн теперь убежденно называет себя несвободной даже нельзя назвать поражением, скорее логичным исходом, оттянутым по глупости.

Мистер Брейвер укатил на конференцию в любимый Мюнхен, доверяя свою группу в надежные руки своего коллеги. Что тут скажешь? скатертью дорога, хотя Кэри и относилась к престарелому преподавателю со всем уважением.

Как отъезд профессора Брейвера соотносится с ее размышлениями о бесполезности сопротивления? Сидя ныне в конце переполненной аудитории, Каролайн смотрела вниз, на отвечающую студентку-первокурсницу. Бедняжка была умнее ее — даже не подумала сопротивляться этой магии, которая была заложена в Эохайда Творцом вместе с духом. Этот человек мог просто смотреть на женщину, а той казалось, что он уже прикасается к ее обнаженной коже, ласкает ее губами... в самом низу.

Закрыв глаза, Кэри поспешила сделать отрезвляющий глоток воздуха. Эти воспоминания были

не просто неуместны. Скорее, чертовски опасны. И дело не только в точившей ее ревности, от которой можно было ждать любых выкрутасов. А в том, что по ее лицу легко догадаться, что слухи, ходящие по университету, не передают и половину того, что происходит между ней и профессором Эохайдом. А это едва ли скажется положительно на его работе.

Кэри меньше всего хотела стать ему обузой. Хватит с Брендана и того, что в его доме появился нахлебник. Портить ему репутацию не входило в ее планы, с каким бы пренебрежением сам мужчина не относился к сплетням.

Задыхаясь от волнения, первокурсница опустилась (рухнула) на свое место. Ее блестящие расширенные глаза ждали похвалы. Не только ее, конечно, но и этого бы хватило, чтобы достигнуть nirваны.

— Неплохо сказано! Сразу видно, вы увлекаетесь Бернардом Шоу. — С одобрением ответил Эохайд, обходя свой стол. Его пальцы скользили по столешнице, приковывая взгляд.

Девушка потеряла сознание от счастья, а Кэри обхватила голову руками, ненавидя себя за то, что студент младше на два курса знает Шоу лучше нее. Из какой пьесы та, озвученная ей, цитата? Проклятье, если собственное невежество так раздражает саму Кэри, то что говорить о Эохайде...

За такими мыслями она кое-как дотянула до конца лекции.

Студенты расходились с явной неохотой, как и Каролайн намеренно медленно собирая свои вещи. Да, на этот раз ей тоже нужно было переброситься парой слов с профессором, прежде чем она уйдет на следующую лекцию.

К примеру, отважиться спросить по поводу Мэта, который не появлялся в университете уже неделю и никто, включая преподавателей, не знал, что случилось с парнем.

Если же поджилки задрожат под его взглядом, то она просто скажет, что завтра сможет спокойно пережить его отсутствие. Ее день рождения — вовсе не повод пренебрегать работой. Ведь, судя по молчаливой угрюмости, которая не отпускает мужчину вот уже который день, его внимания требуют какие-то проблемы. Пусть спокойно решает их, все-таки Кэри надеется, что у них еще будет время отметить не один праздник совместно.

Окинув взглядом опустевшую аудиторию, Каролайн поднялась со своего места. Единственная студентка (та самая любительница Шоу) все еще копалась со своей сумкой, но Кэри надеялась что это надолго не затянется. Спускаясь, она смотрела на то, как Брендан наклоняется к ноутбуку. Его пальцы пробежали по клавиатуре. Опять хмурится. Узнать бы...

— Я... я люблю вас!

Тоненький голосок прозвучал чертовски громко. Просто как долбаный гром среди ясного неба. Замерев на месте и задержав дыхание, Каролайн отыскала взглядом первокурсницу, как по щелчку пальцев переместившуюся к преподавательскому столу.

Фух, в аудитории стало жарковато. Адски.

От красных щек молоденькой шатенки, кажется, шел пар... И, надо же, она тоже увидела нежелательного свидетеля своего признания слишком поздно. Потому теперь готова была сквозь землю провалиться.

Что касается мистера Эохайда? Настороженно и медленно он перевел свой взгляд со своей очередной поклонницы на Каролайн, явно намереваясь что-то сказать.

— Не буду вам мешать. — Подняв ладони вверх, Кэри оборвала его намерение, поспешно проходя к выходу.

Кажется, ей удалось сыграть безразличие к его личной жизни. Ага, еще немного и Каролайн Атолл станет обладателем премии «Оскар».

Но, черт, что ее так удивляет? Она давным-давно знала, какой популярностью профессор пользуется, а теперь, живя с ним... Постоянные звонки, а потом долгие разговоры повышенной секретности, и в то же время необъяснимо пристальное, почти маниакальное внимание к ней. Мешок тайн, в которые не стоило лезть. За прожитую с ним неделю у Кэри создалось устойчивое впечатление, что она встречается с Синей Бородой.

Но вот проблема: его скрытность волновала ее куда меньше, чем тот факт, что его работа заключена в общении с цветущими студентками. Что скрывать, ей бы хотелось, чтобы мужчина преподавал у уродливых старух.

Кэри не была любителем самобичевания, но в этот раз все-таки заставила себя досидеть до конца учебного дня. И на попытки Эохайда дозвониться на ее сотовый, ответила символическим смс:

«Все ок.»

Как легкомысленно с ее стороны думать, что мужчина этим удовлетворится и не потребует расшифровки после занятий.

Выходя из университета, Каролайн, на самом деле верила, что сможет покинуть территорию, не привлекая внимания. Но эта суэта перед главным входом должна была что-то значить. Прошипев ругательство, Кэри встретилась взглядом с причиной всеобщего воодушевления. Выясняя, что замедлять шаг молодых людей и профессоров заставляла не дорогая машина, а мужчина, который стоял с ней рядом. Ожидая.

Попытка пройти мимо была благоразумной и обреченной на провал.

— Каролайн. — Раздалось за ее спиной, когда Кэри спустилась с широкой мраморной лестницы и обогнула мистера Эохайда. Она могла спорить, что услышала коллективный выдох «какого черта?!».

Сглотнув, Кэри подняла голову и оглядела многолюдный двор университета. После чего практически бегом кинулась к машине, ныряя внутрь, захлопывая дверь, благословляя тонированные стекла. Удивленный такой прытью Эохайд сел рядом через несколько секунд. Судя по наступившему молчанию, кроме прочего чертовски недоволен ее поведением.

Сказать, что не заметила его, а вовсе не собиралась игнорировать?

— Мне никто не нужен кроме тебя. — Произнес мужчина, когда университет остался далеко позади.

Закусив губу, Кэри отвернулась к окну. Прекрасные слова, которым жутко хочется поверить. Которые хотелось слышать снова и снова.

— Работа, кажется, тебе тоже не нужна. — Решилась она ответить, когда машина остановилась на светофоре.

— Не она для меня, а я для нее. — Озвучил пафосно мистер Эохайд, заставляя повернуться к нему с открытым ртом. Черт возьми, это заставляет задумать об источниках его доходов. Если он так не дорожит своей педагогической карьерой, чем он зарабатывает на хлеб? — Я могу уволиться уже сегодня.

— Не... нет, ты чего?! С ума что ли сошел? — Пробормотала Кэри, настороженно поглядывая на него. — Неужели ты совершенно не боишься потерять это место? Тебя... очень уважают там. Ценят.

Ага, особенно некоторые.

— Я просто считаю почетным знакомить людей с мудростью их предшественников. Но если это тебе мешает...

— Мне это ни капли не мешает! Я же уже говорила! Не могу поверить... зачем тебе усложнять свою жизнь, потакая моим прихотям?

— Затем, что я люблю тебя.

Ох ты ж блин. Она никогда не привыкнет к этому.

Еще несколько минут колкого молчания.

Размытая картина реальности за границей оконного стекла отлично иллюстрировала мысли.

— Я... просто не хочу, чтобы у тебя были проблемы. — Проворчала невнятно Кэри, отворачиваясь, дабы не демонстрировать ему жалкое выражение своего лица. — Потому, если завтра ты не сможешь...

— Завтра твой день рождения.

Спасибо, капитан.

— Да, насчет этого... мы можем отметить его в выходной, если хочешь. А можем вообще не отмечать, и мне не будет ни капельки обидно. — Потому что вся неделя — сплошной день рождения. Все подарки — мои. — Или встретиться после твоей работы в кафе и выпить по стаканчику. Я знаю, как ты занят...

— Завтра я буду занят исключительно тобой.

Почему в наступившей тишине создалось такое впечатление, что она только и ждала этих слов? Раствориться в атмосфере романтики не давала лишь его нешуточная серьезность. Никаких улыбок, нежностей, заигрываний. Что-то опять угнетало его, хотя Кэри знала: это «что-то» — она. Зачем, спрашивает, привязывать к себе женщину, которая приносит не наслаждение, а муки?

Презирая свою непомерную ревность, Каролайн пробормотала:

— Та девушка... что ты ей ответил?

— Что принадлежу другой.

Боже-боже, это мужчина не перестает ее удивлять. Почему из всех видов отказа он предпочел столь агрессивно-примитивный? Словно с некоторых пор стал ее рабом.

Мысль, заставляющая мгновенно завестись.

Поерзав на сидении, Кэри бросила на него взгляд. Прекрасный мужской профиль с тенью тяжелого раздумья.

— Повтори.

Мистер Эохайд обратил к ней свой замутненный заботой взгляд.

— Что... любишь меня. — Попросила неуклюже Каролайн. Ответом послужила угрюмая тишина. Которую разорвал лишь звук резко переключаемой передачи. — Забудь. Сама не знаю, что несу...

Ранее у Кэри создалось впечатление, что Брендан хорошо знал город. Однако когда через минуту машина заехала в темный переулок, останавливаясь в тупике, пришлось признать, что с навигацией у него туго.

Эохайд повернул ключ в замке зажигания, глуша двигатель. После чего отодвинул собственное кресло назад до упора, вынуждая задуматься: может, дело не в навигации?

— Иди ко мне.

Уставившись в его абсолютно серьезно лицо, Каролайн вцепилась в ремень безопасности. Вероятно, стоит напомнить ее любовнику, что они находятся посреди улицы. А еще, что она даже не помышляла о возможности делать это в машине.

— На словах...

— И на словах тоже. — Он сам открепил ее ремень. — Когда я окажусь в тебе, я повторю это столько раз, сколько захочешь.

— А почему бы просто...

— Я должен быть уверен, что ты запомнишь.

Что ж, Кэри надеялась, что такие воспитательные меры профессор применяет только по отношению к ней. В любом случае, отказываться от возможности в очередной раз доказать себе и ему бессмысленность попыток тех несчастных студенток не было сил.

Вероятно, стоило предупредить, что она еще никогда не была сверху? И испортить момент? Проклятье, Эохайд должен знать, что ее личная жизнь не отличается пестротой! В отличие от его, не так ли?

И-и-и-и... это была та самая мысль, которая заставила ее оседлать мужские бедра. Отличный ракурс.

— Пожалуй, я был неправ. — Признался у ее губ Эохайд после долгого, клеймящего поцелуя. — Это платье... — его руки заскользили по ее бедрам, поднимая подол, — ... кроме того, что идеально на тебе сидит, имеет еще кучу преимуществ. — Словно демонстрируя одно из них, его пальцы сдвинули в сторону полоску нижнего белья. — Один недостаток простителен.

— К-какой недостаток? — Задыхаясь прошептала Кэри, слушая, как вжикает «молния» его брюк.

— Знать, какие у тебя потрясающие ноги, хотелось бы только мне.

Ох, и это она себя называла эгоистом?

* * *

Заставляет его забыть обо всем. Буквально, — самого себя.

Вернуться к реальности и в этот раз было чертовски сложно.

— Кэри. Из тебя выйдет отличная наездница. — Заявил деловым тоном Брес, заставляя девушку недоуменно ахнуть. Все еще так мило смущается. — Если тебе понадобится практика...

— Не... не говори так!

Машина проехала последний светофор. До их дома остались считанные метры и сидя теперь за рулем, Брес отметил, что никогда еще ему не было так приятно возвращаться. Внутри такой блаженный покой и удовлетворение... Все-таки он всегда знал к чему стремился: Айрис должна была вернуть ему рай, и теперь эта восхитительная женщина делала это так охотно и так часто, что он невольно задумывался: заслужил ли подобное счастье? Или это шутка судьбы, которая готовит ему очередной сюрприз?

— Мне нравится, как ты краснеешь. — Отметил тихо Эохайд, смотря на то, как она отворачивается. — Твоя робость драгоценна.

— Ага, ладно, как насчет того чтобы...

— Тебе понравилось быть сверху?

— Боже...

— Мне нужно знать, как тебе нравится чувствовать меня. — Он невольно улыбнулся ее стыду. — Никогда бы не подумал, что так может заводить чужой контроль. Но когда ты сверху, я проникаю глубже.

— Пре-прекрати, пожалуйста.

— Когда ты двигаешься, а я держу тебя... я чувствую тебя всю. Могу спорить, что Адам вместе со своим раем и Евой позавидовал бы мне, если бы просто мог представить, каково это. — Айрис вцепилась пальцами в подол своего помятого платья, отвечая отчаянным молчанием. — Ты должна была уже определиться с тем, как именно тебе нравится.

— Зачем ты... нормальные люди не обсуждают такие вещи!

— Серьезно? Можешь считать меня ненормальным, но я хочу знать, как лучше тебя удовлетворить.

— Ты и есть ненормальный.

— Если ты не можешь решить, мы уделим этому день.

— Это, должно быть, шутка.

Она все еще отказывалась смотреть на него. Даже когда они остановились перед въездом в подземный гараж.

— Мне нужно, чтобы ты говорила, Кэри, как хочешь меня. Ты заслуживаешь достойного мужчину. Так помоги мне.

Он всерьез ждал от нее ответа. Не напрасно. Пусть она еще не способна была произнести это, глядя ему в глаза и с полноправным требованием, Айрис все же заговорила:

— Когда... ты сверху. Мне нравится чувствовать тебя сверху. Твой вес на себе. Ну и... когда ты нетерпеливый. — Она судорожно вздохнула. — Только не заставляй меня повторять это снова, окей?

Ладно, теперь пришло его время молчать. Требуя откровенностей, Брес знать не знал, что это сделает его настолько слабым. Она сказала, что хочет его таким, какой он есть — эгоистичным убудком, с манерами первобытного человека, когда дело касается этой женщины.

Наклонившись, он надолго прижался губами к ее горячему виску.

— Я люблю тебя.

— Да-а... я запомнила. — Ища спасение, Айрис перевела тему: — Ты не против, если я приготовлю на ужин стейки?

— Обожаю стейки.

— И еще... — Она несколько замаялась, возвращаясь к ранее поднятой теме. — Насчет завтра. Ты, наверняка, все праздники отмечаешь с размахом, но... для меня это непривычно. Возможно, я говорю об этом поздно, зная тебя, ты уже все решил. Однако... в ресторане я буду чувствовать себя неуютно. Можно, мы просто... не обижайся, но можно мы просто будем вместе в этот день? А потом я приготовлю ужин, и мы пригласим Чейза. Кстати, он уже несколько раз просил меня узнать... ты позволишь ему взять хотя бы на день ламборгини? На твоём месте, я бы не позволяла.

Брес промолчал. Не потому что боялся за автомобиль или безопасность ее брата.

Упоминание о завтрашнем дне вернуло его с небес на землю. Этот день он ждал всю свою жизнь и, надо сказать, осознание, что момент истины наступит через несколько часов, заставляло нервничать.

Что если он ошибся, и Миранда — вовсе не та пятая душа? Думая о такой вероятности, Брес спешно себя уверял: никто не назвал ему имени, а это могло значить лишь одно — боги канули в Лету вместе со своими почитателями. Следовательно с последним испытанием он должен был справиться исключительно самостоятельно. Да и что тут гадать, выбор последней души был очевиден — несчастная женщина постоянно маячила перед глазами. Он держал отработанную по контракту душу Миранды в своих руках, намереваясь поглотить, уничтожить в пользу своего бессмертия. И теперь, когда договор расторгнут, она спасена. Все казалось простым, как дважды два, и все-таки...

И все-таки, была еще парочка поводов дергаться. К примеру постепенно возвращающаяся память его возлюбленной. Еще несколько недель (а может, дней), и Айрис вспомнит о их

далеком несладком прошлом. В частности, о том, кем он являлся, и через что она прошла по его вине. Кто знает, как она взглянет на их совместную жизнь после возвращения воспоминаний. Логично предположить, что она будет не в восторге от того, что Брес попросту воспользовался ее незнанием, чтобы добиться своего. После того, чему ее подверг, он не имел прав рассчитывать на снисходительность. И тем не менее, как он и сказал: отпустить ее теперь будет выше его сил.

— Я буду счастлива в любом случае. Сам решай. — Нарушила напряженное молчание Айрис, приняв его задумчивость за недовольство. — Пойду делать стейки.

О, не так скоро... Прежде чем она выбралась из машины, Брес уточнил для себя, какие поцелуи нравятся его женщине. А потом долго провожал ее, опьяненную и усталую, взглядом, не сдерживая улыбки. Происходящее выглядело таким идеальным. Пугающе идеальным.

Оставив машину в подземном гараже в многочисленном ряду таких же элитных, мускулистых собратьев, Брес прошел наверх, невольно отмечая, что торопится. Закрывает гараж, включает сигнализацию, пересечет стриженный и уже пожухлый газон.

Возможно, верным решением завтра будет вообще не выходить из дома и не отпускать Айрис ни на секунду. Так, в качестве профилактики. Черт возьми, как же он хочет просто благополучно пережить это «завтра». Потом? Дожить с Айрис до старости и умереть в один день. Ага, у него нет никакой фантазии.

Когда Брес зашел в дом, то со смутным беспокойством отметил эту поразительную тишину. Против обыкновения Айрис не кинулась сразу на кухню. Нож не стучал о доску, масло не шипело, а дом не заполняли аппетитные запахи еды. Не звучала музыка, под которую она любила готовить.

Он позвал ее. Бесплезно, женщина могла его попросту не слышать, потому Брес стремительно обошел весь первый этаж. Обнаруживая ее в спальне, недвижимо стоящую и смотрящую в одну точку перед собой.

Сердечный ритм сбился.

— О, любимый, мы тебя заждались. — Протянула Миранда, сидя на подоконнике. С пистолетом, направленным на Айрис. — Не думай двигаться. Я умереть готова, а вот что насчет твоей суки?

Гул в голове нарастал. Ситуация давала шанс многое о себе узнать. Например, что он идиот, который даже не подумал о такой возможности: чтобы Миранда проникла в его дом, каким-то чудом минуя сигнализацию, приобрела оружие и теперь угрожала его женщине. Но нет, это невозможно, неужели Айрис солгала насчет даты рождения? Она не может умереть сегодня! Где он ошибся?

— Какой послушный, ты глянь! — Расхохоталась Миранда словно из-за десятка стен.

Брес смотрел на нее, но не видел. Ему нужно было как-то разрулить ситуацию. Он опять подвергает опасности самую лучшую часть своей жалкой жизни, проклятье! Видел ли мир мужчину удачливее?

— А если я прострелю ей колени, как ты себя поведешь? — Его «бывшая» прищурилась, уводя дуло пистолета вниз. — Пока вы тут сношались, я тренировалась. Это довольно весело. Представлять, как выносишь ей мозги.

— Чего ты хочешь?

Окей, он не придумал ничего лучше. Но факт в том, что с некоторых пор он был абсолютно бесполезен. Никаких молниеносных перемещений и прочих божественных фокусов. После того расторжения контракта Брес становился слабее. «Смертнее». Его эпоха давно миновала, теперь же он день ото дня терял оставшиеся крохи своих талантов. Единственное, что у него осталось — неплохая реакция, на которую он сейчас надеялся.

— Мести сердце мое жаждет. — Пропела она поэтично, поигрывая пистолетом в руке. — Думал, я так просто соглашусь с тем, что ты меня выкинул? С тем, что вы здесь будете купаться в океанах, мать их, любви, тогда как я... — Внезапная смена эмоций. словно невидимая рука переключила рубильник. Миранда поморщилась, готовая разрыдаться. — Ты не представляешь, что я чувствую... Если бы ты... если бы ты просто дал мне шанс! Я была бы лучше любой для тебя!

Между ним и Айрис полтора метра. Между ним и Мирандой — все четыре. Хреновая математика.

— Теперь... теперь я заберу у тебя то, чем ты так дорожишь, чтобы ты понял, каково это — остаться с пустыми руками. Необходимо научить тебя справедливости. А мне... мне нечего терять.

Ее последние слова прозвучали совершенно безжизненно. Стремительно подняв пистолет, Миранда, многократно представляя себе этот самый момент прежде, нажала на спусковой крючок. Брес рванул в сторону за миг до того, как звук выстрела пронесется по дому громкоголосым эхом.

Что-то оборвалось внутри. Шум в голове усилился. Горячо. Такая непривычная, рафинированная, чистейшая боль.

Он услышал всхлип за своей спиной, скашивая взгляд ниже, на свою рубашку. Кажется, пуля не прошла на вылет. Хорошо, его неуклюжая спасательная операция не закончилась трагически для двоих — Айрис надрывно дышала за его спиной. Целая, невредимая и почти в порядке.

Прижав руку к животу, из-под которой обильно засочилась кровь, Брес поднял голову, взглянув на Миранду. И едва смог рассмотреть ее очертания — перед глазами плыло. Дьявол! Он еще бесполезнее, чем думал поначалу.

— Нет... нет, я... нет-нет-нет... — Заскулило со стороны окна. Женщина упала на колени. Ее несогласный вопль прозвучал почти так же громко, как недавний выстрел. — Ты же... бессмертен! Я знаю, ты... ты не можешь умереть! Почему так много крови? Почему?! — Он не стал бы ей отвечать, даже если бы мог. Хотя к черту слова: выглядел он, как без пяти минут начинка для гроба. — Нет, как же... я? А как же я? Я... могу без тебя! Я не брошу тебя, слышишь? Никогда! Мы будем вместе...

С этими словами, женщина приставила дрожащей рукой пистолет к виску и силой прижала раскаленное дуло к коже. Колебалась она лишь мгновение, вцепившись взглядом в его мертвенно бледное лицо. Гром вновь пронесся по округе. Тело женщины завалилось с глухим стуком. Кровь стала стремительно окружать голову алым нимбом.

Куда там попадают самоубийцы?

Понимание вкупе со слабостью подкосило его, и Брес рухнул на пол, не чувствуя боли от падения.

Мысли путались и распадалась.

Все произошло так чертовски быстро. Какие-то несколько минут лишили его всего.

Завтра Каролайн исполняется двадцать один год.

Этот день станет последним в ее жизни.

Она умрет, потому что он опять не смог выполнить условия: пятая душа, на которую он сделал ставку, только что покончила с собой, унося в преисподнюю и его надежду.

Значит... вот как все закончится.

— Срочно! У него огнестрельное ранение! Я не знаю, черт вас дерит! Вы можете не задавать так много лишних вопросов?! — Брес слышал, как с расстояния измеряемого милями до него доносится голос Айрис. Она не перестает его удивлять: мгновенно среагировать, вызвать скорую и с первой попытки назвать адрес. Какая же она смелая... — Я здесь, я рядом. Ты слышишь меня? Господи, сколько крови... — В поле его зрения появилось ее лицо. Дрожащие, бережные руки отодвинули его ладонь, которой он сжимал рану, прикладывая какую-то тряпку. — Все будет хорошо. Ты... только держись, слышишь?

Нет, хорошо уже не будет. И дело не в его пессимизме.

— Кэри. — Ее лицо мокрое от слез все равно было самым прекрасным. — Я... облажался. Не смей... даже думать о прощении. Я никогда... себя не прощу. А ты...

— Заткнись! Ничего не говори! Я не слушаю! Не слушаю!

— Видишь... прошло столько лет... а мне их не хватило. Время совсем... не изменило меня, да? И теперь... ты... — Он сглотнул, не давая крови заполнить рот. Чтоб его, он отвратителен. — Я не умру. Я знаю это... но ты... — Ему приходилось продирается через отчаянье и боль, чтобы держать глаза открытыми и говорить. — Слушай. Слушай, Кэри. Когда смерть разлучит нас, я все равно буду ждать. Плевать я хотел... на проклятье. Я не умру... я встречу тебя снова. Без разницы... сколько на это понадобится времени и сил. Я все равно...

Она продолжала твердить, чтобы он заткнулся. К тому же его голос звучал так тихо, что он с тем же успехом мог бы молчать. Но эта прожигающая боль не была следствием ранения, ей нужна была не анестезия, а раскаяние. Хотя бы оно — бесполезное, но чистосердечное. Айрис должна знать, что эту ошибку он опять искупит веками отчаянья и надежды. Что дождется во что бы то ни стало. Что когда ее душа вновь придет в этот проклятый мир, он будет здесь. Никуда он на хрен не денется. И на этот раз не облажается.

Подумав так, Брес попытался удержать ее стремительно ускользающий образ. Его рука потянулась к ней, но не достигла своей цели. Он потерял сознание, как долбаный слабак.

23 глава

Несмотря на вечность, отпущенную ему, Брес всегда понимал, что его жизнь — сценическая бутафория. Из времени, проведенного им на земле, можно было вычленивать отрезки сроком по несколько месяцев, и вот если сложить эти отрезки в сумме получится приблизительно года

три — эссенция его жизни, самая ее суть. Потому что Айрис ходила под одним с ним небом, ага.

Теперь? Рабство ожидания встретило его с распростертыми объятьями, хохоча: наивный недоумок думал, что скидывает цепи в последний раз. И, черт, нет, он не соскучился.

Брес предполагал очнуться в госпитале, среди стерильности и мучающей зрачок белизны. Надо же, все так и вышло. Потому теперь он лежал на больничной койке, оглушенный обезболивающим и еще сотней лекарств, названия которых даже не стоит пытаться выговорить с первого раза. Хотя изображать из себя живого мертвеца, вышедшего из кошмаров Стивена Кинга, заставляла не анестезия, а осознание: их пути вновь разошлись. Он по-прежнему жив. Она снова мертва. Захватившее его мысли отчаянье было апофеозом всей той безысходности, которой он захлебывался ранее.

Кардиомонитор отмерял тиканье его сердца, ритмичное, спокойное, одинокое. Уже успевшее порядком поднадоесть. Пошевелив рукой, Брес попытался убрать к чертям опутавшие его провода.

— Стойте! Что же вы делаете?! Не шевелитесь! Вам необходим покой, а еще это очень дорогая аппаратура.

Как глупо с его стороны надеяться, что его оставят в покое хотя бы в реанимационной палате. В поле зрения возникла медсестра, нижнюю часть лица которой закрывала стерильная маска. Она принялась усиленно колдовать над приборами, время от времени возвращая взгляд к нему.

— Вы чудом выжили, мистер Эохайд. Шансы были практически нулевыми.

Чудом выжил? Как будто у него был иной выход.

Медсестра заговорила об операции и хирурге, который ее проводил. Он выхватил из ее отчета главное — кома продлилась почти неделю.

Пришлось заставлять себя думать об этом: он хотел знать, как умерла Айрис. Как будто ему станет легче, если он узнает, что женщина отошла в мир иной тихо и безболезненно. А что если это не так? Ее смерть... была ли она мгновенной? Или мучительной и долгой? Господи, он проходил подобное неоднократно, но это вовсе не значило, что он привык. И мысли о том, что в тот беспечный, как будто обычный день Брес видел ее в последний раз... в последний раз прикасался к ней, слышал ее голос, говорил с ней... эта мысль провожала его в преисподнюю.

Во любом случае, все то, что он испытывает теперь, он заслужил.

— Знаете. — Медсестра наклонилась к нему, словно хотела что-то сказать по секрету. — У нас в госпитале еще никогда не приходило столько народу навещать пациента. За этими дверями стоит около полусотни ваших знакомых. Некоторые приходят сюда каждый день, просто чтобы узнать о вашем самочувствии. Так что если вы хотите, я сообщу, что вы очнулись. В качестве исключения, я даже могу устроить вам встречу... с кем вы хотите увидеться? Мы с девочками составили целый список...

Пусть все идет к черту.

— Ни с кем. — Женщине пришлось читать по его пересохшим губам.

Кажется, она растерялась, получив такой ответ. Выпрямившись, медсестра поправила маску на лице, после чего, как будто даже против своего желания, проговорила:

— Одна девушка... она буквально жила здесь с тех пор, как вас привезли. У нее был нервный срыв, и мне пришлось пообещать, что как только вы очнетесь, я позволю ей вас увидеть. Кажется, вы ей очень не безразличны.

О, как медленно смысл слов доходит до него.

— Как... как ее зовут?

Медсестра уставилась на него так, словно пытается понять: не является ли его вопрос показателем амнезии. Нет, ему просто нужно задуть надежду (он вдруг допустил сумасшедшую мысль, что за этими дверями, среди безразличной ему полусотни находится Айрис) или проснуться.

— Сейчас. — Она стала шарить по карманам, выискивая тот самый список, — Ее имя похоже на какой-то остров, как мне сказала одна коллега...

— Каролайн Атолл... — Его хриплый голос перекрывал участвовавший звуковой сигнал кардиомонитора.

Нет, мать твою, даже не думай об этом. Невозможно. Неужели ты ничему не учишься?

— Точно. — Женщина запихала бесполезный список обратно в карман. — Так мне позвать ее?

Прямо, мать твою, сейчас!

— Да.

Ее бахилы зашаркали по кафелю и остановились лишь у самых дверей. Обернувшись, женщина видимо решила, что после его «да» у них есть еще вечность на поболтать.

— Эта девушка... она ваша племянница?

Ага. В точку.

— Она моя жена.

* * *

После всего пережитого, Кэри хотела наградить мужчину хотя бы улыбкой и приличным видом. Чтобы его взгляд немного порадовался, глядя на нее. Мечты так и остались мечтами, мистеру Эохайду пришлось удовлетвориться ее помятой, несвежей одеждой и зареванным лицом. Каролайн выглядела так, что ее в пору было называть пациентом, а не посетителем.

— Не плачь. Не плачь. — Повторял едва шевеля бледными губами Брес, смотря на нее и, кажется, боясь даже моргнуть. Слово все еще не веря.

— Думала, что ты... я думала, что ты... — Неуклюже вытирая рукавами слезы облегчения, Каролайн сгорбилась на стуле. — Меня не пускали все это время. Я чуть с ума не сошла. И эта полиция... боже, как я испугалась... как же я испугалась...

— Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Что тут скажешь, для преподавателя зарубежной литературы его лексикон бедноват. Но Брес почти сумел в этих словах уместить снизошедшее на него благословение. Когда он увидел ее, и теперь, когда он на нее смотрит, убеждая себя в том, что это не иллюзия... странно даже, что его не беспокоят причины этого чуда. Ему просто достаточно смотреть на нее, слышать ее голос, ощущать прикосновение ее холодной руки к своей.

— Сэр, вам нужен отдых. — Напомнила о себе следящая за их свиданием медсестра.

Ее холодный тон указывал Кэри на дверь.

Но, ради бога, она не видела его целую неделю, даже не зная, очнется ли он. Эта дамочка могла хотя бы попытаться войти в ее положение.

— Я п-приду завтра. — Неразборчиво проговорила Каролайн, продолжая попытки осушить глаза. — Боже, то что произошло...

Да, насчет этого. Миранда покончила с собой, покупая тем самым билет в один конец. Противоположный тому, в который она должна была отправиться по задумке Эохайда. И тем не менее...

— С днем рождения. — Прохрипел Брес, ненавидя свой непослушный голос. Вряд ли поздравление прозвучало должным образом.

Она покачала головой, тихо улыбнувшись.

— Едва ли я думала об этом. Знаешь, я... — ее голос звучал очень тихо, только для него: — я бы не выжила, если бы с тобой... что-нибудь случилось. Надеюсь, нам больше не придется испытывать нечто подобное, потому что... я вела себя, как истеричная дура. Хорошо, что ты меня не видел. — Она горько усмехнулась, закрывая лицо ладонями. — Как же мне плохо без тебя. Я так скучаю.

Формула полного счастья? Эти самые слова, озвученные любимой женщиной. Возможно, если бы над ними не стояла медсестра и он был чуть более отличим от овоща, Брес бы поцеловал эти дрожащие, искусанные губы.

— Поскорее поправляйся. — Говоря это, Каролайн выглядела такой милой, отчего он невольно улыбнулся еще сильнее. — Весь университет на голову встал, когда это случилось с тобой и... Мирандой. О тебе все переживают, так что... — Она отвернулась в сторону, тихо проговорив: — ...возвращайся ко мне, потому что я люблю тебя больше жизни.

Что он там ляпнул про полное счастье?

24 глава

Это чертовски уязвляло его гордость, сказать по правде, но как он мог ей отказать? особенно после того, что она испытала. Для ее спокойствия его гордость готова заткнуться.

— Закрой глаза. А то мыло попадет. — Раздалось рядом с ним, вынуждая подчиниться.

Меньше всего на свете Брес хотел ссориться с Айрис, потому и не отвергал ее помощь, когда дело доходило до водных процедур. К тому же, говоря откровенно, первые дни после выписки он мало на что был способен. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он до такого докатится. Слабость собственного тела выводила его из состояния равновесия, отчего последние недели

он ведет себя, как сварливая задница.

— Не хочешь присоединиться? — Посмотрел на девушку Брес. Ее футболка промокла, прилипая к телу. Чертовски сексуальная даже в обычной домашней одежде. — Здесь много места.

— Да-а... знаешь, может как-нибудь в другой раз. — Протянула она, отводя взгляд в сторону. В отличие от слов ее тяжелое дыхание и румянец говорили, что ждать другого раза ей совсем не хочется.

Черт возьми, вот очередная причина, по которой он едва сам себя выносит — его женщина желает его, а он ни на что не годен.

— Пойдем. Не хватало еще чтобы швы разошлись. — Бодро произнесла Айрис, протягивая ему банное полотенце.

Когда он поднялся, она поспешно отвернулась, словно лицемерие его обнаженного, мокрого, чертовски возбужденного тела причиняло ей боль. Даже большую чем вид шрама от операции, алеющий слева, под ребрами.

Обтерев себя и обернув бедра полотенцем, Брес присел на край джакузи. Весьма озадаченный.

— Как ты? — Айрис подошла к нему, запуская пальцы в его волосы, убирая мокрые пряди с нахмуренного лба назад. — Все еще болит?

Она смотрит на него, как на побитую собаку.

— Нет. Я в порядке.

Если не считать того, что они не занимались сексом вот уже три недели и каждое ее прикосновение заставляет все его тело напрягаться в предвкушении. Черт, почему он не может просто радоваться тому, что она жива и засыпает рядом с ним каждую ночь? Потому что подобные чудеса — очередной повод для беспокойства: возможно, судьба что-то напутала в своем графике? Возможно, Айрис заберут у него сегодня? Завтра? Проклятье, он становится параноиком, однако ему нужно знать причины такого небесного милосердия.

— Слушай, я тебе не сказала... не знала, как ты отреагируешь. — Решила она наполнить тишину разговором на отвлеченную тему. — Завтра сюда приедет мама с Чейзом.

Да, это следовало ожидать. Ведь с тех пор как его подстрелили, Бейли приехала, чтобы поддержать свою дочь. Хорошо, что в их семье все налаживается. Он рад. М-да.

— Здорово, тебе не придется скучать.

— Я не скучаю.

— Мы же тут только и делаем, что развлекаемся. Черт, а я и не заметил.

— А ну... если ты тоскуешь, мы можем куда-нибудь съездить. На пару дней.

Дьявол! Говоря это, он не имел в виду себя.

— Нет. У тебя учеба.

Какая уже по счету причина? Она уходит из дома на полдня, оставляя его наедине с самим собой. А это чертовски неприятная компания. И круг разговоров с самим собой до тошноты узок. С ней могло случиться что угодно за эти долгие часы. В конце концов, у нее мог появиться поклонник...

Кажется, у слова «жалкий» появилось лицо. Ага, прям копия со слова «беспольный».

— Думаю, ничего страшного, если я пропущу разок.

— Ты говоришь об этом профессору этого университета, не забывай.

— Я говорю об этом своему любовнику.

Че-е-ерт. Брес знал, чем закончился бы этот разговор, будь он в состоянии делать что-то большее, чем переставлять ноги. А теперь эти слова... ему нужно было доказать их истинность.

— Ладно, тебе нужен покой, так что пойдем, я...

— Мне нужно тебя трахнуть. — Заявил Брес. Уже не в первый раз, потому его требование ее почти не удивило.

— Ага. Ладно. Давай вернемся к этому разговору через месяц.

Целый. Долбаный. Месяц.

— Не думай, что через месяц секс со мной будет безопасным.

— Ага. — Она прикусила язык, поняв, что повторяется. Ее глаза горели, а тишину наполняло призывное дыхание. — Тебя только что выписали из госпиталя, и ты должен лучше меня помнить слова мистера Олдорфа...

— Мне нет до него никакого дела.

— А должно бы.

— Вряд ли. Я неплохо заплатил ему, потому имею все права забыть его и его слова.

Его детская философия заставила ее удивленно вздернуть бровь.

— Ты перенес тяжелейшую операцию. Они едва достали эту пулю. Ты провалялся в коме целую неделю. На твоём месте я бы ушла в затвор на год, чтобы оклематься. Эта жертва — мелочь, по сравнению с тем...

— Для тебя это мелочь?

— ...через что ты прошел. Тебе прекрасно известно, как я отношусь к тебе, потому, дабы не усугублять ситуацию, давай закончим этот разговор. Боже, как ты не понимаешь, что я не смогу расслабиться, зная, что тебе больно?

— Мне больно постоянно. Даже когда я просто смотрю на тебя.

Плохой выбор слов.

— Тогда я, пожалуй, выйду. — Глухо произнесла Айрис, покидая ванную комнату, оставляя

Бреса один на один с осознанием собственной гениальности.

— Потому что в этой мокрой футболке ты выставила бы Гемеру плоскогрудой уродиной, окажись она рядом. — Закончил бормотанием Брес, опуская глаза вниз, на свои бедра, обернутые полотенцем.

Боль? Швы? Вероятность внутреннего кровотечения? Кого это на хрен волнует?

Ему просто необходимо примитивно доказать себе, что между ними ничего не изменилось. Что она жива, да и он тоже. Потому что происходящее до сих пор выглядело фантастикой.

Шипя ругательство, Брес уже собрался подняться, но был остановлен щелчком дверной ручки. Айрис решила дать шанс его извинениям? Как можно быть такой снисходительной?

Оказавшись за порогом, она направилась к нему с каким-то явным намерением.

— Слушай, забудь, что я... — тут только что нёс.

Господи-Иисусе-что-же-ты-хочешь-сделать?!

Ошарашено заткнувшись, Брес следил за тем, как девушка подходит к нему вплотную, после чего опускается на кафельный пол. Встает на колени между его бедер, заглядывает в глаза.

— Не шевелись. — Проговорила она решительным, чертовски сексуальным голосом.

Окей. Ясно. Как скажешь.

Айрис распахнула полотенце, обхватывая его внизу ладонью, заставляя зашипеть.

Неужели-ты-собираешься...

Грубый стон разорвал звенящую напряжением тишину, когда Брес ощутил нежную ласку губ и языка. И судя по тому, что он испытывает, это не продлится долго, пусть даже ее движения были медленными и полными осторожности.

— Кэри... Кэри... сними эту футболку и распусти волосы. — Хрипло приказал мужчина, стиснув зубы, когда она отклонилась, чтобы выполнить его желание.

Черт его дерь, удовольствие было настолько сильным, что походило на агонию.

Вид ее тела, ощущение ее волос на бедрах и в ладони, движение ее рта... один этот момент окупил собой всю боль, испытанную им ранее.

* * *

— Не... не смотри на меня так. — Пробормотала Каролайн, поворачиваясь к мужчине спиной, пытаясь спастись от этого взгляда. Вот уже час. Безуспешно.

Отойдя к плите, на которой готовился не самый аппетитный диетический ужин, она кусала губу, зная — до сих пор смотрит.

— Я люблю тебя. — Отлично, ей как раз не хватало его слов для того, чтобы предметы начали сыпаться из рук.

— Да, я знаю. А я тебя. И ты это тоже знаешь.

— Ты самая красивая женщина на свете.

— Ага, сразу после Элизабет Тейлор.

— Я тебя всегда хочу.

— Почему бы тебе не обсудить этот вопрос с доктором Олдорфом?

— Я постоянно думаю о тебе.

— Не удивительно, ведь, если я не маячу перед глазами, то звоню тебе через каждые пять минут.

— Помнишь, ты попросила меня взять тебя здесь.

Звяк. Исходя из примет, к чему падает вилка? А ложка? Нож? Обморок?

— Хочу это повторить. — Все еще стоя к нему спиной, она знала, что мужчина улыбается, произнося это так протяжно.

— А я нет.

— Серьезно?

— Мне... — Кэри сжала руками столешницу рядом с плитой, дабы удержать равновесие. — Мне этого будет недостаточно, ясно? Мне... всегда мало тебя. Лучше просто не ступать на эту дорожку. — Ну вот и поговорили. Их обмен откровенностями подошел к логичному концу: заведенные донельзя они вынуждены были заткнуться. А потом найти новую тему для разговора: — Эм... как насчет того, чтобы переехать?

Кажется, тема была подходящей. Совершенно выбивающая из колеи, приводящая в чувства.

— Куда ты хочешь уехать?

Каролайн повернулась к Эохайду, который сидел за столом, смотря на нее с абсолютной серьезностью. Он даже не потребует объяснений?

— Я не хочу менять город, только лишь дом. Потому что... — Ноги ослабли, и она поспешно села на ближайший стул. — Я приходила сюда, после того, как провела три дня в госпитале. Мне буквально приказали уйти и привести себя в порядок. Когда я пришла сюда, полиция уже закончила свою работу... мне пришлось убирать всю эту кровь и... в общем-то, я больше не могу заходить в ту комнату. Даже просто находиться здесь довольно тяжело для меня. Не думаю, что смогу это забыть. Не важно, сколько времени пройдет.

— Ясно.

— Прости, что опять обременяю тебя. Займемся этим, когда ты поправишься.

Над ними нависло тяжелое молчание, которое только и напрашивалось на то, чтобы его нарушили. Они до сих пор не поднимали разговора о произошедшем, потому что оба были в достаточной мере изранены и нуждались во времени. Необходимо было расстояние, позволяющее взглянуть на случившееся со стороны. Но теперь затронутая тема наталкивала

на размышления о чудовищном событии, перевернувшем их жизнь.

— Кэри. Ты должна кое-что узнать... обо мне. И том, что тут произошло. — В итоге молчание нарушил именно Эохайд, принимая весьма угнетенный вид. Словно решаясь на что-то отчаянное. — Вообще-то, я должен был рассказать тебе это уже довольно давно, однако... даже сейчас тебе это покажется настоящим безумием.

Ого, она не сбежала с криками сразу же — хороший знак.

Взяв небольшую паузу, мужчина взглянул в ее сосредоточенное лицо, словно пытаясь запомнить ее до переломного момента. Ведь факт остается фактом, его исповедь многое изменит. Может быть, даже больше, чем тот роковой выстрел.

Словно испытывая физическую боль от воспоминаний, Брес заговорил, упрямо смотря исключительно в столешницу, их разделяющую. А Кэри ни разу не попыталась его перебить, слушая рассказ длиною в бесконечность, не двигаясь, не издавая ни звука.

— ...а потом... когда мы вновь встретились, в той библиотеке, я... если честно, я уже потерял веру в то, что это когда-нибудь случится, но ты была там. У меня оставалось три месяца — рекордные сроки. Где я мог найти женскую душу, которой предначертана гибель? Постепенно до меня «дошло», что всё указывает на Миранду. Тогда я расторг наш контракт, отказываясь от прав на ее душу. Но три недели назад она покончила с собой. Следовательно, она не была мной спасена. Я просто оттянул естественный исход ее жизни на пять лет, вот и все. Тем не менее вопреки всему, ты жива, и я не понимаю... я каждую минуту жду подвоха, и меня это чертовски выматывает. — Заключил Брес, с силой потеряв лицо ладонью. Кажется, сказать все это было для него настоящим подвигом. — Черт, ты теперь считаешь меня сумасшедшим. Может, ты и права, я уже ни в чем не уверен...

— А ты никогда не думал, что последней, пятой женской душой могу быть я? — Кэри говорила на удивление спокойно для того сумасшествия, которое он только что перед ней вывернул.

— Что? Боже, ты должна была сказать, что я чокнутый псих.

— Почему?

— Разве это звучит правдоподобно?

— Нет, но это было на самом деле. Я знаю.

— Что? — Проклятье, кажется, он опять теряет свой словарный запас.

— Ну... про всё это. Возможно не с такой отчетливостью, но я помню.

Он берет передышку, чтобы осмыслить все только что ей сказанное.

— И как... как долго ты знаешь о том... кто я? Про мое прошлое. Про проклятье. Про то, что нас связывает.

— Уже три недели. Как раз после... тех твоих слов.

— Почему до сих пор не сказала?

— Подумала, что все испорчу. Да и не до этого было. Ни тебе, ни мне.

— То есть... в тот момент ты поняла, что должна умереть на следующий день? — Господи, и он оставил ее наедине с этой правдой.

— Честно признаться, я как-то не была особо этим озабочена.

— Что?! — Ого, да он сам себя превзошел в красноречии.

— Видишь ли... ты перенес многочасовую операцию, и все врачи твердили, что ты не выживешь. Говорили, что у тебя нет шансов. — Очень тихо произнесла Кэри, рассматривая свои руки. — Если честно, мне тогда вообще было без разницы, хотя смерть меня никогда не прельщала. Я даже допустила мысль, что по какой-то жестокой логике Фортуны все так и должно закончиться. С нами. Твоей сме... смертью. Ведь ты выполнил все условия проклятья, и это было бы логичным эпилогом твоей истории.

— Но Миранда...

— Ты ошибался, ставя на Миранду.

— Но ты... я ни черта не сделал, чтобы спасти тебя!

— Откуда ты можешь знаешь? Кто вообще знает, как повернулась бы моя жизнь, если бы я не встретила тебя. К тому же теперь... ты выжил, разве этого недостаточно? А еще те твои слова... Думаю, именно они заставили меня очнуться. Я не только вспомнила про нас, но еще... я поняла, что не имею права быть слабой. Только не после того, как ты находясь при смерти, сказал, что выживешь и будешь меня ждать. Это... в общем-то это меня проняло. И когда я пережила свой двадцать первый день рождения, то окончательно убедилась в том, что именно это твое признание и стало поворотным моментом в моей жизни. Понимаешь?

— Не так хорошо, как хотелось бы.

— Тогда можешь считать, что меня спасла... — Она вновь смущенно отвернулась, проговорив в сторону еле слышно: — ...твоя любовь.

М-да, хотя все это время Каролайн устойчиво верила, что любовь к нему ее погубит. Как иронично.

Брес освобождено выдохнул, смотря на нее словно на обретенный Грааль — божественную благодать и искупление. Теперь они молчали об одном, кажется, в состоянии читать мысли друг друга.

И все же, дабы вернуть ему долг, или хотя бы какую-то его часть, Кэри, глядя на свои стиснутые в кулаки руки, лежащие на коленях, решительно проговорила:

— Ты тоже должен кое-что узнать.

— Я весь внимание.

Зажмурившись, словно загадывая желание у торта со свечами, она припомнила эти не самые оригинальные слова.

— Я... Каролайн Атолл клянусь любить тебя, Эохайд Брес, в горе и в радости, в богатстве и бедности, в болезни и в здравии. Любить даже когда смерть разлучит нас.

Не осмелившись посмотреть на него после своей нелепой клятвы, Кэри подумала над тем,

настанут ли времена, когда один его взгляд не будет заставлять ее краснеть, как школьницу.

— Не думаю...

— А? — Она вздрогнула, испуганно на него посмотрев.

— Не думаю, что смерть разлучит нас. — Произнес самый счастливый мужчина на свете, даря ей прекраснейшую из улыбок. — Ведь мы собираемся умереть в один день, не так ли?

Точно. Они оба не были знакомы с понятием оригинальности, давая повод задуматься, как можно быть друг для друга такими... идеальными?

mir-knigi.org